

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 7 2025 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

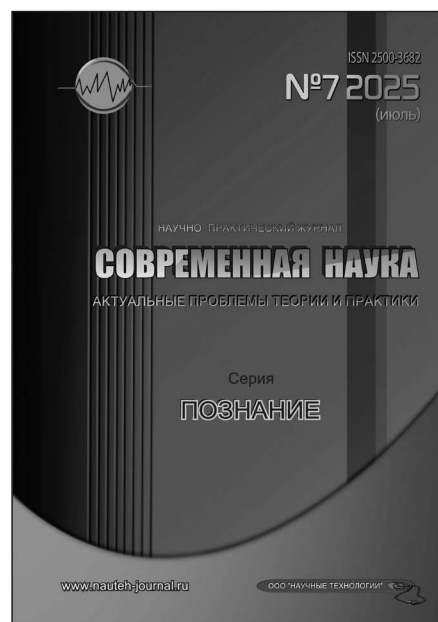
Подписано в печать 11.07.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №7 (июль) 2025 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

Ахметова С.К. – Кинодокументалистика: драма как средство эмоционального воздействия на зрителя

Akhmetova S. – Documentary film: drama as a means of emotional impact on the viewer 5

Байамонте А.С., Фатхуллина Д.В., Гафаров А.А. – Роль арабских женщин в формировании «мягкой силы» в персидском заливе

Bayamonte A., Fatkhullina D., Gafarov A. – The role of Arab women in shaping “soft power” in the Persian Gulf 11

Ван Ибинь – Влияние системы художественного образования России на развитие художественного образования в Китае

Wang Yibin – The influence of the Russian art education system on the development of art education in China 14

Ковальчук О.Г. – Искусственный интеллект и культурное наследие: разработка и оценка этической концепции

Kovalchuk O. – Artificial intelligence and cultural heritage: development and evaluation of an ethical concept 20

Ян Сяояо – Реализм и реконструкция: исследование фактуры масляной живописи и геометрической композиции

Yang Xiaoyao – Realism and reconstruction: a study of the texture of oil painting and geometric composition 25

Психология

Браславский А.Д. – Когнитивные нарушения при постковидном синдроме

Braslavsky A. – Cognitive impairment in post-covid syndrome 29

Велиева С.В., Зорина Е.В. – Влияние уровня развития рефлексии психических состояний на психологическое благополучие студентов колледжа

Velieva S., Zorina E. – Influence of the level of development of reflection of mental states on psychological well-being of college students 36

Виденничкин Д.М. – Биомаркеры стресса и их корреляция с прогрессированием онкологических заболеваний: новый взгляд на психоонкологическую поддержку

Vedenichkin D. – Biomarkers of stress and their correlation with cancer progression: a new perspective on psychoanalytic support 40

Волобуев В.В., Богрова К.Б., Тахтарова М.А. – Роль телесных модификаций в самовосприятии внешнего облика у девушек и юношей

Volobuev V., Bogrova K., Takhtarova M. – The role of bodily modifications in self-perception of appearance in girls and boys 44

Ешмейкина С.В., Велиева С.В. – Разработка программы формирования саморегуляции психических состояний у подростков на основе её взаимосвязи с тревожностью

Eshmeikina S., Veliyeva S. – Development of a program for the formation of self-regulation of mental states in adolescents based on its relationship with anxiety 50

Коневцев И.В., Родионова Е.А. – Синдром дефицита внимания и гиперактивности на рабочем месте

Konevtsev I., Rodionova E. – Attention deficit hyperactivity disorder in the workplace 56

Костарев В.В., Кожевникова Т.А., Иванова Е.В. – Психологические предикторы и соматические проявления риска нарушения психического здоровья у женщин жертв семейного насилия

Kostarev V., Kozhevnikova T., Ivanova E. – Psychological predictors and somatic manifestations of mental health risk in women victims of domestic violence 65

Кравченко С.В. – Социально-психологические факторы удовлетворенности жизнью в зрелом возрасте

Kravchenko S. – Socio-psychological factors of life satisfaction in adulthood 72

Маркарян К.В. – Социализации и особенности адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии в Российской Федерации

Markaryan K. – Socialization and adaptation features of migrant workers from Central Asia in the Russian Federation 79

Мельников А.П. – Механизмы контроля страха в условиях боестолкновения

Melnikov A. – Mechanisms of fear control in combat situations 84

Михайлова С.П. – Профориентационная ангажированность эмоционального труда в обществе впечатлений

Mikhailova S. – Career-oriented engagement of emotional labor in the society of impressions. ... 90

Никифорова А.А., Щеглова А.П., Ягудин Д.Р. – Нейропластичность и когнитивный контроль: интеграция методов саморегуляции для преодоления тревоги в публичных выступлениях
Nikiforova E., Shcheglova A., Yagudin D. – Neuroplasticity and cognitive control: integrating self-regulation techniques to overcome anxiety in public speaking 94

Романова И.В., Юматова Т.А. – Психологические предикторы суицидального риска в подростковом и юношеском возрасте

Romanova I., Yumatova T. – Psychological predictors of suicide risk in adolescence and adolescence 100

Руновская Е.Г., Ехтенкова А.А. – Ценностные основания выбора брачного партнера у молодежи гуманитарных и технических факультетов
Runovskaya E., Yekhtenkova A. – The value grounds for choosing a marriage partner among young people of humanities and technical faculties 104

Шавкин И.В., Куприянов Р.В. – Оценка эффективности программы внедрения корпоративных ценностей
Shavkin I., Kupriyanov R. – Assessment of the effectiveness of the corporate values implementation program 108

Шамилова В.В., Рагулина М.В. – Жизнестойкость личности с разными характеристиками образа отца

Shamilova V., Ragulina M. – The resilience of a person with different characteristics of the father's image 112

Юсипова А.Б. – Боевой стресс в современных условиях: системный анализ ключевых факторов
Yusipova A. – Combat stress: system analysis of key factors 118

Философия

Богомолов А.В. – «Начала и пределы» в «теогонии» Гесиода как предпосылка критики традиционных религиозных представлений в философии Гераклита и Ксенофана: историко-философский анализ

Bogomolov A. – "Sources and extremities" in Hesiod's theogony as a prerequisite for criticism of traditional religious ideas in the philosophy of Heraclitus and Xenophanes: historical and philosophical analysis 123

Винто В.В. – Метафизика коммунизма-капитализма: структура сознания как выбор политической идеологии

Vinto V. – The metaphysics of communism-capitalism: the structure of consciousness as a choice political ideology 127

Пискарев П.М. – «Метод Нейрографика» в системе научного знания: семантика и метадисциплинарность

Piskarev P. – "Method of Neurographics" as a part of scientific knowledge: semantics and metadisciplinary 135

Рябова Е.Ю. – Роль социальных инноваций в эволюции социокультурных норм и практик

Ryabova E. – The role of social innovations in the evolution of sociocultural norms and practices 140

Скопа В.А. – Концепты «пространство» и «время» в философии Н. Бердяева

Skopa V. – The concepts of "space" and "time" in the philosophy of N. Berdyaev 145

Информация

Наши авторы. Our Authors 149

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 150

КИНОДОКУМЕНТАЛИСТИКА: ДРАМА КАК СРЕДСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЯ

DOCUMENTARY FILM: DRAMA AS A MEANS OF EMOTIONAL IMPACT ON THE VIEWER

S. Akhmetova

Summary: The article will discuss the evolution and development trends of world television documentary, in the context of its relevance in modern society. By comparing characteristic features, its genre features are revealed. The main goal of the author's research is practical activity in the field of film and television documentary, to create new forms of documentary films and TV series. Particular attention is paid to the analysis of the formation of a new format of television documentary - "docudrama", the most popular genre of modern world television art.

Keywords: trends, tendencies, television documentary, new format, docudrama.

Ахметова Сауле Касымовна

Старший преподаватель, Казахская Национальная Академия Искусств имени Тимурбека Жургенова
Kasymovna@list.ru

Аннотация: В статье речь пойдет об эволюции и тенденции развития мировой телевизионной документалистики, в контексте его востребованности в современном обществе. Посредством сопоставления характерных признаков, раскрываются ее жанровые особенности. Основной целью авторского исследования является практическая деятельность в сфере кинотеледокументалистики, по созданию новых форм документального кино и сериалов на телевидении. Особое внимание в статье уделяется анализу становления нового формата телевизионной документалистики - «докудрама», наиболее популярного жанра современного мирового телеискусства.

Ключевые слова: тренды, тенденции, теледокументалистика, новый формат, докудрама.

Введение

В последние десятилетия кинематограф активно исследует границы между документальным и художественным кино. Одной из форм этого взаимодействия стала документальная драма — жанр, сочетающий достоверность документалистики с выразительными средствами игрового кино. Цель данного исследования — определить характерные особенности документальной драмы, проанализировать её как гибридный жанр и рассмотреть причины её популярности в современном медийном пространстве. Также рассматриваются примеры, иллюстрирующие эстетическую и социальную значимость жанра.

Методология

В исследовании использован качественный метод аналитики с элементами жанрового и структурного анализа. В качестве основного материала были изучены художественные и документальные фильмы в жанре документальной драмы, публикации в академических журналах по киноискусству. Также проведено сравнение структурных особенностей документальной драмы с чистыми формами документального и игрового кино.

Обсуждение и результаты

В результате анализа выявлены следующие характеристики документальной драмы как гибридного жанра:

фактическая достоверность: основа сюжета — реальные события; драматургическая реконструкция: воспроизведение сцен с помощью актёров и сценария; эстетическая двойственность: сочетание стилистики документального и художественного кино; эмоциональная вовлечённость зрителя, обеспечиваемая за счёт драматических приёмов; социальный и этический дискурс: жанр часто используется для обсуждения сложных социально-драматических и историко-биографических тем.

Документальная драма представляет собой уникальный жанровый гибрид, стремящийся соединить факт и чувство, реальность и восприятие. Такой подход позволяет сделать документальные темы более доступными широкой аудитории, при этом не теряя содержательной глубины. Важным аспектом является вопрос этики: граница между интерпретацией и манипуляцией остаётся предметом дебатов в кинокритике и академической среде. Жанр также откликается на современный зрительский запрос-сочетание информативности и драматического повествования, что делает документальную драму особенно актуальной в эпоху потоковых сервисов и сериализации.

Выводы

Документальная драма — важный и перспективный жанр, находящийся на стыке журналистики, кинематографа и художественной интерпретации. Её синтетическая природа позволяет задействовать широкий арсе-

нал выразительных средств и формировать у зрителя более глубокое понимание реальности.

По мнению авторов труда «Типология жанров современной экранной продукции» Н.Вакуровой и Л.Московкина «В настоящее время жанровая структура кинодокументалистики не только не устоялась, но находится в процессе мало предсказуемых перемен. Проблема непосредственной документалистики, как она поставлена в трудах Д.Вертова, требует изобретения новых жанров и использования изоощренных изобразительно-выразительных средств.[1] Проблемы расширение жанрового и тематического разнообразия эфирных программ является одним из ключевых вопросов развития современного телевизионного искусства. В последнее время на отечественных телеканалах предпринимаются определенные усилия по модернизации формата вещания. В основном, это заметно по резкому увеличению производства художественных и документальных сериалов, различных развлекательных проектов, дискуссионно-аналитических и историческо-публицистических цикловых программ. Наряду с этим, налицо и заметное расширение жанрово-форматных рамок документальной продукции. «Параллельно росту объемов производства наблюдается и расширение границ документальной продукции. Деформируется понятие достоверности как базисной онтологической характеристики действительности, попавшей в рамки кадра»[2] Все эти изменения вызваны требованиями сегодняшнего дня, в том числе высоким интеллектуально-духовным запросом современного телезрителя. Ибо сегодня в мире наблюдается резкий рост интереса зрительской аудитории к зрелищным телесериальным продукциям, посвященных самым актуальным темам. И в особенности, к телевизионному контенту, транслируемому в игровом формате. Вокруг производства художественных фильмов и телесериалов по всему миру создаются гигантские киноиндустрии. Миллиарды долларов ежегодно инвестируются в то, чтобы товары «духовных фабрик» были ликвидными и работали с высокой эффективностью, в соответствие с современными требованиями и коммерческими интересами их хозяев. Не секрет, что в эту отрасль привлекаются огромное количество специалистов и экспертов, которые по заданию владельцев кинотелекорпораций занимаются проблемами дальнейшего развития различных отраслей кино и телевидения, изучают «настроение» аудитории, их зрительские предпочтения, определяют, какие темы могут привлечь внимание потребителей аудиовизуальных продуктов в перспективе, как и в куда направлять их умы-разумы.

В качестве одной из тенденции развития телеиндустрии можно назвать то, что в последние годы в мировой кинотелеиндустрии стало набирать обороты производство мини-сериалов, состоящих из 5-8 частей, так называемых, пенталогии – окталогии, вместо прежних,

«долгоиграющих», многосерийных. И, конечно же, насколько жизнеспособными окажутся подобные тенденции, покажет будущее развития жанров и форматов кинотеледокументалистики.

Тем не менее, исследователи кинотелеискусства признают тот факт, что в современную эпоху цифрового вещания, преимущественное большинство зрителей склонны смотреть аудиовизуальные произведения в компактном формате и поэтому вместо того, чтобы растягивать в количественном плане серий в художественных и документальных кинотелепроектах, было бы логичнее максимально расширить их тематическое разнообразие и актуальность. Это выгодно и производителям. Ибо в современном, быстро меняющемся мире, владельцы производства экранных продуктов будут заинтересованы сократить время и средства на создание подобных сериалов, в пользу того, чтобы за счет сэкономленных ресурсов, финансировать новые зрелищные визуальные проекты. В свою очередь, это удобно также, и зрителям, которые не имеют возможности, не отрываясь от экрана, изо дня в день, следить за длинной чередой киноисторий, состоящих из многих десятков частей.

По мнению экспертов, в любой цивилизованной стране большая часть аудитории экранных искусств предпочитают смотреть зрелищные проекты в игровом, художественном или развлекательном формате. Надо признать, что большая доля современных телекинопроизведений ориентированы именно, на развлечение зрителей. Телепродукция в таком формате фактически является решающим фактором увеличения зрительской аудитории и соответственно, одним из основных способов зарабатывания денег, с помощью рейтинговых показателей. На современном этапе развития экранных искусств, показатели «рейтинга» на телевидении и «проката» в кинематографе – это категории, определяющие инвестиционную привлекательность экранного проекта.

По утверждению ряда экспертов, потенциал документально-публицистических и научно-популярных фильмов и программ, считавшихся на заре становления аудиовизуального искусства, весьма привлекательным инструментом и мощным идеологическим оружием телевидения классического образца, и которые до сих пор еще находятся на переднем крае экранной журналистики, с точки зрения современных требований, потенциально не способны собирать перед экраном большие зрительские аудитории.

Тем не менее, в настоящее время, в мире наряду с растущим спросом на художественно-зрелищные фильмы, параллельно наблюдается подлинный интерес зрителя к кинотеледокументальным продукциям, снятых в различных форматах и жанрах, основанных на историче-

ско-биографических и социальных событиях, а также актуальных темах, включающих в себя элементы «игрового кино». Ведь, вдумчивому зрителю, посредством воспроизведения и актуализации исторической памяти, хочется глубже понять и познать сакральные тайны прошлых эпох и образы ярких личностей, в то же время, находиться в курсе всех событий и явлений, происходящих в современной реальной жизни.

«В кино вообще очень сильна функция обратной связи с потребителем, что заставляет кино активно отвечать на ожидания зрителя. Отвечать и содержанием фильма, и его жанровой формулой, которая становится рыночным инструментом»[3]

Кинотеледокументалистика, и по содержанию и по жанровым характеристикам в корне отличается от других форм экранных произведений. В основном она выполняет просветительскую миссию, этим и привлекает зрителя. По мнению исследователей, подобного формата фильмы смотрят наиболее интеллектуально развитая, продвинутая, образованная и подготовленная группа телевизионной публики, и следовательно, нашим документалистам-публицистам и необходимо, в первую очередь, ориентироваться на эту часть потенциальной аудитории.

Учитывая эти общемировые тенденции и отношение в современной общественной и интеллектуальной среде к экранной документалистике, креативные кинотелекомпании создают новые форматы, которые вывели бы потенциальный рынок документального кинотелепродукта на путь ускоренного развития и совершенствования. Примечательно, что год от года рынок неигрового кино наполняется новыми художественно-изобразительными средствами и приемами. По мнению Е.Б.Футерман: «Именно в документальном кино всегда шел поиск, разработка киноязыка, достижения которого переходили в кино игровое»[4]

Одним из реальных результатов подобных поисков, является художественно-документальные фильмы, возникающие в результате синтеза жанров художественного и документального кино. Самой заметной особенностью нового направления стало то, что в документалистике все чаще стали использовать игровые эпизоды, «воспроизводящие» исторические события, посредством постановочных сцен и профессиональных актеров. Данная форма киноповествования призвана в художественном ключе реконструировать исторические и социальные события, а также «воссоздать» на экране судьбы известных личностей.

Тематическим стержнем подобных документально-драматических произведений являются важные со-

бытия, явления и реальные факты, а реконструкция или «оживление» отдельных истории и сцен из жизни прошедших эпох в форме постановки, становится основным изобразительно-повествовательным приемом съемки. Вместе с тем, одной из ее характерной особенностью является широкое использование в ней документальных материалов, журналистских исследований, авторского комментария, интервью с героями и экспертами. Синтез всех вышеуказанных компонентов документалистики, в свою очередь, способствует формированию единого художественного образа документального произведения.

По утверждению режиссера-оператора многих документальных фильмов, профессора В.Познина: «Не следует путать документальное кино с короткими вставками постановочных эпизодов, задачи которых – оживить изобразительный ряд. В этом случае вставные кадры или микроэпизоды сродни иллюстрациям, помещаемым в книгах»[5]

Документальное кино имеет множества видов, направлений, жанров и поджанров. Перечислить всех их вряд ли возможно, так как, они не имеют четких границ, контуров, видоизменяются, взаимодополняют. Хотя до сих пор в мире киноиндустрии вышеуказанный формат документального кино не признан полноценным жанром, тем не менее, в наше время он широко используется в мировой практике телепроизводства под названием «документальная драма». Популярность данного формата, в котором в классическую форму документального произведения, внедряются компоненты игрового кино, можно объяснить тем, что, во первых, авторы современных докупроектных чаще всего стали обращаться к таким темам, где исторические факты и документальные свидетельства сохранены только лишь на бумажных носителях, мифах, легендах и в памяти народной, и где, соответственно, о возможности использования фотовидеохроникальных кадров и синхронных записей героев и очевидцев исторических событий, не может быть и речи. Во вторых, без использования игровых элементов, в плане зрелищности, документальные исторические и социального характера, вряд ли заинтересуют современного зрителя.

В целях придания привлекательности документальному кинотелепроизведению, в последнее время их авторы в своей творческой практике, все чаще стали применять наиболее популярные приемы документальной драмы. «Докудрама в которой историческая достоверность является лейтмотивом, обычно отличается от фильма просто «основанном на реальных событиях», термин, который подразумевает большую степень драматической лицензии»[6] «Чтобы документальное кино на ТВ стало успешным и его поставили в прайм-тайм, посмотрело

большинство зрителей и оно имело высокий рейтинг, - резюмирует Е.Б.Футерман, - необходимо соблюсти как минимум два условия. Первое, должна быть современная журналистская составляющая: факты, основанные на документах и поданные в стиле инфотейнмент, с детализацией и прорисовкой мелких человеческих черт и повседневных характеров. И второе – все это должно быть облечено в современный формат – с постановками, реконструкцией, интересными стенд-апами, исследованиями, роуд-муви, графикой, может, даже художественной актерской игрой и приемами клипового монтажа. Одно без другого существовать не может». Из этого следует, что «современная форма организации материала подразумевает использование всех приемов: от харизматичного автора, интересной личности-героя, важное событие, показанное с интересной точки зрения, до интервью и постановки, с использованием уникальных кадров. Это должно быть захватывающее исследование, но в форме инфотейнмент»[7]

Кинорежиссер-документалист, режиссер 50 документальных фильмов К.А.Щергова в статье «Эволюция жанров в документальном телевизионном кино» отмечает: «Автор этих строк относится к той категории документалистов, которые отстаивают «чистоту жанра», негативно воспринимают внедрение в кинопублицистику игрового начала, считают, что писать историю современности следует, основываясь на зафиксированных фактах реальности. Но как теоретик, автор не может не признать правомерность присутствия – при определенных условиях – игровых элементов и даже художественного вымысла в документальном фильме. Собственно, условие одно – правда. Не надо пытаться обмануть зрителя, выдать придуманное, инсценированное – за документальное. Документальность должна присутствовать в фильме как доминирующий элемент, причем элемент содержательный, а не формальный»[8]

Появившиеся на телеканале BBC более полувека назад, как реконструкция исторических и актуальных социальных проблем документальная драма, в наше время занимает прочные позиции в жанровой системе мировых СМИ. В последние годы популярность документально-драматических телепродукций, которые стали стабильно занимать «почетное» место в эфирной сетке крупнейших мировых телекомпаний, таких, к примеру, как Viasat History, резко возросла, и феномен широкого распространения докудраны в глобальном масштабе, в пору рассматривать как начало «эпохи возрождения» этого формата. Из истории известно, что основы аналогичной формы документалистики были заложены еще в начале 1960-х годов. Человеком, который стоял у истоков докудраны был Питер Уоткинс, работавший в то время режиссером документальных фильмов на Британском BBC. Снятым в то время своим фильмам он давал

название «Драма, подготовленная по технике документального кино». В своих авторских фильмах «Каллоден» и «Военные игры», получившего премию «Оскар» в 1965 году, Уоткинс сумел рационально использовать формат «срочных новостей» как документально-драматический прием, представляя современных репортеров, находящихся в центре давно ушедших исторических событий и берущих там же интервью непосредственно у участников. Еще один режиссер, снимавший свои фильмы в жанре документалистики, - Кен Лоуч. В своем фильме «Кэти, вернись домой!» он поднял актуальную в то время в Англии тему бродяжничества и вошел в историю как первый режиссер, основавший «социально-документальную драму». «И если в Великобритании докудрама это телефильм с претензией на объективность как программы новостей, у американской докудраны конечная цель-это рентабельность» В этом смысле П. Уоткинс, как радикал жанра докудраны, оценивая масштабы воздействия глобализации, противостоит односторонней медиакоммуникации манипулятивного характера[9] В кинематографе страны советов художественно-документальные произведения, наиболее близкие к жанру документальной драмы, появились еще задолго, чем в западных странах. Кадры художественных фильмов режиссера Сергея Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» и «Октябрь», снятых в 1925-1927 годы прошлого века, по сегодняшний день по формату воспринимаются как документальная кинохроника революционных событий того времени. «Мощь их воздействия в том, что они по сей день выставляются и воспринимаются в качестве подлинного архивного материала первой русской революции»[10]

На казахстанских телевизионных каналах формат «документальная драма», в современном понимании, впервые появился в начале второго десятилетия. Хотя, надо признать, первым казахстанским фильмом, снятым в жанре докудраны, по утверждения киноведов, стал «Аллажар» (2001г.) режиссера Калдыбая Абенова. Он был снят в формате художественной реконструкции драматических, трагических событий декабря 1986 года – митингов и беспорядков в Алматы.

К одним из первых отечественных телевизионных проектов документально-драматического характера можно отнести и многосерийный телефильм «Абай», снятый более 10 лет назад в жанре документальной драмы режиссером Нургельды Садыгуловым, по заказу Национального телеканала «Казахстан». В фильме участвовали известные ученые-абаеведы, использовались множество документальных фактов, исторических реликвий и артефактов, из литературно-мемориального музея Абая, видеокдры, снятые на родине великого поэта – в урочище Жидебай. Широко были представлены зрителю «реконструкции событий» и постановочные сцены, воссоз-

дающих на экране известные и малоизвестные эпизоды из жизни великого поэта, с участием известных актеров.

Это документально-биографическое произведение, с использованием хроникальных и постановочных компонентов, и которое было тепло принято телезрителями, показало, что формат телевизионной документальной драмы становится для отечественных мастеров кинотелеискусства оптимальным приемом показа и прославления великих исторических личностей казахского народа, в период образования и становления казахской государственности, а также, ознакомления с их жизнью и деятельностью, широкого круга зрителей.

В последующие годы отечественные телеканалы стали все больше уделять внимание, отводить больше времени в своих эфирных программах художественно-документальным произведениям. Наблюдается значительный рост объема и высокий качественный уровень документальных проектов на государственных телеканалах «Казахстан», «Абай», «Хабар», «Жибек жолы». Примечательно, что художественно-изобразительные решения проектов документально-драматического направления и конструктивно-публицистический подход к созданию программ, посвященных переломным моментам в истории страны, и изображающих цельные образы и характеры великих ученых, поэтов и писателей, а также выдающихся государственных деятелей «Алаша», свидетельствуют о том, что к настоящему времени отечественные телеканалы сформировали свой творческий и профессиональный почерк в освоении этого формата.

Глава государства Касым-Жомарт Токаев в своей статье «Независимость дороже всего» отметил: «Сегодня в мировой киноиндустрии существует высокий спрос на сценарии на историческую тему. Фильмов о знаменитых событиях как в Америке, так и в Европе очень много... Теперь взоры Netflix, HBO и других крупных кинокомпаний обращены на Азию. В этой связи, в нашей истории тоже имеются важные события, которые могли бы лечь в основу масштабных фильмов... Специалистам киноиндустрии в будущем следует обратить внимание на этот вопрос. В художественных и документальных, исторических произведениях всегда должна отражаться идея государственности и беззаветного служения Родине» [11]

Действительно, по утверждению искусствоведов, «игроки» мирового уровня, доминирующие в кинотелеиндустрии, в последнее время стали уделять более пристальное внимание локальному и региональному контенту и выходить с этими проектами на международный телерынок. В качестве примера можно сказать, что американская сеть платного телевидения HBO выпустила сериалы по произведениям итальянской писательницы Элены Ферранте, которые входят в число бестселле-

ров мировой литературы. Авторы подобных проектов, в соответствии с запросом зрителя, будут стремиться и приложат максимум усилий, для того, чтобы отобразить историческую правду о выбранном регионе и эпохе.

Такая тенденция в развитии мирового экранного искусства, указывает на то, что преобладание развлекательных шоу-проектов на современных телеканалах, в ближайшем будущем не смогут воспрепятствовать бурному росту комбинированных кинотелепродукций в художественно-документальном формате.

Вполне вероятно, что в недалеком будущем исследователи и теоретики кинотелеиндустрии попытаются более точно определить характерные особенности формата документальной драмы, обосновать с точки зрения теории и сформировать ее как отдельный жанр, отличающий их от подлинно классического документального и художественного кино.

Пока же, задача кинематографистов заключается в том, чтобы рационально объединить и оптимально использовать привлекательные приемы производства экранной продукции художественно-документального формата, в целях создания идейно-содержательных, технологически инновационных, в творческом плане креативных, высококачественных кинотелепроектов на исторические, социальные, а также актуальные темы дня, способных более полно отвечать современным требованиям и духовным запросам телезрителей.

Заключение

Жанр документальной драмы занимает особое место в медиа-поле XXI века. Он не только информирует, но и формирует коллективную память, предлагая новые формы диалога между фактом и интерпретацией, личным и общественным, прошлым и настоящим. Его появление обусловлено как технологическими, так и социокультурными изменениями — ростом интереса к достоверному контенту, потребностью в эмоциональном восприятии информации, а также кризисом доверия к традиционным СМИ. Драма в кинодокументалистике выступает мощным средством воздействия на зрителя, повышая эмоциональную вовлеченность и глубину восприятия. Использование драматургических приёмов, звукового оформления и персонализации историй делает документальные фильмы более выразительными и запоминающимися. Драматизация реальных событий позволяет авторам не только реконструировать прошлое, но и интерпретировать его, выстраивать нарратив, задающий вопросы зрителю. Однако авторы должны сохранять баланс между художественным выражением и достоверностью, чтобы не исказить реальность в погоне за эмоциональным эффектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вакурова Н.В., Московкин Л.И. Типология жанров современной экранной продукции. Учеб. Пособие. М.: Ин-т современного искусства, 1998. 66с71.
2. Е.А. Манскова Жанровая иерархия современной телевизионной документалистики. Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 6: Журналистика.
3. Салынский Д. «Наброски к проблеме жанров в кино» // Киноведческие записки, 2005. №69. (Электронный ресурс).
4. Футерман Е.Б. Научная статья. Современная телевизионная документалистика: особенности журналистского контента, 2010. (Электронный ресурс)
5. Познин В.Ф. Исторический документальный фильм: эстетический аспект. Научная статья, 2007
6. Хоффер, Том У. и Ричард Алан Нельсон «Докудрама на американском телевидении». Журнал Ассоциации университетских фильмов, 30, №2 (весна 1978): 21-7.
7. Футерман Е.Б. Научная статья. Современная телевизионная документалистика: особенности журналистского контента, 2010. (Электронный ресурс)
8. Шергова К.А. Эволюция жанров в документальном телевизионном кино, 2010. Академия медиаиндустрии.
9. К. Рахимова Гибридные фильмы художественно-документального пространства: докудрама. Вос-мер-ка. Лицом к лицу с кино. 2021.
10. К. Тоқаев «Независимость – дороже всего» Газета «Егемен Қазақстан» Статья. 5.01.2021г.

© Ахметова Сауле Касымовна (Kasymovna@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ АРАБСКИХ ЖЕНЩИН В ФОРМИРОВАНИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ

THE ROLE OF ARAB WOMEN IN SHAPING "SOFT POWER" IN THE PERSIAN GULF

**A. Bayamonte
D. Fatkhullina
A. Gafarov**

Summary: Today, the influence of women in Arab countries has significantly changed due to cultural and social transformation. Since the 2000s, the role of Arab women in shaping "soft power" in the Persian Gulf states has noticeably increased, due to changes in the perception of women and their role in society. This article examines the influence of women on the international image of Arab countries (UAE, Qatar, Saudi Arabia, Oman, Kuwait, and Bahrain) through culture, values, and ideas.

Keywords: Arab women, "soft power", Persian Gulf, gender equality, education, culture, social initiatives.

Байамонте Аделя Саттаровна

Кандидат исторических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
satadel@inbox.ru

Фатхуллина Диляра Вялитовна

Соискатель, МГУ им. М. В. Ломоносова

Гафаров Анвар Айратович

Кандидат исторических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Anvar.Gafarov@kpfu.ru

Аннотация: Сегодня влияние женщин в арабских странах благодаря культурной и социальной трансформации значительно изменилось. С 2000-х гг. заметно выросла роль арабских женщин в формировании «мягкой силы» в странах Персидского залива, что обусловлено переменами в восприятии женщин и их роли в обществе. В данной статье изучается влияние женщин на международный имидж арабских стран (ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия, Оман, Кувейт и Бахрейн) через культуру, ценности и идеи.

Ключевые слова: арабские женщины, «мягкая сила», Персидский залив, гендерное равенство, образование, культура, социальные инициативы.

В большей части стран западного мира словосочетание «арабские женщины» вызывает в воображении образ скрытых от глаз, изолированных женщин, чья жизнь включает в себя домашние дела и воспитание детей. Тем не менее такое мнение неверное и некорректное, поскольку модернизация и глобализация, с XIX в. характеризующие и исламский мир, вызвали здесь к жизни процессы эмансипации женщин. Наиболее активно данные процессы проявились на Востоке, в мусульманских странах, находящихся в зоне интенсивного межкультурного взаимодействия. В настоящее время арабские женщины существенно влияют на международное восприятие арабского мира, популяризируя богатое культурное наследие своих стран.

Теоретические основы политики «мягкой силы» (или *soft power*) были заложены в трудах американского политолога Джозефа Самуэля Ная-младшего [1], к инструментам которой, в отличие от политики принуждения, он относит публичную дипломатию, радио- и телевидение, программы обменов, привлечение иностранных студентов, содействие развитию, ликвидацию последствий стихийных бедствий, сотрудничество и др.¹ Современные тенденции международных отношений показали перспективность этого направления, в свете чего представляется актуальным анализ влияния арабских женщин на

имидж страны через культуру, образование, социальные инициативы и медиакоммуникацию.

Безусловно, одним из ключевых факторов влияния на формирование «мягкой силы» является культура. Различные многочисленные мировые форумы, фестивали и выставки – кинематографические, литературные, художественные и др. – демонстрируют уникальность и богатое наследие арабской культуры. Проявляя свои способности в литературе, искусстве и музыке, арабские женщины становятся важными участниками культурной жизни в странах Персидского залива. Например, в 2022 г. *Doha Film Institute* (DFI) в Катаре запустил программу финансирования для женщин-режиссеров. Поводом послужило то, что на 7-м кинофестивале *Ajyal* под эгидой DFI, где к показу планировались 96 фильмов из 39 стран, 56 из участвующих в конкурсе режиссеров были женщины [2]. Многие работы женщин-режиссеров были представлены на международных фестивалях, включая Каннский кинофестиваль.

Последние несколько лет в арт-галереях Саудовской Аравии проходят выставки [3], большая часть которых представлена женщинами-художницами. Работы саудовских художниц Захры Аль Гамди и Лулуи Аль-Хомуд представлены на национальных и международных вы-

¹ Впервые термин *soft power* Дж. С. Най использовал в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (New York, 1990).

ставках [4]. Художница из Омана Майс аль-Мусави активно продвигает традиционное оманское искусство [5]. Ее работы получили признание как на местном, так и на международном уровне, что помогает формировать положительный имидж страны.

В XX в. именно женщины стали пионерами в развитии литературной деятельности в Кувейте. Хотя представительство женщин в творческих сферах ранее было редкостью, кувейтские писательницы сыграли важную роль в решении проблем социального неравенства и патриархальных устоев. Они продолжают вносить свой вклад в литературную сферу региона, тем самым прокладывая путь к большему международному признанию литературы Халиджи [6]. Выставка *Kuwait International Book Fair* является крупнейшим культурным мероприятием, ежегодно организуемым Национальным советом по культуре, искусству и литературе, и здесь женщины-авторы активно участвуют в презентации своих книг. С 2016 г. ежегодно проводится Ярмарка современного искусства Бахрейна *Art Bahrain Across Borders*, где работы женщин-художниц представлены наравне с работами мужчин-художников, подчеркивая гендерное равенство в искусстве [7].

Безусловным критерием для исследования роли арабских женщин является образование – ключевой фактор в формировании «мягкой силы». Согласно плану развития *Qatar National Vision 2030*, страна должна превратиться в ведущий региональный центр научных исследований и инновационных разработок. «Государство должно поощрять усиление роли катарской женщины во всех сферах жизни, в том числе ее участие в принятии важных экономических и политических решений». Программа *Qatar University Women's Studies* активно поддерживает женщин в получении образования и проведении научных исследований.

В Саудовской Аравии благодаря плану развития *Vision 2030* также делается упор на гендерном равенстве в образовании: в 2021 г. женщины составили более 50 % студентов в университетах страны [8].

В плане развития *Oman Vision 2040* предлагается стратегия по повышению численности женщин в развитии науки и технологий, что будет способствовать их активному участию в экономике страны [9].

Согласно данным статистического агентства Кувейта, женщины составляют более 70 % от общей численности студентов в высших учебных заведениях [10]. Это позволяет им занимать ведущие позиции в различных отраслях, включая образование и здравоохранение. В Бахрейне тоже наблюдается значительный рост числа женщин, участвующих в проектах, которые связаны с наукой и разработкой и применением новых технологий. По дан-

ным 2020 г., более 40 % студентов, обучающихся по специальностям STEM (англ. Science, Technology, Engineering and Mathematics), составили женщины [11].

Следующими критерием для оценки роли арабских женщин в формировании «мягкой силы» являются социальные инициативы. Например, некоммерческая организация *Qatar Foundation* активно поддерживает женщин через программы, направленные на их профессиональное развитие и лидерство. Предоставляя возможности и поддержку, программа фокусируется на образовании и карьерном росте женщин. В 2020 г. новая законодательная инициатива в Саудовской Аравии позволила женщинам занимать более 30 % мест в местных советах, что повысило их участие в политической жизни [12]. Оманская ассоциация женщин проводит тренинги и семинары для женщин, обучая их навыкам лидерства и бизнеса, помогая становиться активными участницами общественной жизни. *Kuwait Women's Cultural and Social Society* работает над повышением уровня жизни женщин и расширением их прав, а также проводит кампании, направленные на оказание помощи женщинам и борьбу с гендерной дискриминацией [13].

Благодаря развитию социальных сетей и медиа арабские женщины получают новые платформы для выражения своих идей. Первая медиаплатформа в Катаре *Doha News* предоставляет женщинам возможность делиться своими историями и опытом. Женщины-репортеры освещают проблемы, связанные с правами женщин и социальной справедливостью [14]. С запуском телеканала *Saudi Women's Channel* в 2021 г. появилась платформа для обсуждения важных социальных (включая гендерные) вопросов. Женщины получили возможность рассказать о своих достижениях и культурных инициативах [15]. *Bahrain Women's Journal* также предоставляет информационную платформу для женщин, где они делятся историями своего успеха и выступают в защиту своих прав. Указанные инициативы представляют позитивный образ женщин-мусульманок [16]. Динамика их участия в различных сферах жизни показывает, что арабские женщины являются важными участниками в формировании позитивного имиджа страны.

Успех деятельности таких фондов, как *Mawhiba* («Образование для одаренных и креативных») в Саудовской Аравии, показывает, что поддержка талантливых женщин может привести к значительным достижениям [17]. Статистика подтверждает, что гендерное равенство в образовании и экономике выражается в улучшении качества жизни. Например, по данным ООН, каждая дополнительная учеба женщин увеличивает их доход на 10 %. Это не только улучшает их личное финансовое положение, но и позитивно отражается на экономике в целом. К тому же образованные женщины инвестируют в своих детей, способствуя таким образом развитию общества.

Несмотря на достигнутые успехи, арабские женщины сталкиваются с различными вызовами: на их положение все еще влияют гендерные стереотипы и социальные нормы прошлого. Например, согласно отчету Всемирного экономического форума, в 2021 г. только 25 % мест в парламентах арабских стран занимали женщины [18]. К тому же женщины в странах Персидского залива сталкиваются с проблемами в сфере образования и культуры, что требует дальнейших усилий для достижения равенства и полноценного участия женщин в общественно-политической, культурной и экономической жизни.

Глобальные тенденции, например преодоление последствий пандемии COVID-19, приводят к тому, что арабские женщины не только решают стоящие перед обществом вопросы, но и обретают новые возможности. Пандемия продемонстрировала важность цифровых технологий, и у женщин, обладающих доступом к этим ресурсам, появилась возможность для широкой социализации. Увеличение числа женщин в цифровом пространстве ведет к их более активному участию в политике и бизнесе.

Международные движения за права женщин, такие, как *#MeToo* и *Time's Up*, вдохновляют арабских женщин и, призывая бороться за свои права, подчеркивают необходимость коллективных усилий для достижения гендерного равенства. Совместные действия будут способствовать формированию более благоприятной среды для женщин в Персидском заливе.

Роль арабских женщин в формировании «мягкой силы» в Персидском заливе является важным аспектом, который следует учитывать в международной жизни. Вклад женщин в культуру, образование, социальные инициативы и медиа не только изменяет внутренние реалии, но и способствует формированию позитивного имиджа региона на международной арене. Поддержка и развитие инициатив, направленных на укрепление положения женщин, могут стать ключом к дальнейшему прогрессу в формировании «мягкой силы» арабских стран. Для достижения реальных изменений необходимо продолжать работу по устранению барьеров и созданию равных возможностей для женщин, а также поощрять их активное участие в общественной и политической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nye J. S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.
2. Qatari film festival pulls in younger generations. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2019/11/19/qatari-film-festival-pulls-in-younger-generations> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Singh A. Rise of the Saudi Female Artists // About Her. URL: <https://www.abouther.com/node/9196/entertainment/art-books/rise-saudi-female-artists> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Художница из Саудовской Аравии представила выставку в Венеции // Country Scanner. 2019. 13 мая. URL: <https://countryscanner.ru/hudozhnica-iz-saudovskoj-aravii-predstavila-vystavku-v-venecii/> (дата обращения: 17.10.2024).
5. Mays Al Moosawi. URL: <https://www.maysalmoosawi.com/about-7> (дата обращения: 17.10.2024).
6. Alshammari Sh. How Women Shaped Kuwait's Literary Scene // Fiker Institute. 2022. September. URL: <https://www.fikerinstitute.org/publications/how-women-shaped-kuwaits-literary-scene> (дата обращения: 20.03.2025).
7. ArtBAB: Art Bahrain Across Borders // Art Fair Magazine. URL: <https://www.artfairmag.com/artbab-art-bahrain-across-borders/> (дата обращения: 20.03.2025).
8. Saudi Arabia Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa> (дата обращения: 20.03.2025).
9. Vision Oman 2040 // Arab National Development Planning Portal. 2019. January. URL: <https://andp.unescwa.org/plans/1200> (дата обращения: 20.10.2024).
10. Kuwait Statistical Yearbook 2021 // Kuwait Central Statistical Bureau. 2021. URL: <https://www.csb.gov.kw/> (дата обращения: 20.10.2024).
11. Annual Economic Report 2021 // Bahrain Economic Development Board. 2021. URL: <https://www.bahrainedb.com/> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Women's Rights in Saudi Arabia // Saudi Gazette. 2020. URL: <https://www.saudigazette.com.sa> (дата обращения: 20.10.2024).
13. Advancements in Women's Rights in Kuwait // Kuwait Times. 2022. URL: <https://www.kuwaittimes.net> (дата обращения: 19.10.2024).
14. Women's Rights in Qatar // Doha News. 2022. URL: <https://www.dohanews.co> (дата обращения: 19.10.2024).
15. Women Empowerment Initiatives in Saudi Arabia // Saudi Press Agency. 2021. URL: <https://www.spa.gov.sa> (дата обращения: 19.10.2024).
16. Women's Contributions to Bahraini Society // Bahrain News Agency. 2022. URL: <https://www.bna.bh> (дата обращения: 19.10.2024).
17. King Abdulaziz and his Companions Foundation for Giftedness and Creativity // Mawhiba. URL: <https://www.mawhiba.org/en> (дата обращения: 18.10.2024).
18. Global Gender Gap Report 2022 // World Economic Forum. 2022. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022> (дата обращения: 18.10.2024).

© Байамонте Аделя Саттаровна (satadel@inbox.ru), Фатхуллина Дилера Вялитовна, Гафаров Анвар Айратович (Anvar.Gafarov@kpfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ НА РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ

Ван Ибинь

Санкт-Петербургский государственный университет
linjiulin@yandex.ru

THE INFLUENCE OF THE RUSSIAN ART EDUCATION SYSTEM ON THE DEVELOPMENT OF ART EDUCATION IN CHINA

Wang Yibin

Summary: This article examines the influence of the Russian (primarily Soviet) system of art education on the formation and development of art education in China. It analyzes key aspects of the transfer of academic art training methodologies and principles from Russia to China throughout the 20th century, especially during the mid-century period when close cultural ties were established between the two countries. The Russian academic tradition—with its emphasis on realistic painting, drawing from life, and a rigorous curriculum—was adopted by Chinese art institutions and played a crucial role in training the first generation of realist painters in the New China. The article traces the evolution of Chinese art education: from early attempts to adopt European (including Russian) approaches in the early 20th century, through the period of intense Soviet influence in the 1950s (including the creation of new programs, and the training of teachers and students based on Soviet models), to the long-term preservation of realist school methodologies in China during the second half of the 20th century. The article concludes that the Russian art education system made a significant contribution to the establishment of a scientifically grounded, multi-level training system for artists in China, ensuring continuity in academic drawing and painting and laying the foundation for the development of Chinese art within a realist framework. The legacy of this influence remains relevant to this day, despite subsequent modernization and diversification of art education in the PRC.

Keywords: art education, Russia, China, socialist realism, academic painting, art universities, cultural exchange, art pedagogy.

Аннотация: В статье рассматривается влияние российской (прежде всего советской) системы художественного образования на формирование и развитие системы художественного образования в Китае. Проанализированы ключевые аспекты передачи методик и принципов академического художественного обучения из России в Китай в течение XX века, особенно в середине его столетия, когда установились тесные культурные связи между двумя странами. Отмечается, что российская академическая традиция — акцент на реалистической живописи, рисунке с натуры, строгой учебной программе — была воспринята китайскими художественными вузами и сыграла важную роль в подготовке первой генерации китайских художников-реалистов в Новом Китае. В статье прослеживается эволюция китайского художественного образования: от начальных попыток заимствования европейских (в том числе русских) подходов в начале XX века, через период активного советского влияния 1950-х годов (создание новых программ, обучение преподавателей и студентов по советским моделям), до длительного сохранения методологических основ реалистической школы в Китае во второй половине XX века. Делается вывод, что российская система художественного образования внесла существенный вклад в становление научно обоснованной, многоуровневой системы подготовки художников в Китае, обеспечив преемственность академического рисунка и живописи и заложив базис для развития китайского искусства в реалистическом русле. Значение этого влияния сохраняется до настоящего времени, несмотря на последующую модернизацию и диверсификацию художественного образования в КНР.

Ключевые слова: художественное образование, Россия, Китай, социалистический реализм, академическая живопись, художественные вузы, культурные связи, методика преподавания искусства.

Введение

Взаимодействие России и Китая в области изобразительного искусства имеет более чем столетнюю историю, однако наиболее значимое влияние на систему художественного образования Китая Россия оказала во второй половине XX века. Российская академическая традиция художественного обучения, сформированная еще в дореволюционный период и развитая в советское время, характеризуется строгой системой подготовки художников: фундаментальное обучение

рисунку, живописи и композиции, акцент на натуральных этюдах, анатомии, перспективе, а также идеологическое воспитание в духе реализма. Китай, обладая собственной многовековой традицией художественного образования (основанной на обучении классической живописи гохуа и каллиграфии в мастерских при дворе и по системе ученичества), в начале XX века начал заимствовать западные подходы. В этот период основное влияние шло через Японию и Европу, однако и российское искусство не осталось незамеченным китайскими реформаторами. Уже в 1910–1920-е гг. ряд китайских мыслителей и дея-

телей культуры, такие как Кан Ювэй, призывали изучать опыт западной живописи, включая реалистические школы Европы и России. Тем не менее до середины XX века прямое влияние российской системы преподавания изобразительных искусств на китайские учебные заведения было ограниченным.

Новая эпоха началась после образования Китайской Народной Республики в 1949 году. В этот период между СССР и КНР установились особенно тесные связи, затронувшие и сферу культуры. Советский Союз стал рассматриваться как образец для строительства системы высшего образования в Китае, включая художественное образование. Цель данной статьи – проследить, как российская (советская) система художественно-педагогического образования повлияла на развитие китайской системы подготовки художников, какие элементы методики преподавания и организации учебного процесса были переняты, а также оценить результаты этого влияния для развития изобразительного искусства Китая. Основное внимание уделяется периоду 1950-х – 1970-х годов, когда советское влияние было наиболее интенсивным, однако рассматриваются и предпосылки в более раннее время, и последующее сохранение традиций вплоть до конца XX века. Статья основана на материалах исследований китайских и российских искусствоведов, включая работы на китайском языке, посвященные данной проблематике [9–13], с использованием как опубликованных историко-художественных обзоров, так и архивных данных об академических обменах.

Ранние контакты и предпосылки влияния (до 1949 года)

До установления прямого сотрудничества между СССР и КНР важную роль в модернизации китайского художественного образования сыграли европейские влияния и японская модель художественных школ. В конце XIX – начале XX века в Китае начали появляться первые светские художественные школы, например Пекинская школа изящных искусств (Бэйпин Иишу Чжуаньмэнь Сюэтан, основана в 1918 г. под руководством Цай Юаньпэя). Их программа во многом опиралась на японский опыт, который, в свою очередь, базировался на европейской академической системе. Российская Императорская Академия художеств к тому времени уже имела прочную репутацию в мире, однако прямые заимствования из нее в китайских учебных планах были ограничены. Тем не менее, через общие европейские каналы китайские художники узнавали о русской школе живописи: репродукции работ передвижников (И. Репина, В. Сурикова и др.) проникали в Китай и были высоко оценены за мастерство и реализм изображения. Некоторые китайские живописцы и преподаватели в 1920–1930-е гг. посещали СССР или встречались с русскими художниками-эми-

грантами. Например, в Маньчжурии (Харбин) и Шанхае в эти годы сложились крупные русские общины, где работали художники и открывались студии рисования, предоставляя возможность китайским ученикам знакомиться с русской реалистической традицией. Однако системного влияния на масштабах всей страны в этот период не возникло – классическое китайское искусство и новые школы, вдохновленные прежде всего Францией и Японией, доминировали в художественном образовании вплоть до 1940-х годов.

Тем не менее, в 1940-е годы намечаются идеологические предпосылки для восприятия советского опыта. В коммунистических районах Китая (например, академия Лу Сюня в Яньани, созданная в 1938 г.) пропагандировались идеи, близкие к советскому пониманию роли искусства – служение народу, изображение трудящихся, агитационная графика. Эти установки подготовили благодатную почву для последующего перенятия советской художественно-педагогической модели после образования КНР.

Создание системы художественного образования КНР по советскому образцу (1950-е годы)

Начало 1950-х годов стало временем кардинальных реформ в китайском высшем образовании, проводимых при активном участии советских специалистов. В сфере искусства эти реформы привели к внедрению учебных планов и методик, прямо заимствованных из практики советских художественных вузов [11, с. 24–26]. В 1953 году при содействии советских советников был реорганизован Центральный художественный институт (ныне Центральная академия изящных искусств, Пекин) – ведущий художественный вуз страны. По советскому примеру были созданы факультеты живописи, скульптуры, графики; введена система курсов и мастерских, аналогичная структуре Академии художеств в Ленинграде и Московского художественного института им. Сурикова. Учебные программы стали включать обязательное академическое обучение рисунку (от гипсовых моделей к натуре), живописи маслом с натуры, детальное изучение анатомии, перспективы, основ композиции. Такой системный подход заметно отличался от более свободной и разрозненной подготовки художников в довоенном Китае и позволил вывести обучение на новый профессиональный уровень [11, с. 25].

Одним из ключевых событий стало приглашение в Китай группы советских преподавателей и художников. В 1955–1957 гг. в Пекине работал известный советский живописец Константин Мефодьевич Максимов, возглавивший специальные курсы масляной живописи при Центральной академии изящных искусств. Под руководством Максимова прошли подготовку двадцать

с лишним молодых китайских художников и педагогов, впоследствии ставших ядром национальной школы живописи маслом – среди них Фэн Фасы, Цзин Шанъи, Чжан Цзяньцзюнь и другие выдающиеся мастера. Максимов привнес в обучение строгие академические правила, сформировавшиеся в СССР: ежедневные многочасовые натурные постановки, тщательная проработка рисунка перед переходом к холсту, освоение техники многослойной живописи. Китайские студенты усвоили от него не только технические приемы, но и педагогическую систему – по окончании курса многие из них стали преподавать, транслируя методику дальше [10, с. 10–11].

Параллельно осуществлялась отправка перспективных китайских студентов и художников на обучение в советские художественные вузы. С середины 1950-х годов эта практика приобрела организованный характер. По данным архивов, в 1953–1961 гг. Китай направил на учебу в СССР 33 человека именно по профилю изобразительного искусства. В общей сложности же до 1965 года Министерства культуры и образования КНР отправили в советские вузы более 200 студентов по различным творческим специальностям (живопись, скульптура, театральное-декорационное искусство, кинематография и др.) [11, с. 25–26]. Большинство китайских художников обучалось в Ленинграде, в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, а также в Московском художественном институте им. Сурикова. Среди них были как совсем молодые студенты, так и уже сформировавшиеся мастера, например Луо Гунлюй (1916–2004), профессор Центральной академии, который прошёл стажировку по живописи в Ленинграде в 1955–1959 гг. Обучаясь в СССР, китайские живописцы не только осваивали технику социалистического реализма, но и знакомились с богатейшим наследием русского и европейского искусства в музеях Ленинграда и Москвы. Это расширило их художественный кругозор и укрепило убежденность в ценности реалистической школы. По завершении обучения большинство стажеров вернулось на родину с высоким профессиональным уровнем подготовки и заняли впоследствии ведущие позиции в художественном образовании – возглавляли кафедры, факультеты, ключевые художественные институты. Таким образом, уже к концу 1950-х годов в Китае сформировался костяк преподавателей, непосредственно освоивших советскую систему и внедривших ее элементы в учебный процесс [12, с. 47].

Влияние советской модели отразилось и на содержательной стороне обучения. Искусство провозглашалось служащим народу и социалистическому государству – этот принцип был заимствован из советской идеологии искусства и закреплён, например, постановлениями Всекитайской ассоциации литературы и искусства по итогам Яньаньского форума (1942) и последующими директи-

вами 1950-х гг. Учебные задания для студентов теперь включали создание тематических картин на историко-революционные сюжеты, сцены из жизни трудящихся, портреты передовиков – подобный подход явно соотносился с практикой социалистического реализма в СССР. В качестве положительного образца для подражания китайским учащимся представлялись известные советские картины и художники. Уже в 1950 г. в Пекине прошла масштабная выставка советского изобразительного искусства, где экспонировались произведения И. Репина, А. Герасимова, С. Григорьева и др., вызвавшие большой интерес у китайской публики. Репродукции этих работ вошли в учебный обиход китайских вузов [10, с. 8].

Следует подчеркнуть, что восприятие советского опыта проходило творчески, в сочетании с национальной спецификой. Китайская система художественного образования 1950-х гг. складывалась как синтез французской академической традиции (унаследованной от преподавателей, обучавшихся ранее во Франции, например Сюй Бэйхуна) и советской революционной художественной школы. Тем не менее, именно советская компонента стала доминирующей: к концу 1950-х годов советская модель утвердилась в Китае настолько, что ее можно считать созданием новой системы художественного образования страны на советской базе [11, с. 26]. Советская школа изобразительного искусства фактически функционировала как основная система образования в КНР того времени.

Развитие китайского художественного образования под влиянием соцреализма (1960-е – 1980-е гг.)

В 1960-е годы политические отношения между КНР и СССР осложнились, советские специалисты покинули Китай к 1962 году. Однако заложенная база художественного образования продолжала работать. Педагоги, прошедшие советскую подготовку, воспитывали новые поколения художников, сохраняя верность реализму и академизму. Учебные программы 1960-х гг. в основных художественных вузах Китая по инерции следовали стандартам, установленным в предыдущее десятилетие: обязательными оставались длительные постановки натурщика, студии гипсов, рисунок углем, многофигурная композиция на заданную тему и т.д. Теперь эта система считалась уже «своей», национальной, поскольку была адаптирована и принята китайским художественным обществом.

Следует отметить, что в 1966–1976 гг. (период «Культурной революции») нормальный учебный процесс в художественных вузах был почти прерван. В это десятилетие идеологическое давление достигло апогея, и хотя формально провозглашалось следование линий Мао

Цзэдуна, в изобразительном искусстве фактически продолжал доминировать тот же метод социалистического реализма, доведенный до ярко выраженной пропагандистской формы. Учебные заведения были реорганизованы в «штабы революционной пропаганды»; студентов и преподавателей направляли в деревни и на фабрики для обучения у народа. Однако даже в этих условиях связь с традицией академического рисунка и живописи полностью не исчезла – просто она проявлялась опосредованно, через продолжение ранее заданных навыков у преподавателей. Многие известные произведения китайского искусства 1970-х годов, такие как картина «Председатель Мао у горы Цзинган» художника Лю Чунхуа (1969), демонстрируют сочетание безупречной академической техники и идеологически выверенного содержания. Такая техника была усвоена авторами именно благодаря фундаментальной школе 1950-х гг., что свидетельствует о долговременном эффекте советской системы.

После окончания «культурной революции» и начала политики реформ и открытости (конец 1970-х – 1980-е гг.) художественное образование в Китае постепенно возродилось на институциональной основе, и при этом вновь стала ощущаться потребность в обновлении методик. Несмотря на приток новых западных влияний в 1980-е годы, китайская система подготовки художников в значительной степени сохраняла преемственность с академической (русско-европейской) школой. Например, вплоть до 1980-х гг. во всех художественных академиях Китая базовые курсы рисунка и живописи оставались практически неизменными со времен 50-х годов. Тем не менее, под влиянием общих процессов модернизации некоторые художники-обученцы того периода стремились отойти от канонов. В учебных планах ведущих вузов (например, Центральной академии в Пекине, Академии искусств Китая в Ханчжоу) появились новые дисциплины – экспериментальные мастерские, курс по современному искусству, наряду с традиционными классами академического рисунка [12, с. 56]. Постепенно часть выпускников 1980-х начала разрабатывать более свободные, творческие программы преподавания, направленные на развитие индивидуальности студентов, а не только отработку ремесла. Например, в Академии искусств в Ханчжоу под руководством Сяо Фэна (вернувшегося после обучения в Ленинграде) предпринимались попытки сочетать академическую базу с изучением современного дизайна и концептуального искусства.

Несмотря на эти нововведения, реалистическая направленность долго оставалась в Китае главенствующей в системе обучения художников. Более того, на рубеже 1970–1980-х произошел всплеск интереса к так называемому «сельскому реализму» – появлению картин, изображающих жизнь простого народа с фотографической

точностью и гуманистическим пафосом. Например, картина «Отец» (1980) художника Ло Чжунли, выпущенного уже в пору реформ, стала знаковым произведением, показавшим приверженность нового поколения к документально-точной реалистической манере. Другой пример – полотно «Пробудившийся весенний ветерок» художника Ху Юдуна (1982), посвященное современности, также выполнено в высокореалистичной технике. Эти работы свидетельствуют, что даже в обновленной тематике сохранялась школа, корни которой уходят в советский академический метод (в частности, в обеих упомянутых работах видна превосходная техника светотени и рисунка, развитая у авторов благодаря академическому образованию). Таким образом, советское влияние проявлялось и опосредованно в творческих поисках китайских художников периода реформ.

В целом, ко второй половине XX века можно констатировать, что благодаря влиянию российской системы обучения китайское художественное образование приобрело более стройную, научно обоснованную форму [12, с. 56]. До 1950-х годов подготовка художников в Китае не была унифицированной, многое зависело от отдельного учителя или школы. После же заимствования советской модели система стала более цельной: были разработаны единые государственные стандарты преподавания изобразительного искусства, выпущены учебники и пособия, основанные на переводах советских изданий и на опыте русской академической школы. Например, были изданы на китайском языке методические руководства по рисунку и живописи, созданные на основе материалов Репинского института. Курсы перспективы, анатомии, научной колористики – все это стало обязательной частью программы, значительно улучшив техническую оснащенность китайских студентов-художников [12, с. 56]. В итоге уровень владения реалистической изобразительной грамотой у выпускников китайских художественных вузов существенно повысился в сравнении с довоенным поколением. Это заложило предпосылки для дальнейшего развития изобразительного искусства в КНР: наличие крепкой школы рисунка и живописи позволило китайским мастерам впоследствии осваивать и новые направления, не теряя при этом основы.

Наследие российского влияния и современное состояние

Российская (советская) система художественного образования оставила глубокий след в Китае, и ее наследие ощутимо до сих пор. Даже после нормализации отношений и появления возможностей учиться на Западе, многие китайские художники продолжали ценить российскую академическую школу за ее фундаментальность. В 1990-е – 2000-е гг. возобновились прямые контакты: проводились обмены преподавателями и студентами

между китайскими и российскими академиями искусств, совместные выставки работ выпускников. Некоторые китайские художники отправились на стажировки уже в постсоветскую Россию – в Санкт-Петербургскую академию им. Репина, в Московский Суриковский институт – стремясь приобщиться к непрерывной линии классического реалистического мастерства, которая там сохранялась. Одновременно в Китае наблюдался рост интереса публики к русскому искусству: выставки русской и советской живописи (например, ретроспективы Репина, Сурикова, выставка «Передвижники» в Пекине, 2015) собирали большие аудитории. Это свидетельствует о том, что эстетические принципы, привитые еще в 1950-е гг., – любовь к реалистической живописи, эмоционально понятному сюжету – укоренились в китайском обществе.

В современной системе художественного образования КНР по-прежнему прослеживаются черты, унаследованные от российской академической модели. Базовые курсы рисунка и живописи маслом остаются краеугольным камнем подготовки во всех академиях. Студенты проводят долгие часы за рисованием гипсовых фигур, обнаженной натуры, за копированием классических образцов – практически так же, как это делали их наставники полвека назад. Конечно, появились и новые дисциплины, связанные с цифровым искусством, дизайном, концептуальными практиками, однако и они строятся поверх прочного фундамента академической школы. Многие преподаватели старшего поколения в Китае – ученики тех, кто учился в СССР или у советских педагогов, и они сознательно передают традицию дальше. Таким образом, существует преемственность поколений, восходящая к тому «мосту знаний», который был наведен между Москвой, Ленинградом и Пекином в середине XX века.

С другой стороны, Китай значительно расширил палитру своего художественного образования, интегрировав разнообразные мировые практики. Сейчас в китайских художественных вузах можно найти направления, совершенно не похожие на классический реализм – от экспериментальной мультипликации до перформанса. Однако даже в этих условиях академический реализм не утратил своей роли: он продолжает рассматриваться как необходимая школа мастерства для любого художника, прежде чем тот перейдет к узкой специализации. В этом – заслуга российского влияния, привившего уважение к технической стороне искусства и к реалистической традиции.

Заключение

Влияние российской (советской) системы художественного образования на развитие художественного образования в Китае было всеобъемлющим и долговременным. В первые десятилетия существования КНР советская модель фактически заложила основы новой китайской художественно-образовательной системы, введя стройную учебную программу, основанную на принципах реалистической академической школы. Были подготовлены десятки высококвалифицированных педагогов и сотни профессиональных художников, чей уровень мастерства значительно вырос благодаря обучению по русским методикам [11, с. 25–26]. Социалистический реализм, привнесенный из СССР, стал доминирующим художественным направлением в Китае на несколько десятилетий, и через систему образования его каноны распространились на всю страну. Даже после прекращения прямого сотрудничества китайские художественные институты продолжали развиваться по заложенной траектории, и реалистическая основа обучения сохранялась [12, с. 56].

Можно констатировать, что российская система привнесла в китайское художественное образование ряд ключевых ценностей: системность, научность, прочную техническую подготовку и идею общественной значимости искусства. Это способствовало тому, что к концу XX века китайская школа изобразительного искусства заняла прочное место в мире, а китайские художники-реалисты получили признание на международной арене. В то же время китайские специалисты творчески переосмыслили полученный опыт, сумев на базе советской модели создать свою, национальную систему, учитывающую специфику китайской культуры и истории.

В заключение следует подчеркнуть, что опыт взаимодействия с российской школой оказал не только историческое влияние, но и остается актуальным ресурсом для современного Китая. В эпоху глобализации Китай стремится сохранить свою художественную идентичность, и обращение к реалистической традиции (в значительной степени унаследованной от русской школы) – одно из средств достижения этой цели. Таким образом, система художественного образования России послужила для Китая не только источником знаний и умений, но и связующим звеном в диалоге культур, обогащая искусство и педагогическую практику обеих стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донченко А.И. Развитие живописи в Пекине в начале XX века // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2021. – № 1. – С. 39–50.
2. Дубровин В.М. Живописные основы художественной грамоты: монография. – М.: МГПУ, 2012. – 212 с.

3. Ли Бовей. Влияние российского современного художественного образования на художественное образование Китая // Педагогический журнал. – 2020. – Т. 10. – № 1А. – С. 220–225.
4. Лу Хунюн. Об искусстве Китая и России, историография взаимного влияния // Наука и Школа. – 2021. – № 2. – С. 223–228.
5. Рощин С.П. Научное обоснование основных положений изобразительного искусства – важнейшая задача методики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 1(33). – С. 236–241.
6. Цинь Сяофэн, Федоровская Н.А. Специфика российско-китайской межкультурной коммуникации в области изобразительного искусства второй половины XX – начала XXI века // Обсерватория культуры. – 2020. – № 17 (6). – С. 582–593.
7. Чжао Цзе. Роль советско-китайского сотрудничества в становлении художественного образования в Китае // Известия Южного федерального университета. – 2012. – № 10. – С. 81–89.
8. Ян Гуан. Из истории развития художественного образования и традиционной живописи Китая // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 1. – С. 197–201.
9. Fan, Wennan. A Brief Discussion on the Influence of Soviet Art Education on Chinese Oil Painting (1949–1976) [J]. Art Panorama, 2010, no. 3, pp. 184–189.
10. Guo, Mali. On the Influence of Soviet Painting Art in the Mid-20th Century on China [J]. Art Research, 2010, no. 4, pp. 45–52.
11. Li, Kaishu. The Influence of Russian Art Education on Chinese Art Education [D]. Kaifeng: Henan University, 2007. – 26 p.
12. Natalya Karpushina. The Influence of Soviet Realist Painting on China in the Second Half of the 20th Century [D]. Beijing: Central Academy of Fine Arts, 2015. – 180 p.
13. Zhang, Huaqing. The History of Young Chinese Artists Studying in the USSR (1953–1965) [J]. Fine Arts, 2012, no. 3, pp. 25–31.

© Ван Ибинь (linjiulin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: РАЗРАБОТКА И ОЦЕНКА ЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Ковальчук Олег Геннадьевич

соискатель, Краснодарский
государственный институт культуры
kovol03@rambler.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CULTURAL HERITAGE: DEVELOPMENT AND EVALUATION OF AN ETHICAL CONCEPT

O. Kovalchuk

Summary: The article presents the results of a study aimed at developing ethical principles for the use of AI in order to preserve cultural heritage without prejudice to its values, the sense of community of consumers and the social interaction of all participants in cultural conservation activities. Despite the seeming abstraction of the topic of compliance with ethical principles and recommendations in the application of AI, the lack of an ethical framework for a specific field so far does not allow regulating the process of interactions, as a result of which the possibility of violating ethical principles in the specific context of cultural conservation activities is allowed. The study confirms the hypothesis that the development of an ethical framework through the analysis of situations of ethical errors makes it possible to establish ethical boundaries that represent the possibility of using AI in the field of cultural conservation activities for the preservation of cultural heritage sites, leveling the risks. The achieved result can be used to develop legal norms and create a system of ethical recommendations that can mitigate the risks of using AI and ensure the protection of objects and cultural heritage values that it embodies through advanced technologies.

Keywords: artificial intelligence, geomatic technologies, cultural conservation, cultural heritage sites, ethical boundaries.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, целью которого была выработка этических принципов использования ИИ в целях сохранения культурного наследия без ущерба его ценностям, чувству общности потребителей и социального взаимодействия всех участников культуроохранной деятельности. Несмотря на кажущуюся абстрактность темы соблюдения этических принципов и рекомендаций при применении ИИ, отсутствие до настоящего времени этических рамок для конкретной области не позволяет регулировать процесс взаимодействий, вследствие чего допускается возможность нарушения этических принципов в конкретном контексте культуроохранной деятельности. В исследовании подтверждена гипотеза, согласно которой выработка этической основы через анализ ситуаций этических ошибок позволяет установить этические границы, представляющие возможность применения ИИ в сфере культуроохранной деятельности по сохранению объектов культурного наследия, нивелируя риски. Достигнутый результат может быть использован для разработки правовых норм и создания системы этических рекомендаций, способных нивелировать риски применения ИИ и обеспечить защиту объектов и ценностей культурного наследия, которые он воплощает посредством передовых технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, геомашиные технологии, культуроохранная деятельность, объекты культурного наследия, этические границы.

Введение

Стремительная урбанизация и сопровождающие ее трансформационные процессы, результаты которых проявлены во всех сферах деятельности человека, образуют проблемное поле негативных аспектов влияния на сохранность культурного наследия, создавая актуальную повестку разнообразных вопросов, требующих немедленного разрешения [2, с. 135]. Примером негативных последствий отсутствия должного внимания к сокращению влияния негативных факторов является пожар в соборе Парижской Богоматери (Париж, 2019 г.) и утрата в результате вооруженных конфликтов древних памятников Пальмиры (Сирия, 2015 г.). Долговременная сохранность, на наш взгляд, может быть обеспечена научно-обоснованным применением инструментов, которые предлагают новые технологии, расширяющие диапазон возможностей [1, с. 17].

Все чаще исследователи и специалисты в сфере сохранения культурного наследия обращаются к преимуществам искусственного интеллекта (далее – ИИ), реставрационные и реконструкционные возможности которого превосходят существующие сохраненные практики [8, с. 631]. В частности, ИИ позволяет воспроизвести высокую степень детализации артефактов, благодаря моделированию дополненной реальности (Augmented Reality технология дополненной реальности, AR) и 3D-сканированию, позволяя, например, подвергнуть анализу мазки кисти и расположение слоев при изучении образцов картин [11, с. 9]. Диапазон возможностей ИИ обеспечивается методом анализа больших объемов данных посредством нейронных сетей, благодаря которому извлекаются сложные закономерности и особенности произведений искусств, автоматизируя и категоризируя их описание, решая ряд существующих проблем атрибуции и интерпретации [4, с. 253].

Теоретическое осмысление проблемы исследования

Искусство, представленное совокупностью социальных и политических аспектов и универсальных и идентификационных ценностей, не может рассматриваться в отрыве от культурного контекста этических и нравственных установок общества [5, с. 731]. Кроме того, использование ИИ в качестве инструмента оцифровки произведений искусства способно, например, привести к проблеме нарушения их аутентичности. В этом случае при решении актуальной задачи сохранения культурного наследия необходимо найти пути сопряжения в отсутствии противопоставления ИИ человекоориентированному подходу в организации культуроохранной деятельности в ходе взаимодействий, гарантирующих соблюдение принципов общей ответственности и культурной преемственности, препятствующих возникновению этических рисков.

Целью исследования является выработка этических принципов использования ИИ в целях сохранения культурного наследия без ущерба его ценностям, чувству общности потребителей и социальному взаимодействию всех участников культуроохранной деятельности.

Гипотеза исследования

Несмотря на кажущуюся абстрактность темы соблюдения этических принципов и рекомендаций при применении ИИ, отсутствие до настоящего времени этических рамок для конкретной области не позволяет регулировать вышеназванный нами процесс взаимодействий, тем самым допуская возможность нарушения этических принципов в конкретном контексте культуроохранной деятельности.

Материалы и методы исследования

Выработка этической основы осуществлялась путем анализа ситуаций этических ошибок при несоблюдении принципа идентичности в ходе применения инструментария ИИ для сохранения культурного наследия в условиях современности.

Результаты исследования

Опираясь на результат анализа существующих рекомендаций по надежному внедрению ИИ, и этические рекомендации по сохранению культурного наследия международных организаций ЮНЕСКО и ИКОМОС (International Council on Monuments and Sites), нами была разработана отраслевая этическая основа, объединяющая в себе шесть этических принципов, призванных нивелировать возможность возникновения рисков при использовании ИИ [10, с. 337].

Геоматические технологии (например, системы виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR), фотограмметрия, лидарное и 3D-сканирование), позволяющие осуществлять анализ больших массивов геопространственных и исторических данных, является ценным инструментарием для создания точных цифровых моделей (далее ЦМ) объектов и артефактов [6, с. 31]. Созданные на алгоритмах ИИ подобные ЦМ могут быть использованы для научных исследований, сохранения материального культурного наследия и повышения культурной осведомленности общественности.

Высокая результативность геоматических технологий достигается за счет сверточных нейронных сетей, обеспечивающих анализ, интерпретацию, классификацию, визуализацию и даже создание новых изображений культурных артефактов или объектов на основе существующих [9, с. 14]. Технология способна осуществлять автоматическую идентификацию объектов, обеспечивая высокоэффективную генерацию аннотаций и изображений множественности архивов объектов культурного наследия, а также их индексацию для расширения доступа к каталогам коллекций для образовательных и туристических целей [3, с. 71]. Кроме того, возможности инструментария ИИ позволяют картографировать и восстанавливать поврежденные археологические объекты и тексты, посредством алгоритма глубокого анализа лидарных данных, решая задачи семантического обогащения и заполнения утраченных фрагментов, сокращая время и человеческие ресурсы [7, с. 427].

Однако в контексте затронутой проблемы следует учитывать возможность развития негативного сценария использования ИИ в рамках этических вопросов по ряду культурно-исторических предубеждений, обоснованию уничтожения, распределению ответственности, экономическим инвестициям, аутентичности, конфиденциальности и риска физической подмены объектов культурного наследия в процессе оцифровки.

1. Аспект культурно-исторических предубеждений взаимосвязан с выбором и интерпретацией объектов культурного наследия, подлежащего оцифровке в контексте демократизации общества, предусматривающем учет интересов местного населения без «затушевки» истории маргинализированных групп. В данном случае акцент проставлен на предотвращении предвзятого применения схем, анализируемых ИИ метаданных в ходе реконструкции объекта культурного наследия. При допущенных нарушениях в соблюдении названного аспекта возможны культурно-исторические искажения, не отражающие интересы меньшинств, приводящие к подрыву аутентичности местных культур и дискриминации сообществ.

2. Обоснование уничтожения как этическая проблема заключается в намеренном искажении оценки объекта культурного наследия с целью аргументирования его уничтожения.
3. Проблема при распределении ответственности возникает в ситуации широкого диапазона степеней свобод действий лиц, задействованных в природоохранной и археологической практике. В этой связи возрастает значимость установления ответственности за каждый этап действий по оцифровке культурного наследия, предусматривающего ее возложение не только на конечные звенья цепочки результативности.
4. Экономические инвестиции регулируются двумя этическими проблемами: предвзятостью при отборе и ограничениями доступа, возникающими при бизнес-ориентированном подходе в государственном секторе. Названный подход диктовал условия, в соответствии с положениями которых гарантируется право голоса спонсоров и деловых партнеров при выборе и анализе контента, предназначенных для оцифровки объектов культурного наследия. Таким образом, в выборе и интерпретации присутствует субъективность мнений, а в финансовых вложениях – возможность ограниче-

ния бесплатного доступа к объектам культурного наследия.

5. Проблема аутентичности возникает в случае реконструкции и реставрации произведений искусства, т.е. тогда, когда возможно стирание первоначальных следов объекта культурного наследия с утратой его подлинности. Аутентичность такого объекта снижается в виду вносимых при реставрации изменений в подлинные штрихи автора произведения. Допущение такого развития событий до настоящего времени носит дискуссионный характер, оставаясь актуальной темой обсуждения многих специалистов в сфере сохранности культурного наследия. По мнению большинства исследователей, истинное произведение искусства обладает уникальной «аурой», которая при репродукции изменяется, что является нарушением этических норм.

Исходя из сформулированных нами этических аспектов, становится очевидной необходимость установления этических границ, в пространстве которых возможна успешная реализация инструментов ИИ в области культуроохранной деятельности без нарушений этических принципов и возникновения рисков утраты культурного наследия. Установление границ мы видим в соблюдении

Рис. 1. Взаимосвязь этических проблем и принципов при использовании ИИ для осуществления культуроохранной деятельности

этических принципов, которые служат ориентирами в деятельности экспертов в предметной области при внедрении геоматических технологий в сфере культуры.

Практико-ориентированность формулируемых этических принципов достигается путем соотнесения каждого с вышеперечисленными этическими проблемами, возникновение которых возможно при использовании инструментария ИИ, отвечающего требованиям: 1) технической надежности и безопасности; 2) конфиденциальности и управлению данными; 3) прозрачности и научной аргументированности; 4) разнообразия и недискриминации интересов; 5) благополучия общества и окружающей среды; 6) подотчетности.

При максимально корректном сопряжении этических проблем и принципов возможно нивелирование рисков по защите объектов культурного наследия путем «ответственного управления» стратегическими решениями, подразумевающего надлежащее владение (содержание), сохранение, учет, интерпретацию данных, доступность материалов и использование коллекций объектов культурного наследия с учетом всех заинтересованных сторон, каждая из которых имеет конкретные роли и цели.

Первым этическим принципом является принцип совместной ответственности и культурной преемственности, вступающий в силу при распределении обязанностей по достижению результатов на каждом этапе применения моделей ИИ и по итогу их реализации в культуроохранной деятельности. Соблюдение этого принципа предполагает вовлечение всех задействованных в деятельности сторон, с пониманием каждой применяемых моделей ИИ. Указанное понимание достигается за счет повышения прозрачности моделей ИИ через их логическое обоснование.

Принцип культурной преемственности предусматривает учет перспектив и ценностей всех сообществ, объединивших в себе представителей, заинтересованных в культуроохранной деятельности сторон. Соблюдение принципа, действенного преимущественно при реконструкции объектов культурного наследия, возможно при их оцифровке, соблюдающей последовательность «снизу вверх», учитывающую интересы всех сообществ в соответствии с их культурно-историческими ценностями.

Принцип экономической доступности призван обеспечить равные возможности для всех участников взаимодействия, в противовес предпринимательскому подходу, нацеленному на получении прибыли через ограничение доступа к объектам культурного наследия.

Нивелирование возможности манипуляции при обмене данными достигается, на наш взгляд, путем введения «права на забвение», позволяющего удалить или обезличить информацию, таким образом, обеспечивая контроль над ней.

Для удовлетворения потребности в аутентификации, следует соблюдать принцип надежности, гарантирующий достоверность цифрового и виртуального воспроизведения объекта культурного наследия, с точки зрения описания и интерпретации. Избежать риска незащищенного уничтожения объектов культурного наследия возможно через учет ценности центрального положения физического пространства, подразумевающей недопустимость подмены материальных ценностей виртуальной или цифровой копией.

Результаты исследования отражены нами на рисунке 1 в виде конкретной взаимосвязи этических проблем с руководящими этическими принципами.

Заключение

Методы исследования позволили нам достигнуть цели исследования, путем обоснования возможности применения ИИ в сфере культуроохранной деятельности по сохранению объектов культурного наследия через механизм сопряжения этических проблем и принципов. Достигнутый результат может быть использован для создания правовых источников и системы этических рекомендаций, способных нивелировать риски применения ИИ и обеспечить защиту объектов и ценностей культурного наследия, которые он воплощает посредством передовых технологий.

К основным результатам исследования нами отнесены:

- 1) демонстрация широкого спектра применения ИИ для улучшения практики сохранения культурного наследия;
- 2) повышение осведомленности о рисках, связанных с применением инструментария ИИ с целью сохранения объектов культурного наследия;
- 3) предоставление практико-ориентированных рекомендаций по соблюдению этических принципов, сопряженных с выявленными нами этическими проблемами, способных лечь в основание моделей ИИ, реализуемых в культуроохранной деятельности.

Исследование имеет ряд ограничений в виду узости исследуемой проблематики, и требует продолжения изучения в контексте множественности аспектов культурного пространства в рамках вопросов культуроохранной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, А.М. Эволюция законодательства об охране культурного наследия: сравнительный анализ подходов к археологическим обследованиям в условиях городской застройки / А.М. Бабенко, Н.И. Самбулов, Г.А. Радцевич // *Природообустройство и природопользование геоландшафтов*. – 2025. – № 5. – С. 14–18. – EDN QTDHEW.
2. Верховинская, Л.В. Особенности реализации государственной политики в области охраны объектов культурного наследия: к постановке проблемы / Л.В. Верховинская // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. – 2020. – № 1(41). – С. 133–138. – EDN YRJGSW.
3. Иргит, Б.Г. Порядок разработки проекта зон охраны объектов культурного наследия / Б.Г. Иргит, М.А. Губанищева // *Управление земельно-имущественным комплексом в условиях цифровизации агропромышленного производства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию высшего землеустроительного образования в Пермском крае, Пермь, 04–05 декабря 2024 года*. – Пермь: ИПЦ «Прокрость», 2025. – С. 68–72. – EDN KNYJCI.
4. Перова, Е.Ю. Актуальные стратегии в области охраны культурного наследия / Е.Ю. Перова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. – 2021. – № 9(851). – С. 249–258. – DOI 10.52070/2542-2197_2021_9_851_249. – EDN UGOMSZ.
5. Abate, D., Paolanti, M., Pierdicca, R., Lampropoulos, A., Toubas, K., Agapiou, A., Vergis, S., Malinverni, E., Petrides, K., Felicetti, A. et al., 2022. Significance. Stop Illicit Heritage Trafficking with Artificial Intelligence. *The International Archives of Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 43, 729–736.
6. Felicetti, A., Paolanti, M., Zingaretti, P., Pierdicca, R., Malinverni, E. S., 2021. Mo. Se.: Mosaic image segmentation based on deep cascading learning. *Virtual Archaeology Review*, 12(24), 25–38.
7. Huggett, J., 2021. Algorithmic agency and autonomy in archaeological practice. *Open Archaeology*, 7(1), 417–434.
8. Mansuri, L.E., Patel, D., 2022. Artificial intelligence-based automatic visual inspection system for built heritage. *Smart and Sustainable Built Environment*, 11(3), 622–646.
9. Mishra, M., Barman, T., Ramana, G., 2022. Artificial intelligence-based visual inspection system for structural health monitoring of cultural heritage. *Journal of Civil Structural Health Monitoring*, 1–18.
10. Vasic, I., Pauls, A., Mancini, A., Quattrini, R., Pierdicca, R., Angeloni, R., Malinverni, E. S., Frontoni, E., Cini, P., Vasic, B., 2022. Virtualization and vice versa: A new procedural model of the reverse virtualization for the user behavior tracking in the virtual museums. *Extended Reality: First International Conference, XR Salento 2022, Lecce, Italy, July 6–8, 2022, Proceedings, Part II, Springer*, 329–340.
11. Wang, X., 2022. Artificial Intelligence in the Protection and Inheritance of Cultural Landscape Heritage in Traditional Village. *Scientific Programming*, 2022, 1–11.

© Ковальчук Олег Геннадьевич (kovo103@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗМ И РЕКОНСТРУКЦИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТУРЫ МАСЛЯНОЙ ЖИВОПИСИ И ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ

Ян Сяояо

Санкт-Петербургский государственный университет

linjiulin@yandex.ru

REALISM AND RECONSTRUCTION: A STUDY OF THE TEXTURE OF OIL PAINTING AND GEOMETRIC COMPOSITION

Yang Xiaoyao

Summary: The article explores the synthesis of traditional realistic oil painting techniques and the principles of geometric composition in art. The introduction analyzes the historical and artistic context: the influence of the Russian academic school, the monumental tradition of fresco painting, the emergence of modern materials, and the relevance of oil painting and geometry in public art practice. The main part examines (1) innovations in oil painting techniques—from transparent glazing to impasto brushstrokes and the use of palette knives, as well as the symbolic role of texture; (2) the evolution of geometric composition under the influence of Cubism and Constructivism—form structure, color planes, and modular logic; (3) the connection between technique and artistic education—reflection of these methods in curricula, technique as a vehicle for artistic ideas, and the adaptation of painting methods to the needs of monumental and public art. The conclusion emphasizes the historical significance of the synthesis of realism and geometricity and proposes methodological guidelines for the development of contemporary realist painting.

Keywords: realist painting, texture, oil painting technique, palette knife, geometric composition, Cubism, Constructivism, monumental art, teaching methodology.

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы синтеза традиционной реалистической техники масляной живописи и принципов геометрической композиции в искусстве. Введение анализирует историко-художественный контекст: влияние русской академической школы и фресковой монументальной традиции, появление современных материалов и значение масляной живописи и геометрии в практике публичного искусства. В основной части исследуются (1) инновации в технике масляной живописи – от прозрачных лессировок до пастозного мазка и применения мастихина, а также символическая роль фактуры; (2) эволюция геометрической композиции под воздействием кубизма и конструктивизма – структура формы, цветовые плоскости и модульная логика изображения; (3) взаимосвязь техники и художественного обучения – отражение указанных приемов в учебных программах, роль техники как носителя идеи и адаптация живописных методов к задачам монументального и публичного искусства. В заключении подчёркивается историческое значение синтеза реализма и геометризма, а также предлагаются методологические ориентиры для развития современной реалистической живописи.

Ключевые слова: реалистическая живопись, фактура, масляная техника, мастихин, геометрическая композиция, кубизм, конструктивизм, монументальное искусство, методика обучения.

В истории изобразительного искусства наблюдается постоянный диалог между стремлением к реалистической передаче действительности и ее творческой реконструкцией на основе художественных принципов. Русская академическая школа живописи XIX века, чьи традиции восходят к классицизму и реализму, заложила фундамент мастерства в работе с масляными красками. Художники-педагоги Императорской Академии художеств и их последователи (например, И.Е. Репин, В.И. Суриков) разработали сложные методики многослойной живописи, сочетая прозрачные лессировки и плотные светотеневые слои для достижения высокой степени иллюзионизма и материальной убедительности изображения. Одновременно они уделяли внимание и фактуре мазка как средству художественной выразительности, хотя в академической традиции фактура обычно оставалась подчинённой задаче правдоподобия. На рубеже XIX–XX веков интерес к монументальным формам выразился в обращении к фрескам и иконописным тради-

циям: памятники древнерусского искусства и итальянского Возрождения служили источником вдохновения для живописцев-монументалистов. Принципы фресковой росписи – ясная композиция, прочное соединение живописи со стеной – оказали влияние на поиск новых средств выразительности в крупных публичных произведениях. Примечательно, что в современном языке искусствоведов термин «фреска» стал употребляться расширительно, обозначая любую настенную живопись вне зависимости от техники исполнения – будь то роспись темперой, маслом или акрилом [7]. Это отражает преемственность монументальной традиции в новых материалах.

Во второй половине XX века произошёл технический переворот в материалах живописи: наряду с классическими масляными красками широко распространились акриловые, синтетические смолы и другие современные средства. Новые материалы повысили долговечность и

вариативность живописи, что имеет особое значение для публичного искусства – масштабных панно, настенных росписей, городских интервенций, где требуется одновременно стойкость и выразительность. Тем не менее, масляная живопись сохраняет центральную роль благодаря богатству фактурных и цветовых эффектов, возможных при работе с маслом. В контексте публичного искусства (музейные диорамы, монументально-декоративные полотна, городские выставочные панно) сочетание реалистической образности и геометрически упорядоченной композиции повышает воздействие на широкую аудиторию. Геометрическая упрощенность форм делает изображение легко считываемым на расстоянии, а реалистическая фактура при ближайшем рассмотрении удерживает внимание зрителя. Таким образом, соединение реализма и геометризма актуально для современного искусства, и данное исследование рассматривает методологические основы этого синтеза.

Инновации в традиционной технике масляной живописи

Техника масляной живописи на протяжении веков обогащалась новыми приёмами, позволяющими художнику не только копировать видимую реальность, но и придавать произведению самостоятельную эстетическую ценность через манеру нанесения краски. Фактура (текстура живописной поверхности) стала рассматриваться не просто как следствие технического процесса, но и как носитель содержания. Ещё в начале XX века русский теоретик В. Матвеев (В. Марков) в работе «Фактура» (1914) отмечал, что фактура представляет собой органическое единство внешней, видимой стороны произведения и его внутренней структуры [1, с. 12]. Иными словами, характер мазка, толщины слоя краски, степень его прозрачности или пастозности связаны с образным строем картины. Прозрачные лессировки традиционно использовались для передачи воздушной среды, глубины и сияния цвета, тогда как густой пастозный мазок – для создания материальной осязаемости предметов, рельефности поверхности и акцента на живописной материи. Символика фактуры проявляется, например, в том, что гладкая, полированная поверхность ассоциируется со спокойствием и академичностью, тогда как энергичные рельефные мазки могут придавать сцене динамику, экспрессию или подчеркнуть важность субъективного начала. Таким образом, техника перестаёт быть нейтральной: способ наложения краски сам по себе становится метафорой, дополняющей изобразительный сюжет.

Особое место среди технических инноваций заняло использование мастихина (палитрового ножа) для нанесения краски. Если в академической практике XIX века мастихин служил вспомогательным инструментом (соскоблить или смешать краску), то начиная с рубежа

XIX–XX вв. некоторые художники стали сознательно применять его для получения своеобразной фактуры. Известно, что французский реалист Гюстав Курбе одним из первых начал писать картины мастихином, накладывая масляную краску плотными широкими мазками [5, с. 34]. Современники отмечали новаторство этого приёма: Поль Сезанн с восхищением и долей шутки замечал, что Курбе “кладет краску, как штукатур шлёпает раствор... но при этом – он настоящий художник” [9]. Мастихиновая живопись позволила художникам-фовистам и экспрессионистам начала XX века добиваться предельной интенсивности цвета и экспрессии фактуры, передавая через материальность краски собственные эмоции. В российской живописной традиции приём пастозного письма мастихином также получил развитие в творчестве ряда мастеров (например, выдающиеся фактурные находки присутствуют у В.В. Верещагина в его этюдах с ближневосточными базарами, у позднего И.К. Айвазовского – в изображении морской пены, написанной мастихином, и др.). Инновация заключалась в том, что техника больше не считалась вторичной по отношению к сюжету; напротив, технологический приём стал частью художественного языка, несущего символическую нагрузку. Такая интеграция техники и содержания подготовила почву для соединения реалистической образности с формальными экспериментами авангарда.

Геометризм композиции: влияние кубизма и конструктивизма

Одним из ключевых поворотов в искусстве XX века стало проникновение геометрической логики в построение художественного образа. Кубизм, возникший в работах П. Пикассо и Ж. Брака около 1907–1908 гг., предложил разобрать предметный мир на простые объёмные формы (кубы, конусы, цилиндры) и заново собрать композицию на плоскости холста [2, с. 16]. Эта методология «разложения и реконструкции» природы повлияла на многих художников, в том числе в России. Теоретики русского авангарда отмечали, что кубизм сосредоточил в себе основные проблемы новой живописи – композицию, цвет, фактуру и прочее. Именно через призму кубизма в художественный дискурс вошло понимание композиции как самостоятельной категории, не сводимой лишь к гармоничному расположению фигур, а предполагающей активное конструирование формы. Уже в 1910-е гг. в учебных программах новаторских художественных школ (например, ВХУТЕМАС) кубистические принципы подавались как основа обучения живописи: лозунг Уновиса гласил – “Ты хочешь изучать живопись? Начни с кубизма” [4, с. 4]. Геометризация формы рассматривалась как средство преодоления излишней натуралистичности, путь к обобщению и структурированию художественного образа.

Продолжением этой линии стал конструктивизм –

авангардное течение 1920-х годов, зародившееся в Советской России и провозгласившее принцип *построения* художественной формы из базовых элементов. В манифестальных высказываниях конструктивистов подчёркивалось, что создание любого произведения пластического искусства сводится к прочному соединению основных элементов: материала, цвета, линии, плоскости и фактуры [3, с. 42]. Эти категории, среди которых присутствуют и геометрические (линия, плоскость) и материально-текстурные (материал, фактура), должны исследоваться художником в первую очередь, считали идеологи конструктивизма. Таким образом, была заложена *методология анализа формы*, где композиция мыслится как осознанная сборка конструкции из элементарных модулей. В живописи принципы конструктивизма проявились двояко: с одной стороны, в абстрактных композициях (Л. Попова, А. Родченко) геометрические плоскости и линии полностью заменили собой изображение реальных объектов; с другой – в области оформительского искусства, дизайна, архитектурных панно конструктивисты внедрили модульный подход и рациональную организацию изображения даже при сохранении предметных мотивов. Цвет начал рассматриваться не только в его естественных характеристиках, но и как элемент конструкции – цветовая плоскость определённой формы, взаимодействующая с другими плоскостями по законам ритма и баланса.

Для реалистической живописи влияние этих движений выразилось в обогащении композиционного строя картин. Даже художники, оставшиеся в рамках фигуративности, восприняли уроки кубизма в части упрощения и геометризации форм, стремления к обобщению деталей. Геометрическая композиция привнесла в реализм новую архитектуру: фигуры и объекты могут соотноситься с невидимой сеткой координат, подчиняться законам симметрии или динамического равновесия. Многие монументальные полотна mid-XX века, хотя и выполнены в академической манере, имеют строгую геометрическую структуру (например, деление на горизонтальные и вертикальные зоны, крупные простые массы, организующие сцену). В цветовой организации картины внедрились плоскостные цветовые решения, когда вместо тончайших нюансов светотени используются относительно ровные цветовые пятна – приём, идущий от посткубистических течений. Это особенно характерно для плакатной формы живописи, предназначенной для восприятия на расстоянии (диорамы, панно): здесь уместна известная упрощённость, графическая чёткость силуэта, схематизация – в духе конструктивистского утилитарного подхода. Однако, в отличие от чисто абстрактной геометрии авангарда, современный реализм стремится органично сочетать геометрическую ясность формы с достоверностью изображения. В результате возникает своеобразный синтез: композиция строго выверена, обладает модульной логикой, но образный строй остаётся

понятным и насыщенным конкретными реалиями.

Взаимосвязь техники и художественного обучения

Вопрос о том, как сочетание фактурно-технических приёмов и геометрической композиции передаётся новым поколениям художников, неизбежно обращает нас к сфере художественного образования. Традиционная академическая система обучения живописи, сформированная ещё в XIX веке, основывалась на длительной копировании образцов, рисунке с натуры, освоении техники многослойной масляной живописи и правил композиции. Эти программы, несмотря на исторические перемены, в своей основе сохраняются в ведущих художественных вузах (Санкт-Петербургская Академия им. И. Репина, Московский институт им. В. Сурикова и др.) до сегодняшнего дня. Однако содержание обучения эволюционирует, включая опыт как классического реализма, так и авангарда. В современных учебных планах живописных факультетов присутствуют дисциплины, направленные на развитие чувства композиции, где студенты изучают в том числе *геометрические схемы* построения картины, баланс масс, ритм линий. Показательно, что в методических рекомендациях по композиции нередко приводятся примеры из наследия кубизма и конструктивизма наряду с ренессансной перспективой – тем самым обучение охватывает широкий спектр подходов. Одновременно сохраняется и блочная система обучения технике: отрабатываются навыки лессировки, импасто, владения мастихином, что позволяет будущему художнику понимать выразительные возможности фактуры. Согласно исследованиям по методике преподавания живописи, для формирования полноценного профессионального мышления важно, чтобы студент осознавал технику не как ремесленную рутину, а как носитель художественной идеи. Например, при выполнении учебных этюдов педагог может ставить задачу написать один и тот же натюрморт двумя способами: классически сглаженной манерой и экспрессивно-фактурной – это учит пластически переосмысливать мотив в зависимости от творческой установки.

Неотъемлемой частью подготовки монументалистов и живописцев театрально-декорационной специальности является обучение работе в большом формате, на стендах, с учётом дистанции восприятия. Здесь на первый план выходит адаптация техники к публичному пространству: студенты изучают свойства красок и грунтов, обеспечивающих долговечность росписи на стене или потолке, осваивают приёмы укрупнения мазка, усиления контраста и обобщения формы для лучшей считываемости на расстоянии. Также вводится понятие модульности композиции – умения разбить эскиз на секции или сетку (например, при переносе картонов фрески или мозаики), что прямо наследует принципам геометрической

организации изображения. Таким образом, учебный процесс связывает техническое мастерство с идейно-композиционными задачами. Выпускники, овладевшие как реалистической передачей фактуры, так и логикой конструктивного построения картины, более успешно реализуют себя в сфере публичного искусства – будь то росписи общественных интерьеров, мемориальные панно или современный стрит-арт в реалистической манере. Последний, кстати, всё чаще демонстрирует обращение к академической технике (например, детально прорисованные фигуры) в сочетании с обобщённым геометрическим фоном или композиционной схемой, что подтверждает жизненность рассматриваемого синтеза.

Заключение

Историческое значение соединения реалистической живописи и геометрической композиции состоит в том, что оно обеспечивает непрерывность развития изобразительного искусства, связывая прошлое с будущим. Реализм, корнящийся в академических традициях, даёт искусству прочную основу правдивости и технического совершенства, тогда как геометризм, рожденный авангардом, привносит свежесть формального решения и конструктивную ясность. Взаимное влияние этих начал

прослеживается на протяжении всего XX века: от экспериментов кубистов и конструктивистов, обогативших язык живописи, до современных художников, которые, опираясь на академические умения, смело трансформируют натуру по законам композиции. Такое переплетение техники и формы стало своего рода методологическим ориентиром – пониманием, что мастерство художника определяется не только умением видеть мир, но и умением строить художественную реальность. Для современной реалистической живописи синтез фактуры и геометрической организации является путём к обновлению: он позволяет сохранить убедительность изображения, избегая при этом фотографической сухости, и одновременно добиться выразительности и цельности композиции, не скатываясь в хаотичный субъективизм. Исследование этих процессов имеет значение не только теоретическое, но и практическое – как основа для разработки учебных программ, творческих методов и критических подходов к оценке произведений. Опираясь на исторический опыт и анализируя удачные примеры сочетания реализма и абстрактной организации формы, современные художники могут обогащать реалистическую традицию новыми средствами выражения, сохраняя её актуальность и силу в контексте XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеев В. (В. Марков). Фактура: принципы творчества в пластических искусствах. – СПб.: Изд. Общества художников «Союз молодежи», 1914. – 70 с. (рус.).
2. Глез А., Меценже Ж. О кубизме (Du Cubisme) – Париж, 1912. – 52 с. (фр.).
3. Гинзбург М. Стил и эпоха. – М.: Изд-во Огонёк, 1924. – 104 с. (рус.).
4. Ермолаева В.М. Об изучении кубизма // Альманах Уновиса №1. – Витебск, 1920. – С. 3–5. (рус.).
5. Courbet G. Gustave Courbet: Oeuvres et techniques. – Paris: Flammarion, 1998. – 240 p. (фр.) [прим.: о новаторской технике мастихина у Г. Курбе].
6. Васильева Е.И. Особенности обучения живописи будущих художников традиционного прикладного искусства: монография. – СПб.: ВШНИ, 2009. – 162 с. (рус.).
7. Фреска // Википедия: свободная энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фреска> (дата обращения: 07.05.2025). (рус.).
8. Кубизм // Онлайн-энциклопедия русского авангарда [электронный ресурс]. – 2013. URL: <https://rusavangard.ru/online/history/kubizm/> (дата обращения: 07.05.2025). (рус.).
9. Гюстав Курбе был первым // Журнал «Ярмарка Мастеров» [электронный ресурс]. – 19.03.2025. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/3488044-article-gyustav-kurbe-byi-pervym> (дата обращения: 07.05.2025). (рус.).

© Ян Сяояо (linjiulin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРИ ПОСТКОВИДНОМ СИНДРОМЕ

COGNITIVE IMPAIRMENT
IN POST-COVID SYNDROME

A. Braslavsky

Summary: COVID-19 is a viral disease caused by the SARS-CoV-2 virus, which is the main etiological factor of this disease. In modern conditions, the global COVID-19 pandemic has created a new medical problem associated with a wide range of remote consequences of the disease, among which cognitive impairment occupies a special place. The aim of the study is to conduct a comprehensive literature review of modern scientific data on cognitive impairment in post-COVID syndrome and methods for their correction. The article is a review, and therefore we selected thematic literature with its further analysis. The search for relevant sources was carried out in the following databases: MEDLINE, PubMed, Scopus, scientific information system Cyberleninka. Cognitive impairment in post-COVID syndrome is a significant clinical phenomenon detected in a significant proportion of patients who have had COVID-19, regardless of the severity of the disease. The clinical picture of cognitive impairment is characterized mainly by attention and memory disorders, often combined with asthenic and anxiety-depressive syndrome. Pathogenetic mechanisms for the development of cognitive deficit in post-COVID syndrome include the direct damaging effect of the virus on the nervous tissue, systemic disorders associated with the body's inflammatory response, as well as psychoemotional stress. Therapeutic approaches aimed at correcting cognitive impairment include the use of drugs with antioxidant, antihypoxic and neuroprotective effects. Prospects for further research may be associated with the study of the long-term consequences of cognitive impairment and the development of more effective methods for their prevention and treatment.

Keywords: COVID-19, SARS-CoV-2, post-COVID syndrome, rehabilitation, pandemic, cognitive impairment, correction.

Браславский Андрей Дмитриевич

Аспирант, Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова
abraslavski@icloud.com

Аннотация: COVID-19 – заболевание вирусного генеза, обусловленное вирусом SARS-CoV-2, который и является основным этиологическим фактором данного заболевания. В современных условиях глобальная пандемия COVID-19 создала новую медицинскую проблему, связанную с широким спектром отдалённых последствий заболевания, среди которых особое место занимают когнитивные нарушения. Цель исследования заключается в проведении комплексного литературного обзора современных научных данных о когнитивных нарушениях при постковидном синдроме и способах их коррекции. Статья является обзорной, в связи с чем нами был проведен отбор тематической литературы с ее дальнейшим анализом. Поиск релевантных источников осуществлялся в следующих базах данных: MEDLINE, PubMed, Scopus, научно-информационная система Cyberleninka. Когнитивные нарушения при постковидном синдроме представляют собой значимый клинический феномен, выявляемый у значительной части пациентов, перенесших COVID-19, независимо от тяжести течения заболевания. Клиническая картина когнитивных нарушений характеризуется преимущественно расстройствами внимания и памяти, часто сочетается с астеническим и тревожно-депрессивным синдромом. Патогенетические механизмы развития когнитивного дефицита при постковидном синдроме включают прямое повреждающее действие вируса на нервную ткань, системные нарушения, связанные с воспалительным ответом организма, а также психоэмоциональный стресс. Терапевтические подходы, направленные на коррекцию когнитивных нарушений, включают применение препаратов с антиоксидантным, антигипоксическим и нейропротекторным действием. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с изучением долгосрочных последствий когнитивных нарушений и разработкой более эффективных методов их профилактики и лечения.

Ключевые слова: COVID-19, SARS-CoV-2, постковидный синдром, реабилитация, пандемия, когнитивные нарушения, коррекция.

Введение

COVID-19 – заболевание вирусного генеза, обусловленное вирусом SARS-CoV-2, который и является основным этиологическим фактором данного заболевания. Заболевание было впервые описано в конце 2019 года, возникло в городе Ухань, в Китае. Вирус относится к Coronaviridae, Семейству Coronaviridae, роду Betacoronavirus [4]. SARS-CoV-2 представляет собой одноцепочечный РНК-содержащий вирус. Структурные компоненты вируса играют ключевую роль в его жизненном цикле и механизме инфекционного воздействия. Взаимодействие между геномом, структурными белками и липидной оболочкой создает функциональную целостность вируса и определяет его способность к инфицированию [5]. Благодаря своей структуре, нуклеотидному составу, вирус приобретает повышенную мута-

генность, а также приобретает тропность как к клеткам человека, так и к клеткам других животных [1]. В современных условиях глобальная пандемия COVID-19 создала новую медицинскую проблему, связанную с широким спектром отдалённых последствий заболевания, среди которых особое место занимают когнитивные нарушения [24]. Актуальность исследования определяется тем, что постковидный синдром развивается у значительного числа переболевших - от 10 до 35% случаев, а при стационарном лечении этот показатель достигает 85%. При этом когнитивные расстройства выявляются примерно у 80% пациентов, существенно снижая качество их жизни и профессиональную деятельность [3]. Проблематика исследования складывается из нескольких критически важных аспектов. Прежде всего, обращает на себя внимание недостаточное понимание механизмов развития когнитивного дефицита после перенесённой инфекции.

Существующие методы диагностики и лечения недостаточно стандартизированы, что затрудняет работу специалистов [6]. Особую сложность представляет отсутствие эффективных реабилитационных программ и чётких критериев для определения факторов риска развития когнитивных нарушений. Кроме того, остаётся открытым вопрос о взаимосвязи между тяжестью течения основного заболевания и выраженностью последующих когнитивных расстройств [23].

Материалы и методы

Статья является обзорной, в связи с чем нами был проведен отбор тематической литературы с ее дальнейшим анализом. Поиск релевантных источников осуществлялся в следующих базах данных: MEDLINE, PubMed, Scopus, научно-информационная система Cyberleninka. В качестве ключевых слов использовались различные комбинации терминов, связанных с постковидным синдромом, когнитивными нарушениями, COVID-19. Временные рамки поиска охватывали публикации последних 5 лет (период 2020 – 2025 гг), что позволило включить наиболее актуальные исследования в области совершенствования экспертной деятельности.

При отборе источников применялись следующие критерии включения: полнотекстовые статьи, содержащие оригинальные исследования или аналитические обзоры по теме. Критерии исключения предусматривали отказ от включения нормативно-правовых документов, диссертационных работ и публикаций, не имеющих прямого отношения к проблематике исследования.

Результаты исследования

Боголепова А.Н. и соавторы провели комплексное исследование когнитивных нарушений при постковидном синдроме. Было установлено, что когнитивные расстройства являются одним из ключевых симптомов постковидного состояния, получившим неофициальное название «мозговой туман». Авторы выявили, что когнитивные нарушения проявляются в виде дефицита внимания, увеличения времени реакции и проблем с исполнительными функциями. Такие нарушения могут возникать даже у пациентов с бессимптомным течением COVID-19, однако у серопозитивных больных риск развития когнитивных расстройств выше в 18 раз [7].

Остроумова Т.М. и соавт. Также отмечают, что когнитивные нарушения являются одним из наиболее частых симптомов у пациентов, перенёсших COVID-19, наряду с астеническим синдромом. В ходе работы исследователи установили, что около 27% пациентов испытывают снижение концентрации внимания, а 16% жалуются на нарушения памяти. При этом авторы подчёркивают, что наличие и тяжесть когнитивных нарушений не свя-

заны с тяжестью перенесённого заболевания. Особое внимание в работе уделяется патогенезу когнитивных нарушений. Авторы указывают на важную роль эндотелиальной дисфункции и нарушений микроциркуляции, которые развиваются вследствие системного воспаления и коагулопатии при COVID-19. При этом способность вируса SARS-CoV-2 непосредственно повреждать нервные клетки требует дополнительного уточнения. В результате исследования авторы пришли к выводу, что для коррекции когнитивных нарушений может быть эффективен препарат Актовегин [16].

Соколова Л.П. в своей работе подробно изучила проблему когнитивных нарушений при постковидном синдроме. Автор исследовала различные аспекты данного явления, включая причины, виды и степень выраженности когнитивных расстройств в постковидном периоде. В результате исследования было установлено, что подавляющее большинство пациентов после перенесённой коронавирусной инфекции жалуются на ухудшение памяти, дефицит внимания и умственную утомляемость. При этом степень выраженности когнитивных нарушений часто коррелирует с тяжестью перенесённого заболевания. Было установлено, что постковидные когнитивные нарушения проявляются в виде нейродинамических расстройств, включающих снижение концентрации внимания, рассеянность, забывчивость, нарушение процесса консолидации памяти и снижение скорости мыслительных процессов. В некоторых тяжёлых случаях снижение когнитивных функций может быть сопоставимо с последствиями старения мозга на протяжении 10 лет. Автор определила комплексный характер причин когнитивного снижения, включающий вегетативный дисбаланс, астенический синдром, нарушения сна и бодрствования, эмоционально-личностные расстройства и другие факторы. В качестве терапевтических подходов автор предлагает комплексный подход, включающий нейрометаболическую терапию, коррекцию психоэмоционального статуса и нормализацию сна. Особое внимание было уделено препарату холина альфосцерата, который показал эффективность в улучшении когнитивных функций у пациентов в постковидном периоде [22].

Сергеева В.А. и Липатова Т.Е. в своём исследовании уделили значительное внимание проблеме когнитивных нарушений при постковидном синдроме. Авторы изучали частоту и характер когнитивных расстройств у 80 пациентов (49 женщин и 31 мужчина), перенёсших COVID-19. В ходе работы было установлено, что когнитивные нарушения наблюдались примерно у каждого четвёртого пациента вне зависимости от пола: 26,53% среди женщин и 25,81% среди мужчин. При этом исследователи выявили статистически значимую взаимосвязь между астеническим синдромом и когнитивной дисфункцией, причём эта связь была более выраженной у

мужчин. В результате исследования авторы пришли к выводу, что когнитивные нарушения являются одним из значимых проявлений постковидного синдрома, часто остающимся без должного внимания клиницистов. При этом тяжесть когнитивных расстройств тесно связана с наличием астенического синдрома, особенно у мужчин. Авторы также отметили, что патогенетические механизмы когнитивных нарушений при постковидном синдроме требуют дальнейшего изучения, так как могут быть связаны как с прямым повреждающим действием вируса, так и с системным воспалительным процессом [21].

Поляков В.М., и соавт. в своём обзорном исследовании детально изучили проблему когнитивных нарушений при COVID-19 и постковидном синдроме. Авторы проанализировали многочисленные исследования, посвящённые механизмам проникновения вируса SARS-CoV-2 в центральную нервную систему и связанным с этим когнитивным расстройствам. В ходе работы было установлено, что когнитивные нарушения являются одним из частых проявлений постковидного синдрома. Исследователи выявили, что когнитивная симптоматика преимущественно проявляется в виде нарушений памяти и внимания. При этом механизмы развития когнитивных расстройств связаны с несколькими факторами: нарушением мозгового кровотока, гипоксией и гиперактивацией иммунной системы. Авторы отметили, что согласно имеющимся данным, когнитивные нарушения диагностируются примерно у трети пациентов после выписки из стационара. Особенно тяжёлые случаи наблюдаются у пациентов с тяжёлой формой заболевания и острым респираторным дистресс-синдромом. В результате проведённого анализа авторы пришли к выводу, что постковидные когнитивные нарушения могут сохраняться длительное время и требуют комплексного подхода к реабилитации, включающего как медикаментозную терапию, так и когнитивные тренировки. При этом характер нарушений может варьироваться от лёгких форм до стойких расстройств памяти, внимания и исполнительных функций [18].

Кабыш С.С., Карпенкова А.Д. и Прокопенко С.В. проанализировали обширный материал о состоянии когнитивных функций после перенесённой коронавирусной инфекции, уделив особое внимание патогенетическим механизмам развития нарушений и перспективам лечения. Исследователи выявили несколько ключевых механизмов развития когнитивных нарушений: прямое поражение нервной системы вирусом, нарушения микроциркуляции, дисфункцию эндотелия и гипоксические изменения. Важно отметить, что вероятность развития когнитивных нарушений у пациентов с лёгкой формой заболевания в 18 раз выше, чем у неинфицированных лиц. Авторы пришли к выводу, что когнитивные нарушения при постковидном синдроме характеризуются широким спектром проявлений, включая проблемы

с памятью, вниманием и исполнительными функциями. При этом тяжесть когнитивных расстройств не всегда коррелирует с тяжестью течения самой инфекции. Исследователи подчеркнули необходимость ранней диагностики и комплексной реабилитации пациентов, включающей как медикаментозное лечение, так и когнитивные тренировки [11].

Радоуцкая Е.Ю. и соавт. провели сравнительное исследование эффективности когнитивного тренинга у пациентов, перенёсших COVID-19. В ходе работы они оценивали состояние кратковременной памяти и концентрации внимания у двух групп пациентов: основной (с проведением когнитивного тренинга) и контрольной (без тренинга). В результате исследования было установлено, что у пациентов основной группы, получавших когнитивный тренинг продолжительностью 10–15 минут ежедневно, наблюдалось значительное улучшение показателей кратковременной памяти (в среднем на 14,3%) и концентрации внимания (на 9%) уже через 10 дней. В контрольной группе улучшения были существенно менее выраженными — 6% по памяти и 2% по концентрации внимания. Авторы пришли к выводу, что когнитивный тренинг является эффективным методом коррекции когнитивных нарушений при постковидном синдроме. Они подчеркнули, что данный метод реабилитации доступен, прост в применении, не требует специального оборудования и финансовых затрат, при этом показывает быструю положительную динамику. Исследователи рекомендовали включать когнитивный тренинг в комплексную программу реабилитации пациентов, перенёсших COVID-19 [19].

Мороз Д.И., Исаева А.С., Лавриненко И.А. и Семин Д.В. отмечают, что когнитивные нарушения являются одним из наиболее распространённых проявлений постковидного синдрома наряду с астеническими и тревожно-депрессивными расстройствами. В работе подробно описывается клинический случай пациентки с выраженными когнитивными нарушениями после перенесённой COVID-19 инфекции, проявляющимися в виде снижения памяти, нарушения концентрации внимания и «тумана в голове». Исследователи указывают на то, что подобные симптомы могут развиваться независимо от тяжести перенесённого заболевания. Авторы провели оценку когнитивных функций с помощью теста MMSE, где исходно пациентка набрала 20 баллов, а после проведённого лечения — 25 баллов, что свидетельствует об улучшении когнитивного статуса. В результате исследования авторы пришли к выводу о необходимости комплексного подхода к коррекции когнитивных нарушений, включающего медикаментозную терапию (в частности, применение ноотропных препаратов) в сочетании с немедикаментозными методами. Исследователи подчёркивают важность использования скрининговых диагностических шкал и тестов для своевременной оценки когнитивных

функций у пациентов с постковидным синдромом и необходимость комплексного подхода к лечению выявленных нарушений [14].

Петрова Н.Н. проанализировала обширный материал о распространённости и характере когнитивных расстройств после перенесённой коронавирусной инфекции. В ходе работы было установлено, что когнитивные нарушения являются одним из ключевых компонентов астеноневротического симптомокомплекса при постковидном синдроме. Исследователь выявила, что такие нарушения проявляются преимущественно в виде проблем с памятью, снижением способности к концентрации внимания и ухудшением исполнительских функций. Автор отметила, что когнитивные нарушения встречаются примерно у 25% пациентов, при этом 18% жалуются на проблемы с памятью, а 16% — на трудности с концентрацией внимания. Особенно важно, что подобные нарушения могут развиваться независимо от возраста пациента и предшествующего когнитивного статуса.

Петрова Н.Н. пришла к выводу, что делирий в остром периоде коронавирусной инфекции является значимым фактором риска развития когнитивных нарушений в постковидном периоде. Исследователь также подчеркнула роль системного воспаления как ведущего патогенетического механизма развития нейropsychиатрических расстройств, включая когнитивные нарушения. Когнитивные расстройства часто сочетаются с астеническим синдромом и тревожно-депрессивной симптоматикой, что требует комплексного подхода к их коррекции [17].

Житкова Ю.В. и Хасанова Д.Р. в своём исследовании детально изучили проблему когнитивных нарушений при постковидном синдроме. Авторы сосредоточились на анализе механизмов развития и методов коррекции этих нарушений у пациентов, перенёсших COVID-19. В ходе работы исследователи установили, что когнитивные нарушения являются значимым компонентом постковидного синдрома, который может развиваться даже при отсутствии прямого повреждения мозга. Авторы выявили, что такие нарушения проявляются преимущественно в виде дефицита внимания, нарушения памяти и психомоторной замедленности. Исследователи определили ключевые патогенетические механизмы развития когнитивных нарушений, включая нейротропность вируса, системное воспаление, гипоксию и цереброваскулярные изменения. Особое внимание было уделено роли обонятельной дисфункции как возможного предиктора когнитивного снижения. На основании проведённого исследования авторы пришли к выводу, что постковидные когнитивные нарушения требуют комплексного подхода к лечению с учётом характера течения инфекционного процесса. Они подчеркнули эффективность применения препаратов с мультимодальным действием, таких как Целлекс, который показал положительные результаты в улучшении

когнитивного статуса пациентов. Исследователи также отметили необходимость дальнейших исследований для углубления понимания патогенеза постковидных когнитивных нарушений и разработки стандартизированных подходов к их диагностике и лечению [9].

Мухаметова Д.Д. и соавт. провели комплексное исследование с участием 60 человек, из которых 41 перенёс COVID-19. Они оценивали когнитивные функции с помощью шкалы MMSE и теста связи чисел, а также определяли уровень аммония в крови. Постковидный синдром диагностирован у 70,7% пациентов, которые жаловались на снижение памяти, слабость и тревожность. Когнитивные нарушения по шкале MMSE были выявлены у 27% обследованных, причём более выраженные изменения наблюдались в группе с постковидным синдромом. У 66% пациентов в постковидной группе было увеличено время выполнения теста связи чисел. Исследователи также обнаружили, что гипераммониемия присутствовала у 54% пациентов, перенёсших COVID-19, однако корреляции между уровнем аммония и когнитивными нарушениями выявлено не было. На основании проведённого исследования авторы пришли к выводу, что когнитивные нарушения являются значимым компонентом постковидного синдрома, требующим внимания и дальнейшего изучения. При этом они подчеркнули необходимость комплексного подхода к оценке состояния пациентов, включающего как когнитивный, так и биохимический анализ [15].

Кудинова Л.Г. и соавт. провели комплексное исследование когнитивных нарушений при постковидном синдроме. Авторы изучали частоту встречаемости, клиническое течение и патогенетические механизмы развития когнитивных расстройств у пациентов в постковидном периоде. В результате исследования было установлено, что когнитивные нарушения занимают второе место после астенических расстройств в структуре постковидных неврологических осложнений. По данным исследования клиники Мэйо, когнитивные нарушения встречаются у 45% пациентов. Авторы выявили характерные проявления когнитивных расстройств: недостаточность управляющих функций, трудности с концентрацией внимания, утомляемость при умственной работе, «затуманенность» в голове, снижение гибкости мышления и темпа познавательной деятельности. Исследователи определили ключевые патогенетические механизмы развития когнитивных нарушений, включая цереброваскулярные нарушения, дисиммунные реакции, гипоксию и прямое нейротропное поражение. Установлено, что риск развития тяжелых когнитивных расстройств в первые 6 месяцев после COVID-19 в 1,7 раза выше по сравнению с ОРВИ. Авторы пришли к выводу о необходимости комплексного подхода к коррекции когнитивных нарушений, включающего медикаментозную терапию (нейрометаболические и вазоактивные препараты), антикоагулянтную

терапию, коррекцию депрессивных расстройств и регулярную физическую активность. При этом особое внимание уделяется стимуляции нейрогенеза как ключевого фактора восстановления когнитивного резерва [12].

Сапроненкова О.А. и Широков Е.А. определили основные механизмы развития когнитивных расстройств, включая прямое повреждение нервной ткани вирусом, нарушение гематоэнцефалического барьера и нейровоспаление. Особое внимание было уделено изучению путей проникновения вируса в центральную нервную систему и их связи с развитием когнитивных нарушений. Исследователи установили, что SARS-CoV-2 может атаковать клетки гематоэнцефалического барьера, повреждать эндотелий и инфицировать клетки нейроглии. На основании проведённого исследования авторы пришли к выводу, что когнитивные нарушения при постковидном синдроме представляют собой сложный мультифакторный процесс, включающий аберрантные иммунные реакции, вирусную персистенцию и воспалительные повреждения. Они также отметили необходимость комплексного подхода к лечению, включающего восстановление когнитивных функций, борьбу с церебрастениями и предупреждение аутоиммунных процессов [20].

Махмутов Р.Ф., Пошехонова Ю.В. и Лихобаба О.А. установили, что даже лёгкая форма COVID-19 может провоцировать развитие отдалённых неврологических нарушений, включая когнитивную сферу. При этом отсутствие патологических изменений в лабораторных и инструментальных исследованиях не исключает наличие клинических проявлений постковидного синдрома [13].

Шалабодина В.А. в своём исследовании изучала взаимосвязь между степенью тяжести перенесённой коронавирусной инфекции и когнитивными нарушениями у студентов. Автор провела комплексное исследование с участием 208 студентов, из которых 144 перенесли COVID-19. В ходе работы было организовано специальное экспериментальное исследование с использованием упражнений нейробики (пальчиков), которое позволило оценить когнитивные функции трёх групп участников: студентов, перенёвших инфекцию в тяжёлой форме, в лёгкой форме и контрольной группы неболевших студентов. Исследование показало, что признаки нарушений когнитивных функций были обнаружены преимущественно у студентов, тяжело перенёвших заболевание. При этом у студентов с лёгким течением болезни значимых отличий от контрольной группы выявлено не было. Особенно заметные нарушения были зафиксированы у студентов с патологиями нервной системы — 50% из них отметили значительное ухудшение состояния после болезни. Автор пришла к выводу, что когнитивные нарушения являются характерной особенностью постковидного синдрома, но проявляются не у всех переболевших. При этом тяжесть когнитивных

нарушений коррелирует с тяжестью перенесённой инфекции. Исследование также показало необходимость дальнейших более глубоких исследований данного феномена для выявления причин, по которым нарушения появляются у одних пациентов и отсутствуют у других. В качестве возможного решения проблемы автор предложила использование комплексов нейробики в рамках образовательных программ для профилактики и коррекции когнитивных нарушений [25].

Албакова З.А.-М. в своём исследовании уделила значительное внимание проблеме когнитивных нарушений при постковидном синдроме. Автор проанализировала масштабные исследования, включая опрос 84 285 участников Great British Intelligence Test, а также провела собственное исследование с участием 695 пациентов в Ингушетии. В ходе работы было установлено, что когнитивные нарушения являются одним из ключевых компонентов постковидного синдрома. По результатам исследований, снижение когнитивных способностей наблюдалось как у госпитализированных пациентов, так и у лиц с подтверждённым COVID-19, проходивших лечение дома. При этом у пациентов моложе 50 лет иногда отмечался более выраженный когнитивный дефицит, чем у пожилых. Автор выявила, что показатели когнитивного дефицита прямо пропорциональны тяжести респираторных осложнений и уровню гипоксемии. Наиболее сильному когнитивному дефициту подвергались функции, связанные со способностью рассуждать, решать проблемы и определять цели, при этом рабочая память и способность распознавать эмоции оставались в норме. По данным опроса в Ингушетии, 63% респондентов отмечали нарушения памяти, 59% жаловались на ощущение «тумана в голове», а 37% отмечали изменение концентрации внимания и скорости мыслительных процессов [2].

Ивченко Г.С., Лобжанидзе Н.Н., Русина Д.С., Денисова Е.В. и Ивченко А.А. в своём исследовании целенаправленно изучали когнитивные нарушения при постковидном синдроме у молодых пациентов. Авторы исследовали взаимосвязь между повреждением печени вследствие COVID-19, гипераммониемией и развитием когнитивных расстройств. В исследование были включены 30 пациентов молодого возраста (18–24 года) с жалобами на снижение внимания и ухудшение памяти. В ходе работы учёные установили, что когнитивные нарушения у молодых пациентов после COVID-19 связаны с развитием минимальной печёночной энцефалопатии, которая подтверждается психометрическими тестами и повышением уровня аммиака в крови. У обследованных пациентов также отмечались повышенные уровни печёночных ферментов. Исследователи провели терапию препаратом L-орнитин-L-аспартат и зафиксировали положительные результаты: улучшение объективного состояния пациентов, нормализацию показателей пе-

чеченных ферментов, снижение уровня аммиака и улучшение результатов тестирования когнитивных функций. В результате авторы пришли к выводу, что когнитивные нарушения при постковидном синдроме могут быть связаны с гипераммониемией и печеночной энцефалопатией, а применение L-орнитин-L-аспартата эффективно для коррекции этих состояний и улучшения когнитивных функций [10].

Боголепова А.Н. и соавт. пришли к выводу, что когнитивные нарушения являются одним из ключевых компонентов постковидного синдрома, который требует целенаправленной терапии. Они доказали эффективность применения холина альфосцерата и Мексидина в коррекции когнитивных расстройств, особенно у пациентов с умеренными нарушениями [8].

Закключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы: когнитивные нарушения при постковидном синдроме представляют собой значимый клинический феномен, выявляемый у значительной части пациентов, перенесших COVID-19, независимо от тяжести течения заболевания. Клиническая картина когнитивных нарушений характеризуется преимущественно расстройствами внимания и памяти, часто сочетается с астеническим и тревожно-

депрессивным синдромом. Особенно важно отметить стойкость данных нарушений, сохраняющихся в течение нескольких месяцев после выздоровления. Патогенетические механизмы развития когнитивного дефицита при постковидном синдроме включают прямое повреждающее действие вируса на нервную ткань, системные нарушения, связанные с воспалительным ответом организма, а также психоэмоциональный стресс. Особую роль играет нарушение функции митохондрий и процессов энергетического обмена в нейронах. Терапевтические подходы, направленные на коррекцию когнитивных нарушений, показали свою эффективность. Применение препаратов с антиоксидантным, антигипоксическим и нейропротекторным действием демонстрирует положительную динамику, как в отношении когнитивных функций, так и сопутствующих нарушений. Практическая значимость исследования заключается в доказательстве необходимости систематического наблюдения за пациентами, перенесшими COVID-19, с целью своевременной диагностики и коррекции когнитивных нарушений. Полученные результаты подчеркивают важность комплексного подхода к реабилитации таких пациентов с учетом всех компонентов постковидного синдрома. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются изучение долгосрочных последствий когнитивных нарушений и разработка более эффективных методов их профилактики и лечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акилов Х.А., Туйчиев Л.Н., Ибадова Г.А., Мусабаев Э.И. Временные рекомендации по ведению пациентов, инфицированных короновирусной инфекцией COVID-19: методические рекомендации. - Ташкент, 2020. - 84 с.
2. Албакова З.А.-М. Психологические и психические последствия заболевания COVID-19 // Международный научно-исследовательский журнал. - 2023. - №5(119). - Ч.2. - С. 207-211.
3. Ахророва Ш.Б., Нуруллаев Н.Н. Когнитивные нарушения при постковидном синдроме // Журнал неврологии и нейрохирургических исследований. - 2021. - №1. - С. 161-164.
4. Багненко С.Ф., Беляков Н.А., Рассохин В.В. Начало эпидемии COVID-19. - СПб: БМОЦ, 2020. - 359 с.
5. Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Таточенко В.К. Дайджест новостей COVID-19 // Педиатрическая фармакология. - 2020. - Т.17. - №2. - С. 152-155.
6. Бобкова С.Н., Зверева М.В., Шалабодина В.А. Влияние перенесенной короновирусной инфекции на психофизическое состояние студентов // Проблемы современного педагогического образования. - 2022. - №77-4. - С. 375-377.
7. Боголепова А.Н. Возможные подходы к терапии астенических и когнитивных нарушений при постковидном синдроме // Поведенческая неврология. - 2022. - №1. - С. 52-54.
8. Боголепова А.Н., Осинская Н.А., Коваленко Е.А., Махнович Е.В. Возможные подходы к терапии астенических и когнитивных нарушений при постковидном синдроме // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. - 2021. - Т.13. - №4. - С. 88-93.
9. Житкова Ю.В., Хасанова Д.Р. Опыт лечения постковидных когнитивных нарушений (клиническое наблюдение) // Медицинский совет. - 2022. - Т.16. - №11. - С. 102-107.
10. Ивченко Г.С., Лобжанидзе Н.Н., Русина Д.С., Денисова Е.В. Течение постковидного синдрома легкой степени тяжести у молодых пациентов // Терапевтический архив. - 2023. - Т.95. - №8. - С. 674-678.
11. Кабыш С.С., Карпенкова А.Д., Прокопенко С.В. Когнитивные нарушения и COVID-19 // Сибирское медицинское обозрение. - 2022. - №2. - С. 40-48.
12. Кудинова Л.Г. Патогенетические аспекты когнитивных расстройств у пациентов с постковидным синдромом // Вестник науки. - 2023. - Т.2. - №4(61). - С. 255-267.
13. Махмутов Р.Ф., Пошехонова Ю.В., Лихобаба О.А. Постковидный синдром и качество жизни подростков // Университетская Клиника. - 2024. - №2(51). - С. 99-104.
14. Мороз Д.И., Исаева А.С., Лавриненко И.А., Семин Д.В. Комплексная терапия астении и снижения когнитивных функций на фоне перенесенной COVID-19-

- инфекции в реальной клинической практике // Клинический разбор в общей медицине. - 2022. - №5. - С. 47-50.
15. Мухаметова Д.Д., Белоусова Е.Н., Фасхиева З.И., Назарова М.Г., Князева М.В., Абдулганиева Д.И. Оценка гипераммониемии и когнитивных нарушений у пациентов в постковидном периоде // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. - 2023. - Т.216. - №8. - С. 66-72.
 16. Остроумова Т.М., Остроумова О.Д., Эбзеева Е.Ю., Араблинский Н.А. Астения и когнитивные нарушения на фоне перенесённого COVID-19. Возможности препарата Актотегин в их коррекции // Клинический разбор в общей медицине. - 2021. - №1. - С. 28-34.
 17. Петрова Н.Н. Нейропсихиатрические последствия COVID-19 // *Juvenis scientia*. - 2022. - Т.8. - №4. - С. 5-14.
 18. Поляков В.М., Черевикова И.А., Мясищев Н.А., Рычкова Л.В., Косовцева А.С., Вотинева А.С., Прохорова Ж.В., Колесников С.И. Когнитивные и эмоциональные нарушения, ассоциированные с COVID-19 (обзор литературы) // *Acta biomedica scientifica*. - 2022. - Т.7. - №6. - С. 71-81.
 19. Радоуцкая Е.Ю., Лозовик Л.Ю., Шмыгун М.В., Онищук Я.И., Новикова И.И. Когнитивные нарушения в структуре постковидного синдрома у пациентов с профессиональной патологией // Медицина труда и экология человека. - 2023. - №4. - С. 50-62.
 20. Сапроненкова О.А., Широков Е.А. Постковидные нейрокогнитивные расстройства // Клиническая медицина. - 2023. - Т.101. - №6. - С. 265-274.
 21. Сергеева В.А., Липатова Т.Е. Клинические проявления постковидного синдрома у мужчин и женщин // Клинический разбор в общей медицине. - 2022. - №5. - С. 16-22.
 22. Соколова Л.П. Изменения когнитивного статуса и нарколептический синдром в рамках постковидных нарушений // Поведенческая неврология. - 2021. - №2. - С. 40-46.
 23. Танерова Н.Г. Анализ течения постковидного синдрома на основе данных анкетирования пациентов // Вестник молодого ученого. - 2022. - Т.11. - №2. - С. 58-60.
 24. Хасанова Д.Р., Житкова Ю.В., Васкаева Г.Р. Постковидный синдром: обзор знаний о патогенезе, нейропсихиатрических проявлениях и перспективах лечения // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. - 2021. - №3. - С. 1-8.
 25. Шалабодин В.А. Постковидный синдром и когнитивные нарушения: анализ состояния здоровья студентов // Вестник МГПУ. - 2023. - №1. - С. 97-104.

© Браславский Андрей Дмитриевич (abraslavski@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

INFLUENCE OF THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF REFLECTION OF MENTAL STATES ON PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF COLLEGE STUDENTS

S. Velieva
E. Zorina

Summary: The article presents the results of an empirical study of the relationship between the level of development of reflection of mental states and psychological well-being of college students. A sample of 245 Kazan college students revealed statistically significant positive correlations between reflection and all components of psychological well-being, with the strongest relationship revealed with personal growth. Dispersion analysis showed significant differences in psychological well-being between groups with different levels of reflection, as well as specific features of the development of reflexive abilities depending on the profile of professional training. Cluster analysis made it possible to identify three typological groups of students, which justifies the need for a differentiated approach to psychological support of the educational process in the system of secondary vocational education.

Keywords: reflection of mental states, psychological well-being, college students, professional development, self-regulation of personality.

Велиева Светлана Витальевна

кандидат психологических наук, доцент, Чувашский
государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева
stlana70@mail.ru

Зорина Елена Вячеславовна

Аспирант, Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева
zrilena@gmail.com

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи между уровнем развития рефлексии психических состояний и психологическим благополучием студентов колледжа. На выборке из 245 студентов БПОУ «Чебоксарский медицинский колледж» Минздрава Чувашии установлено наличие статистически значимых положительных корреляций между рефлексией и всеми компонентами психологического благополучия, при этом наиболее сильная связь выявлена с личностным ростом. Дисперсионный анализ показал существенные различия в психологическом благополучии между группами с разным уровнем рефлексии, а также специфические особенности развития рефлексивных способностей в зависимости от профиля профессиональной подготовки. Кластерный анализ позволил выделить три типологические группы студентов, что обосновывает необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению образовательного процесса в системе среднего профессионального образования.

Ключевые слова: рефлексия психических состояний, психологическое благополучие, студенты колледжа, профессиональное становление, саморегуляция личности.

Современная образовательная среда предъявляет к студентам колледжа особые требования, связанные с необходимостью профессионального становления в условиях высоких информационных нагрузок и неопределенности будущего. В этом контексте особую актуальность приобретает исследование психологического благополучия как системного показателя успешной адаптации личности к условиям профессиональной подготовки. Значительный интерес представляют результаты исследования С.А. Юстус, который изучил особенности психологического благополучия у 98 студентов различных направлений подготовки. Автор установил, что у студентов-гуманитариев преобладает средний уровень психологического благополучия при низком индексе жизненной удовлетворенности, тогда как студенты технических специальностей демонстрируют более высокие показатели жизненной удовлетворенности при сохранении высокой потребности в саморазвитии [7].

Дальнейшее развитие этой проблематики представле-

но в работе Е.А. Пономаренко, исследовавшего 180 студентов колледжей технического и творческого направлений. Автор выявил парадоксальную закономерность, согласно которой студенты творческого направления испытывают большее психологическое неблагополучие, обусловленное переживаниями, связанными с самооценкой личности и целевыми жизненными ориентирами. Ключевую роль в формировании психологического благополучия играет способность личности к рефлексии собственных психических состояний. Современные исследования демонстрируют, что рефлексивность как глобальная когнитивная особенность личности способствует эффективной саморегуляции в неопределенных и стрессовых ситуациях, характерных для периода профессионального обучения [2].

Комплексное исследование роли рефлексивности в структуре психологической устойчивости провели И.Л. Пономаренко и Л.Б. Кадышева на выборке 55 студентов-психологов. Авторы установили, что 86% студентов демонстрируют высокий и достаточный уровень рефлексивности,

при этом выявлены значимые положительные корреляции рефлексивности с компонентами эмоционального интеллекта, включая эмоциональную осведомленность, эмпатию и управление эмоциями других людей. Особое внимание заслуживает механизм влияния рефлексии на совладание со стрессовыми ситуациями. Исследование Р.А. Маляренко, проведенное на 60 студентах медицинского колледжа, продемонстрировало важность интеллектуальной переработки проблемных ситуаций с контролем эмоциональной составляющей. Автор выявил доминирование таких копинг-стратегий, как планирование решения проблемы, принятие ответственности и положительная переоценка, что свидетельствует о стремлении студентов к рациональному анализу трудных ситуаций [1,3].

Практическая значимость развития рефлексивных способностей подтверждается исследованием Д.О. Филатова и О.В. Филатовой, разработавших программу психолого-педагогического сопровождения студентов колледжа. Авторы показали, что систематическая работа по развитию рефлексивных способностей через групповую рефлексии и социально-психологические тренинги способствует повышению психической надежности и качества подготовки специалистов [6].

Тревожные тенденции в студенческой среде выявлены в исследовании В.В. Сандаловой и М.Г. Черновой, изучивших 128 студентов различных курсов. Авторы установили, что 71,9% студентов отмечают стойкое ухудшение настроения, а 75% испытывают чувства страха и тревоги, при этом обнаружена взаимосвязь между высокой академической успеваемостью и уровнем тревожности, что указывает на формирование стереотипного тревожного поведения [4].

Теоретический анализ, представленный П. Сераджи и Т.Л. Худяковой, подчеркивает особую важность периода молодости для психологического развития личности. Авторы отмечают, что образовательная среда может выступать эффективным фактором не только интеллектуального и профессионального развития, но и создания условий для самореализации через образовательную поддержку, организацию научных мероприятий и формирование активных студенческих объединений [5].

Методы и методология исследования

В исследовании приняли участие 245 студентов БПОУ «Чебоксарский медицинский колледж» Минздрава Чувашии в возрасте от 16 до 22 лет (средний возраст составил $18,4 \pm 1,7$ года). Гендерное распределение выборки включало 142 девушки (58%) и 103 юноши (42%). По профилю обучения респонденты распределились следующим образом: технические специальности составили 38,8% выборки (95 человек), медицинские специальности – 31,4% (77 человек), педагогические специальности – 29,8% (73 человека). Распределение по

курсам обучения показало относительно равномерное представительство: первый курс – 26,1% (64 человека), второй курс – 24,9% (61 человек), третий курс – 25,7% (63 человека), четвертый курс – 23,3% (57 человек).

Целью настоящего исследования являлось выявление характера и степени взаимосвязи между уровнем развития рефлексии психических состояний и компонентами психологического благополучия студентов колледжа, а также определение специфических особенностей этой взаимосвязи в зависимости от профиля профессиональной подготовки и курса обучения.

Методологической основой исследования выступил системно-деятельностный подход, позволяющий рассматривать рефлексии как системообразующий компонент саморегуляции личности в процессе профессионального становления. В качестве диагностического инструментария использовался комплекс стандартизированных методик. Для оценки уровня развития рефлексии психических состояний применялась модифицированная методика А.В. Карпова «Диагностика рефлексии», дополненная авторскими вопросами, направленными на изучение осознания эмоциональных переживаний. Психологическое благополучие диагностировалось с помощью русскоязычной версии «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко. Дополнительно использовался опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса в адаптации Т.Л. Крюковой для оценки копинг-стратегий как проявления рефлексивной регуляции поведения.

Результаты и обсуждения

Анализ уровня развития рефлексии психических состояний показал, что высокий уровень рефлексии характерен для 28,6% студентов (70 человек), средний уровень демонстрируют 52,7% респондентов (129 человек), низкий уровень выявлен у 18,7% участников исследования (46 человек). Средний балл по методике рефлексии составил $142,3 \pm 24,8$ при максимально возможном значении 210 баллов.

Оценка компонентов психологического благополучия выявила следующие средние значения: автономия – $62,4 \pm 11,2$ балла, управление средой – $58,7 \pm 10,9$ балла, личностный рост – $65,8 \pm 12,3$ балла, позитивные отношения с другими – $59,2 \pm 13,1$ балла, жизненные цели – $61,5 \pm 11,7$ балла, самопринятие – $57,9 \pm 12,4$ балла. Интегральный показатель психологического благополучия составил $365,5 \pm 47,2$ балла.

Корреляционный анализ выявил статистически значимые положительные взаимосвязи между уровнем рефлексии и всеми компонентами психологического благополучия. Наиболее сильная корреляция обнаружена между рефлексией и личностным ростом ($r=0,634$,

$p < 0,001$), что свидетельствует о важной роли самопознания в процессах саморазвития. Значимые корреляции установлены также с автономией ($r = 0,542$, $p < 0,001$), самопринятием ($r = 0,518$, $p < 0,001$), жизненными целями ($r = 0,476$, $p < 0,001$), управлением средой ($r = 0,423$, $p < 0,01$) и позитивными отношениями с другими ($r = 0,387$, $p < 0,01$).

Множественный регрессионный анализ показал, что уровень рефлексии объясняет 41,2% дисперсии интегрального показателя психологического благополучия ($R^2 = 0,412$, $F = 67,3$, $p < 0,001$). Регрессионное уравнение имеет вид: $ПБ = 187,4 + 1,25 \times \text{Рефлексия}$, где коэффициент регрессии статистически значим ($\beta = 0,642$, $t = 8,21$, $p < 0,001$).

Дисперсионный анализ выявил статистически значимые различия в уровне психологического благополучия между группами с разным уровнем рефлексии ($F = 89,7$, $p < 0,001$). Студенты с высоким уровнем рефлексии демонстрируют значительно более высокие показатели психологического благополучия ($M = 421,8 \pm 38,4$) по сравнению со студентами со средним ($M = 368,2 \pm 42,1$) и низким ($M = 298,7 \pm 39,6$) уровнями рефлексии.

Анализ различий между профилями обучения показал, что студенты педагогических специальностей характеризуются наиболее высоким уровнем рефлексии ($M = 156,3 \pm 22,1$), в то время как студенты технических специальностей демонстрируют наименьшие показатели ($M = 134,2 \pm 25,4$). Студенты медицинских специальностей занимают промежуточное положение ($M = 145,7 \pm 23,8$). Различия между группами статистически значимы ($F = 14,6$, $p < 0,001$).

Кластерный анализ позволил выделить три типологические группы студентов. Первый кластер «Рефлексивно-благополучные» включает 32,2% студентов, характеризующихся высокой рефлексией и высоким психологическим благополучием. Второй кластер «Умеренно-адаптированные» объединяет 48,6% респондентов со средними показателями по обоим переменным. Третий кластер «Нерефлексивно-неблагополучные» составляет 19,2% выборки и характеризуется низкими значениями рефлексии и психологического благополучия.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о существовании тесной взаимосвязи между уровнем развития рефлексии психических состояний и психологическим благополучием студентов колледжа. Особенно значимой представляется выявленная связь рефлексии с личностным ростом, что согласуется с теоретическими

представлениями о рефлексии как механизме самопознания и саморазвития личности. Обнаруженные различия между профилями обучения могут объясняться спецификой профессиональной подготовки. Студенты педагогических специальностей в процессе обучения больше внимания уделяют развитию навыков самоанализа и понимания психологических процессов, что способствует формированию рефлексивной компетентности. Студенты технических специальностей, напротив, в большей степени ориентированы на освоение предметно-практических навыков.

Выделенные типологические группы свидетельствуют о неоднородности студенческой популяции в отношении развития рефлексивных способностей и их влияния на психологическое функционирование. Существование группы «нерефлексивно-неблагополучных» студентов указывает на необходимость разработки специальных программ психологического сопровождения.

Выводы

Исследование установило наличие статистически значимой положительной взаимосвязи между уровнем развития рефлексии психических состояний и психологическим благополучием студентов колледжа. Рефлексия выступает значимым предиктором психологического благополучия, объясняя более 40% его дисперсии. Профиль профессиональной подготовки оказывает существенное влияние на развитие рефлексивных способностей студентов. Выявленная типология студентов по соотношению рефлексии и психологического благополучия может служить основой для дифференцированного подхода к психологическому сопровождению образовательного процесса.

Научная новизна исследования заключается в установлении количественных параметров взаимосвязи рефлексии психических состояний и психологического благополучия в специфической выборке студентов колледжа. Впервые выявлены профильно-специфические особенности развития рефлексивной компетентности в системе среднего профессионального образования. Разработанная типология студентов по соотношению рефлексии и психологического благополучия расширяет представления о механизмах психологической адаптации в период профессионального становления и может служить основой для создания дифференцированных программ психологического сопровождения студентов колледжей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маляренко, Р.А. Исследование психологических особенностей совладания с тревогой у студентов медицинского колледжа / Р.А. Маляренко // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. – 2020. – № 4. – С. 172-184. – EDN FSRDOU.
2. Пономаренко, А.А. Особенности психологического благополучия студентов колледжей творческого и технического направлений / А.А. Пономаренко //

- Человеческий капитал. – 2023. – № 5(173). – С. 317-325. – DOI 10.25629/НС.2023.05.33. – EDN ATHXNZ.
3. Пономаренко, И.Л. Рефлексивность в структуре психологической устойчивости студентов-психологов / И.Л. Пономаренко, Л.Б. Кадышева // Осознание Культуры - залог обновления общества. Перспективы развития современного общества: Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, Севастополь, 10–11 апреля 2020 года / Составитель В.В. Головин. – Севастополь: Общество с ограниченной ответственностью «Рибест», 2020. – С. 213-216. – EDN HOU00Q.
 4. Сандалова, В.В. Изучение особенностей психологического состояния студенческой молодежи / В.В. Сандалова, М.Г. Чернова // Мечниковские чтения-2023: Сборник материалов конференции. 96-я Всероссийская научно-практическая конференция студенческого научного общества с международным участием, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, 2023. – С. 398-399. – EDN RUMGQA.
 5. Сераджи, П. Психологическое благополучие и самореализация студентов-психологов / П. Сераджи, Т.Л. Худякова // Актуальные проблемы современной психологии образования : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. Ф. Мягкова, Воронеж, 18–19 сентября 2023 года. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. – С. 223-228. – EDN CRGNTX.
 6. Филатов, Д.О. Организация психолого-педагогического сопровождения профессионализации студентов колледжа / Д.О. Филатов, О.В. Филатова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 2, № 12(120). – С. 47-51. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2021.12.02.009. – EDN GLKEBO.
 7. Юстус, С.А. Особенности психологического благополучия студентов / С.А. Юстус // МНСК-2020. Психология: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 10–13 апреля 2020 года. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. – С. 25-26. – EDN BYQ0IT.

© Велиева Светлана Витальевна (stlena70@mail.ru), Зорина Елена Вячеславовна (zrilenaa@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БИОМАРКЕРЫ СТРЕССА И ИХ КОРРЕЛЯЦИЯ С ПРОГРЕССИРОВАНИЕМ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПСИХООНКОЛОГИЧЕСКУЮ ПОДДЕРЖКУ

Виденичкин Дмитрий Михайлович

Аспирант, ФГБОУ ВО Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина
dima-videnichkin@rambler.ru

BIOMARKERS OF STRESS AND THEIR CORRELATION WITH CANCER PROGRESSION: A NEW PERSPECTIVE ON PSYCHOANALYTIC SUPPORT

D. Vedenichkin

Summary: The article is devoted to the study of the relationship between biomarkers of stress and the progression of cancer, as well as the importance of psychological and oncological support in complex therapy. Modern approaches to the identification of stress biomarkers such as cortisol, alpha-amylase, cytokines and others, their effect on the immune response and metabolic processes that play a key role in the development of tumors are considered. It is emphasized that a high level of stress contributes to a violation of immune homeostasis and can increase inflammatory processes, which, in turn, negatively affects the course of the disease. Important attention is paid to the role of psychological and psychological support, including cognitive behavioral therapy, meditation, relaxation practices and group therapy. These methods can reduce stress levels, improve the psychoemotional state of patients and increase their commitment to treatment. Examples of the integration of psycho-oncological methods into standard cancer treatment programs are given. It has been shown that comprehensive psychoanalytic support can not only improve the quality of life of patients, but also contribute to improving clinical outcomes.

Keywords: biomarkers of stress, psycho-oncological support, oncological diseases, stress and cancer, immune response, psychological support for patients, cognitive behavioral therapy, cancer and psycho-emotional state, molecular mechanisms of stress, personalized medicine.

Аннотация: Статья посвящена изучению взаимосвязи между биомаркерами стресса и прогрессированием онкологических заболеваний, а также значению психоонкологической поддержки в комплексной терапии. Рассмотрены современные подходы к выявлению биомаркеров стресса, таких как кортизол, альфа-амилаза, цитокины и другие, их влияние на иммунный ответ и метаболические процессы, имеющие ключевую роль в развитии опухолей. Подчеркивается, что высокий уровень стресса способствует нарушению иммунного гомеостаза и может усиливать воспалительные процессы, что, в свою очередь, негативно сказывается на течении заболевания.

Важное внимание уделено роли психоонкологической поддержки, включающей когнитивно-поведенческую терапию, медитацию, релаксационные практики и групповую терапию. Эти методы позволяют снижать уровень стресса, улучшать психоэмоциональное состояние пациентов и повышать их приверженность лечению. Приводятся примеры интеграции психоонкологических методов в стандартные программы лечения рака.

Показано, что комплексная психоонкологическая поддержка может не только повысить качество жизни больных, но и способствовать улучшению клинических исходов.

Ключевые слова: биомаркеры стресса, психоонкологическая поддержка, онкологические заболевания, стресс и рак, иммунный ответ, психологическая поддержка пациентов, когнитивно-поведенческая терапия, рак и психоэмоциональное состояние, молекулярные механизмы стресса, персонализированная медицина.

Введение

Онкологические заболевания остаются одной из ведущих причин смертности в мире, вызывая значительное бремя как для пациентов, так и для системы здравоохранения. Современные подходы к диагностике и лечению рака сосредоточены не только на борьбе с опухолью, но и на улучшении качества жизни пациентов. Одним из ключевых факторов, влияющих на течение онкологических заболеваний, является стресс — сложное физиологическое и психологическое состояние, способное как напрямую, так и опосредованно воздействовать на организм. Исследования показывают, что хронический стресс может изменять функции иммунной системы, усиливать воспалительные процессы и способствовать прогрессированию опухоли.

В этой связи изучение биомаркеров стресса приобретает всё большее значение. Биомаркеры позволяют объективно оценивать влияние стресса на организм, выявлять пациентов с высоким риском ухудшения состояния и разрабатывать персонализированные подходы к лечению. Однако механизмы, связывающие стресс и прогрессирование онкологических заболеваний, остаются недостаточно изученными. Особенно актуальным является исследование роли биомаркеров стресса в контексте психоонкологической поддержки, которая направлена на снижение стрессовой нагрузки и улучшение психоэмоционального состояния пациентов.

В связи с этим возникает цель рассмотреть современные биомаркеры стресса и их связь с прогрессированием

ем онкологических заболеваний, а также оценить возможности применения психоонкологических подходов для повышения эффективности лечения и улучшения качества жизни пациентов.

Биомаркеры стресса: определение и классификация

Биомаркеры стресса представляют собой объективные биохимические, молекулярные и физиологические показатели, которые позволяют оценить уровень стрессовой нагрузки на организм. Их можно разделить на несколько категорий:

- 1. Гормональные биомаркеры.** Кортизол, адреналин и норадреналин являются основными гормонами, вырабатываемыми при активации гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (ГГН) оси. Уровни кортизола в крови, слюне или моче часто используются для оценки хронического стресса.
- 2. Воспалительные маркеры.** Стресс может вызывать хроническое воспаление, что подтверждается повышением уровней интерлейкинов (IL-6, IL-1 β), фактора некроза опухолей- α (TNF- α) и С-реактивного белка (CRP).
- 3. Маркеры оксидативного стресса.** Повышенное образование активных форм кислорода (АФК) и снижение антиоксидантной защиты связаны с повреждением клеточных структур и ускорением прогрессирования онкологических заболеваний.
- 4. Эпигенетические маркеры.** Метилирование ДНК, модификация гистонов и экспрессия микроРНК (мРНК) могут изменяться под воздействием стресса и влиять на онкогенез.
- 5. Кардиоваскулярные показатели.** Изменения частоты сердечных сокращений (ЧСС), вариабельности сердечного ритма (ВСР) и артериального давления могут служить косвенными индикаторами стресса.

Влияние стресса на прогрессирование онкологических заболеваний

Хронический стресс оказывает многоуровневое влияние на течение онкологических заболеваний. Биологические механизмы, через которые стресс воздействует на организм, включают:

- 1. Стимуляцию ангиогенеза.** Высокие уровни кортизола и других стрессовых гормонов способствуют выработке сосудистого эндотелиального фактора роста (VEGF), что усиливает кровоснабжение опухоли и её рост.
- 2. Подавление иммунного ответа.** Стресс снижает активность натуральных киллеров (NK-клеток), макрофагов и цитотоксических Т-лимфоцитов, что ослабляет противоопухолевую защиту. Иммунная система в условиях хронического стресса

не справляется с обнаружением и уничтожением опухолевых клеток, что ускоряет их пролиферацию и развитие резистентности к терапии.

- 3. Изменение микросреды опухоли.** Хроническое воспаление и оксидативный стресс создают благоприятные условия для пролиферации опухолевых клеток и их инвазии. Повышение уровня воспалительных цитокинов и активация стромальных клеток способствует изменению внеклеточного матрикса, что облегчает проникновение опухолевых клеток в окружающие ткани.
- 4. Усиление метастазирования.** Гормоны стресса, такие как адреналин, активируют адренергические рецепторы на поверхности опухолевых клеток, что усиливает их миграцию, инвазию и метастатическую активность. Важную роль играет повышение уровня металлопротеиназ — ферментов, разрушающих внеклеточный матрикс и способствующих распространению опухолевых клеток.
- 5. Изменение гормонального фона.** У женщин с гормонозависимыми опухолями стресс может усиливать дисбаланс эстрогенов и прогестерона, что способствует прогрессированию таких видов рака, как рак молочной железы и эндометрия.

Кроме того, психологическое состояние пациента играет значительную роль в его способности переносить терапию. Пациенты с высоким уровнем тревожности и депрессии чаще прерывают лечение, хуже переносят побочные эффекты и демонстрируют низкую приверженность терапевтическим рекомендациям. Это обусловлено взаимодействием множества факторов, включая снижение когнитивной гибкости, повышенную чувствительность к болевым ощущениям и общее ухудшение самочувствия. В совокупности это приводит к снижению эффективности терапии и ухудшению прогноза.

Интересно отметить, что индивидуальная реакция на стресс варьируется в зависимости от генетической предрасположенности. Например, полиморфизмы генов, связанных с регуляцией оси гипоталамус-гипофиз-надпочечники, могут определять степень выраженности гормонального ответа на стресс. Исследования показывают, что пациенты с определёнными генотипами более восприимчивы к негативным последствиям хронического стресса, что подчёркивает важность персонализированного подхода в психоонкологии.

Таким образом, влияние стресса на прогрессирование онкологических заболеваний является сложным процессом, включающим множество взаимосвязанных механизмов. Глубокое понимание этих механизмов может способствовать разработке более эффективных стратегий лечения и профилактики.

Роль психоонкологической поддержки

Роль психоонкологической поддержки выходит за пределы исключительно психологической помощи. Важно отметить, что стрессовые реакции могут непосредственно влиять на поведение пациента, его восприятие заболевания и adherence (соблюдение) рекомендаций врачей. Психоонкологические вмешательства, направленные на изменение восприятия болезни, могут значительно улучшить эмоциональное состояние и снизить риск развития хронического стресса.

Кроме того, исследования показывают, что пациенты, получающие психоонкологическую помощь, реже страдают от длительных депрессивных состояний, что в свою очередь улучшает их общее самочувствие и эффективность лечения. Современные подходы включают также поддержку близких пациентов, поскольку они играют важную роль в процессе восстановления и адаптации.

Важным аспектом психоонкологической поддержки является обучение пациента и его окружения методам управления стрессом и повышения качества жизни, что помогает не только уменьшить психологическую нагрузку, но и активизировать внутренние ресурсы организма. Это способствует улучшению процессов выздоровления, а также помогает адаптироваться к изменяющимся условиям жизни во время онкологического лечения.

Недавние исследования в области нейробиологии также подтверждают, что психоэмоциональная поддержка может оказывать влияние на эпигенетические механизмы, которые регулируют экспрессию генов, связанных с иммунным ответом и воспалительными процессами. Это открывает новые горизонты в лечении, где психоонкологическая помощь не только способствует улучшению психоэмоционального состояния, но и влияет на биологические процессы, происходящие в организме.

Заключение

Биомаркеры стресса предоставляют уникальную возможность для объективной оценки влияния стресса на организм и его роль в прогрессировании онкологических заболеваний. Их изучение открывает перспективы для разработки новых методов диагностики, прогнозирования и лечения. Психоонкологическая поддержка, направленная на снижение стрессовой нагрузки, является важным дополнением к традиционным терапевтическим подходам, улучшая не только выживаемость, но и качество жизни пациентов. Будущие исследования должны сосредоточиться на интеграции данных о биомаркерах и психоэмоциональном состоянии для создания персонализированных программ лечения.

Существующие данные свидетельствуют о том, что

стресс не только играет важную роль в прогрессировании заболевания, но и может существенно ухудшать качество жизни пациентов. В этом контексте психоонкологическая помощь оказывается необходимым элементом комплексного подхода к лечению, направленным на оптимизацию физического и психоэмоционального состояния пациентов. Корреляция между стрессом и онкологическими заболеваниями, подтвержденная биомаркерами, еще раз подчеркивает важность включения психоонкологических методик в стандарты медицинской практики.

Терапевтические вмешательства, такие как когнитивно-поведенческая терапия, арт-терапия и методы релаксации, могут значительно снизить уровень стресса и улучшить общую картину заболевания, что способствует улучшению прогноза. Применение психоонкологических подходов должно стать неотъемлемой частью лечебного процесса, способствуя не только поддержке пациента в эмоциональном плане, но и укреплению его иммунной системы.

Выводы

- 1. Биомаркеры стресса**, такие как уровни кортизола, адреналина и других гормонов, являются важными показателями, которые могут использоваться для мониторинга состояния пациента с онкологическими заболеваниями и прогнозирования динамики заболевания.
- 2. Психоонкологическая поддержка** оказывает значительное влияние на снижение уровня стресса, улучшение психоэмоционального состояния и, в конечном итоге, на качество жизни пациентов, что подтверждается результатами многочисленных исследований.
- 3. Методы психоонкологической помощи**, включая когнитивно-поведенческую терапию и методы релаксации, активно способствуют снижению депрессии, тревожности и стресса, что в свою очередь оказывает положительное влияние на иммунный ответ и ускоряет процессы выздоровления.
- 4. Интеграция психоонкологической помощи** в стандартные протоколы лечения онкологических заболеваний имеет важное значение для создания комплексного подхода, который способствует не только физическому, но и психоэмоциональному восстановлению пациентов.
- 5. Будущие исследования** должны быть направлены на дальнейшее изучение корреляции между психоэмоциональным состоянием и прогрессированием онкологических заболеваний, а также на развитие новых методов терапии, направленных на усиление положительного воздействия психоонкологических подходов на организм пациента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клипинина Н.В. Психологическая поддержка детей с онкологическими заболеваниями и их семей в условиях паллиативной помощи. Публикация в журнале «Паллиативная медицина», 2023, 45-52.
2. Cadena SER. Atentos a las señales del cerebro y el corazón: nuevas técnicas para medir objetivamente el estrés. 8 октября 2024 г.
3. Иванова А.В., Петрова М.И. Психонкологическая поддержка и биомаркеры стресса: новые горизонты в лечении онкологических заболеваний. Журнал «Психоонкология», 2022, 123-130.
4. Смирнов Д.А., Кузнецова Е.В. Влияние стресса на иммунный ответ при раке: роль биомаркеров. Журнал «Иммунология и онкология», 2021, 78-85.
5. Михайлова Т.С., Лебедева О.В. Когнитивно-поведенческая терапия в психоонкологии: влияние на уровень стресса и качество жизни пациентов. Журнал «Психологическая наука и образование», 2020, 56-63.
6. Дмитриева Н.В., Федорова И.А. Роль стресса в прогрессировании рака: молекулярные механизмы и клинические аспекты. Журнал «Клиническая онкология», 2019, 112-119.
7. Соколова Е.А., Григорьева Н.В. Психоонкология и биомаркеры стресса: современные подходы к диагностике и терапии. Журнал «Психосоматическая медицина», 2021, 34-41.
8. Кузнецова И.В., Орлова М.А. Методы измерения стресса в онкологии: от традиционных опросников к биомаркерам. Журнал «Онкологический вестник», 2022, 67-74.
9. Сидорова А.В., Васильева Т.С. Психоонкологическая помощь и стресс: влияние на исходы лечения рака. Журнал «Психология здоровья», 2020, 89-96.
10. Петрова Н.И., Иванов А.С. Биомаркеры стресса и рак: новые возможности для персонализированной медицины. Журнал «Персонализированная медицина», 2021, 101-108.

© Виденичкин Дмитрий Михайлович (dima-videnichkin@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ТЕЛЕСНЫХ МОДИФИКАЦИЙ В САМОВОСПРИЯТИИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА У ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ

THE ROLE OF BODILY MODIFICATIONS IN SELF-PERCEPTION OF APPEARANCE IN GIRLS AND BOYS

V. Volobuev
K. Bogrova
M. Takhtarova

Summary: The aim of the study is to investigate the role of bodily modifications in the perception of their own appearance by girls and boys. To solve the research goal, we used methods of theoretical and empirical data collection, in particular, the methodology of O. Wooley and S. Roll "Color cues on dissatisfaction with one's own body" in the adaptation of V. Vooley and S. Roll. Roll's method "Color cues for dissatisfaction with one's own body" adapted by V.G. Sakharova. The sample of subjects consisted of 160 respondents aged 17 to 20 years old. In the course of theoretical analysis the following postulates were formulated: there is ambiguity in the use of scientific terminology in relation to body modifications; body modifications include tattoos, piercing, scarring, special hairstyles and so on. The implemented empirical research allowed to reveal differences in self-perception of appearance between persons with and without modifications. Bodilymodified representatives of the sample have a more positive attitude to their own appearance. Also differentiation by gender within each subgroup allowed to reveal the peculiarities of self-relationship to their physical appearance in girls and boys. The study showed that bodily modifications play the most significant role in the perception of one's physical appearance for young men: the most positive evaluations were obtained in male representatives with body modifications and the most negative - in young men without them. The results obtained in the course of the study can be applied in the development of psychologically corrective programs to optimize the attitude of young people to themselves and their appearance.

Keywords: bodily modifications, bodymodifications, self-perception, appearance, young people.

Волобуев Вахтанг Вячеславович

к.м.н., ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия»

goodpsychologist@gmail.com

Богрова Кристина Борисовна

к.психол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия»

k.bogrova@yandex.ru

Тахтарова Мария Александровна

ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия»

takhtarovamaria@mail.ru

Аннотация: Целью исследования выступает изучение роли телесных модификаций в восприятии собственной внешности девушками и юношами. Для решения исследовательской цели использовались методы теоретического и эмпирического сбора данных, в частности, методика О. Вулей и С. Ролла «Цветовые указания на неудовлетворенность собственным телом» в адаптации В.Г. Сахаровой. Выборку испытуемых составили 160 респондентов в возрасте от 17 до 20 лет. В ходе теоретического анализа сформулированы следующие постулаты: существует неоднозначность использования научной терминологии в отношении телесных модификаций; к модификациям тела относятся татуировки, пирсинг, шрамирование, особые прически и прочее. Осуществлённое эмпирическое исследование позволило выявить различия в самовосприятии внешнего облика у лиц с модификациями и без них. У бодимодифицированных представителей выборки выявлено более положительное отношение к собственной внешности. Также дифференцировка по половому признаку внутри каждой подгруппы позволила выявить особенности самотношения к своему физическому облику у девушек и юношей. Исследование показало, что наиболее значимую роль в восприятии своего внешнего облика телесные модификации играют для юношей: самые положительные оценки были получены у представителей мужского пола с бодимодификациями и самые отрицательные – у юношей без них. Полученные результаты в ходе исследования могут быть применимы при разработке психокоррекционных программ по оптимизации отношения молодежи к себе и своей внешности.

Ключевые слова: телесные модификации, бодимодификации, самовосприятие, внешность, молодежь.

Введение

В последние годы молодые люди широко применяют различные виды модификации телесности (бодимодификации): особые прически, окрашивания волос, татуировки, пирсинг, шрамирование и др. [8]. На просторах интернета можно найти как эстетически привлекательные телесные видоизменения (рис. 1), так и ужасающе пугающие своим символизмом, необратимостью и даже уродливостью (рис. 2).

Не смотря на рост их популярности проблема моди-

фикаций тела остается достаточно дискуссионной. Так, в отечественных современных трудах отражается связь телесных модификаций с отклоняющимся поведением, аутоагрессией (Галкина Е.А., Дегтярев А.В.) [6], суицидальными намерениями (Батлук Ю.В., Пойлова Я.П.) [1], признаком внешней опасности (Родионова Н.В.) [11]. При этом в исследованиях Польской Н.А. описывается, что телесные трансформации могут носить характер социально санкционированных практик самоповреждения, но в тоже самое время быть актом самовыражения или самосовершенствования [10].

Кожухарь Г.С. отмечает противоречивость и спорность

Рис. 1. Вариации эстетически привлекательных телесных модификаций (по результатам опроса исследуемой выборки)*

Рис. 2. Вариации эстетически непривлекательных телесных модификаций (по результатам опроса исследуемой выборки)*

*Примечание: изображения взяты с сервиса Яндекс.Картинки

имеющихся современных научных данных, согласно которым у людей, имеющих татуировки, с одной стороны, имеются статистически значимые различия по ряду социально-психологических особенностей, а с другой – отсутствуют [7].

Феномен аллопластических трансформаций тела [9]

подкрепляется также определенными модными тенденциями, а также повсеместно возникающей в интернет-пространстве информации об идеальной телесности [2]. В связи с этим смысловые ориентиры молодежи с еще неокрепшей психикой тоже могут трансформироваться. В современных тенденциях повышения значи-

мости индивидуальности самопрезентации внешнего облика вопрос о роли телесных модификаций остается актуальным [3].

Внешность как социально-психологический код изучалась различными учеными, среди которых З. Фрейд, Р. Бернс, И.С. Кон, Е.Т. Соколова, И.В. Журавлев, М.В. Корпанова и др. Однако, проведя анализ литературы [4; 6-8], касающейся изучения восприятия внешности различными категориями людей, следует отметить неоднозначность использования научной терминологии и несмотря на уже существующие подходы по исследованию представлений о внешнем облике в различных направлениях психологической науки, эмпирические сведения о визуальных проявлениях телесной культуры современного молодого человека имеют разбросанный и несистематизированный характер [9].

Исходя из необходимости более основательного изучения проблемы, **целью исследования** выступает изучение роли телесных модификаций в восприятии собственной внешности девушками и юношами.

Материалы и методы

В настоящем исследовании применялись теоретические (анализ, синтез, обобщение), эмпирические (беседа, тестирование), а также статистические (критерий Краскела-Уоллиса) методы [12].

Выборку сформировали 160 респондентов в возрасте от 17 до 20 лет. Среди них 80 представителей имели от двух до восьми телесных модификаций в виде татуировок, пирсинга, имплантов, шрамирования и так далее

(рис. 3). Также 80 испытуемых не имели никаких телесных трансформаций. По половому признаку выборка была разделена следующим образом: в каждой подгруппе было по 40 девушек и юношей [5].

Результаты и их обсуждение

Перейдем к анализу невербального теста О. Вулей и С. Ролла «Цветоуказания на неудовлетворенность собственным телом» (CAPT) в адаптации В.Г. Сахаровой [13], результаты которого представлены в табл. 1.

Как мы видим из представленных выше результатов, подгруппу девушек с телесными модификациями удовлетворяют такие части тела как: живот ($2,4 \pm 1,31$), голени ($2,3 \pm 1,21$), ступни ($2,2 \pm 1,19$) и плечи ($2,1 \pm 0,71$). Не удовлетворяет девушек с модификациями только лицо ($3,6 \pm 1,04$). При этом ко всем остальным частям тела они относятся нейтрально: волосы ($3,4 \pm 1,60$), грудь ($3,3 \pm 1,30$), верхняя треть бедра ($2,9 \pm 1,61$), плечевой пояс ($2,9 \pm 1,25$), ягодицы ($2,8 \pm 1,7$), кисти ($2,7 \pm 1,21$), предплечье ($2,6 \pm 1,31$), нижняя часть бедра ($2,5 \pm 1,31$), верх живота ($2,5 \pm 1,31$)

В подгруппе юношей с телесными модификациями свое неудовлетворение респонденты засвидетельствовали только к области живота (верх живота – $4,0 \pm 1,02$ и живот – $3,9 \pm 0,96$), и практически ко всему телу преобладало нейтральное отношение, а именно к таким частям тела как: грудь ($3,3 \pm 1,52$), лицо ($3,2 \pm 1,43$), верхняя треть бедра ($3,1 \pm 1,33$), волосы ($3,0 \pm 1,29$), ступни ($3 \pm 1,02$), предплечье ($3,0 \pm 1,21$), голени ($2,9 \pm 1,55$), плечо ($2,8 \pm 1,43$), ягодицы ($2,6 \pm 1,14$), кисти ($2,6 \pm 1,39$), плечевой пояс ($2,6 \pm 1,39$), нижняя часть бедра ($2,5 \pm 1,31$).

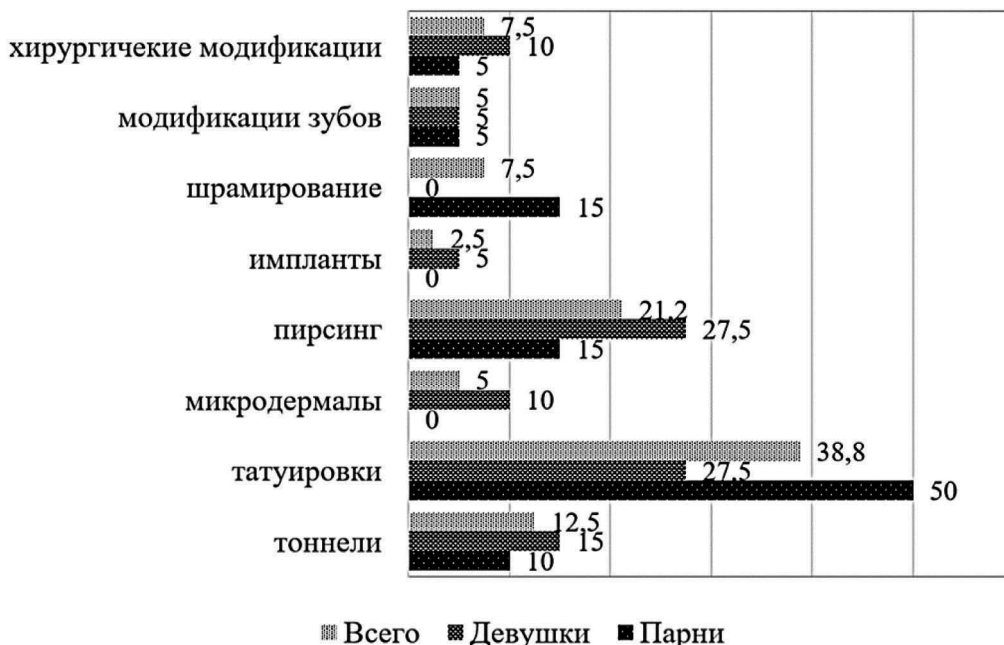

Рис. 3. Количественное и видовое распределение телесных модификаций (в %)

Таблица 1.

Средние значения удовлетворенности отдельными частями тела ($M \pm SD$).

Показатели	С модификациями		Без модификаций	
	девушки	юноши	девушки	юноши
живот	$2,4 \pm 1,31$	$3,9 \pm 0,96$	$3,6 \pm 1,39$	$4,1 \pm 0,55$
верхняя треть бедра	$2,9 \pm 1,61$	$3,1 \pm 1,33$	$3,0 \pm 1,29$	$4,3 \pm 0,65$
ягодицы	$2,8 \pm 1,7$	$2,6 \pm 1,14$	$3,8 \pm 1,0$	$3,9 \pm 1,07$
нижняя часть бедра	$2,5 \pm 1,31$	$2,5 \pm 1,31$	$3,1 \pm 1,48$	$4,3 \pm 0,65$
CAPT Score 1	2,65	3,02	3,37	4,15
волосы	$3,4 \pm 1,60$	$3,0 \pm 1,29$	$2,8 \pm 1,19$	$2,1 \pm 1,07$
лицо	$3,6 \pm 1,04$	$3,2 \pm 1,43$	$3,3 \pm 1,45$	$3,8 \pm 1,28$
ступни	$2,2 \pm 1,19$	$3 \pm 1,02$	$2,8 \pm 1,0$	$3,5 \pm 0,94$
голени	$2,3 \pm 1,21$	$2,9 \pm 1,55$	$2,9 \pm 1,48$	$3,8 \pm 0,76$
кисти	$2,7 \pm 1,21$	$2,6 \pm 1,39$	$2,5 \pm 1,31$	$3,5 \pm 0,82$
предплечье	$2,6 \pm 1,31$	$3,0 \pm 1,21$	$3,4 \pm 1,66$	$3,7 \pm 0,65$
плечо	$2,1 \pm 0,71$	$2,8 \pm 1,43$	$2,7 \pm 1,78$	$4,2 \pm 0,76$
плечевой пояс	$2,9 \pm 1,25$	$2,6 \pm 1,39$	$4,0 \pm 1,12$	$3,5 \pm 1,23$
грудь	$3,3 \pm 1,30$	$3,3 \pm 1,52$	$2,8 \pm 1,50$	$3,1 \pm 1,25$
верх живота	$2,5 \pm 1,31$	$4,0 \pm 1,02$	$3,5 \pm 1,53$	$3,5 \pm 1,14$
CAPT Score 2	2,76	3,04	3,07	3,47
Общий показатель	2,70	3,03	3,22	3,81

Подгруппа девушек без телесных модификаций не удовлетворена такими частями тела, как: плечевой пояс ($4,0 \pm 1,12$), ягодицы ($3,8 \pm 1,0$), живот ($3,6 \pm 1,39$), верх живота ($3,5 \pm 1,53$). Ко всем остальным частям тела девушки относятся нейтрально: предплечье ($3,4 \pm 1,66$), лицо ($3,3 \pm 1,45$), нижняя часть бедра ($3,1 \pm 1,48$), верхняя треть бедра ($3,0 \pm 1,29$), голени ($2,9 \pm 1,48$), волосы ($2,8 \pm 1,19$), ступни ($2,8 \pm 1,0$), грудь ($2,8 \pm 1,50$), плечо ($2,7 \pm 1,78$), кисти ($2,5 \pm 1,31$). Высоком или хотя бы умеренным довольствием не было отмечена ни одна часть тела.

Подгруппу юношей без телесных модификаций удовлетворяют только волосы ($2,1 \pm 1,07$). Нейтральное отношение испытуемые отметили к грудной клетке ($3,1 \pm 1,25$). В остальном мы видим негативное отношение респондентов ко всем остальным частям тела, а именно: верхняя треть бедра ($4,3 \pm 0,65$), нижняя часть бедра ($4,3 \pm 0,65$), плечи ($4,2 \pm 0,76$), живот ($4,1 \pm 0,55$), ягодицы ($3,9 \pm 1,07$), лицо ($3,8 \pm 1,28$), голени ($3,8 \pm 0,76$), предплечье ($3,7 \pm 0,65$), ступни ($3,5 \pm 0,94$), кисти ($3,5 \pm 0,82$), плечевой пояс ($3,5 \pm 1,23$), верх живота ($3,5 \pm 1,14$).

Отметим, что в целом девушки лучше оценивали себя, чем юноши. Возможно, для девушек больше характерно желание привлечь внимание при сохранении адекватного самооценивания. Также подчеркнем, что особенное значение модификации несут именно для юношей. У представителей мужского пола с телесными модификациями практически не наблюдалось недовольства собой по сравнению с парнями без модификаций, где практически по всем показателям диагностировалось негативное отношение.

Также мы дифференцировано вычислили средние значения удовлетворенности отдельными зонами тела (CAPT Score 1, CAPT Score 2) и в целом (общий показатель) (рис. 4).

По показателю CAPT Score 1 в трех подгруппах было выявлено безразличное отношение к «интимной» области тела – у девушек с модификациями ($M=2,65$) и без них ($M=3,37$), а также у парней с модификациями ($M=3,02$). В четвертой подгруппе – у парней без модификаций, выявлено негативное самоотношение ($M=4,15$).

По показателю CAPT Score 2 в группе испытуемых с модификациями как у девушек ($M=2,76$), так и у парней ($M=3,04$) было выявлено индифферентное отношение. В группе испытуемых без модификаций также было выявлено нейтральное отношение как у девушек ($M=3,07$), так и у парней ($M=3,47$) с небольшим преобладанием у последних.

По общему интегративному показателю в трех подгруппах было выявлено индифферентное отношение к собственному телу в целом: у девушек с модификациями

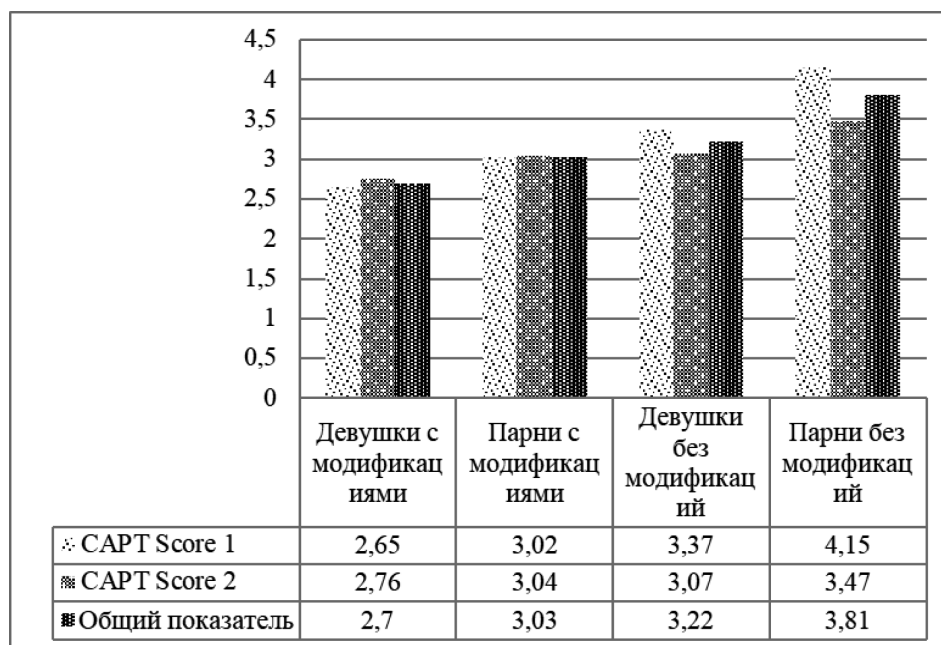

Рис. 4. Средние значения удовлетворенности отдельными зонами тела и в целом
Примечание: чем выше значение, тем ниже степень удовлетворенности

Таблица 2.

Результаты статистического расчета Крассела-Уоллиса.

Критерий		Н	Уровень достоверности
CAPT Score 1	живот	45,302	$p < 0,001$
	верхняя треть бедра	44,687	$p < 0,001$
	ягодицы	42,753	$p < 0,001$
	нижняя часть бедра	45,101	$p < 0,001$
CAPT Score 1	волосы	46,04	$p < 0,001$
	лицо	33,264	$p < 0,001$
	ступни	47,866	$p < 0,001$
	голени	46,309	$p < 0,001$
	кисти	45,339	$p < 0,001$
	предплечье	41,705	$p < 0,001$
	плечо	46,484	$p < 0,001$
	плечевой пояс	47,765	$p < 0,001$
	грудь	44,019	$p < 0,001$
	верх живота	47,108	$p < 0,001$

($M=2,7$) и без них ($M=3,22$), а также у парней с модификациями ($M=3,03$). В четвертой подгруппе – у парней без модификаций, выявлена общая негативная оценка по отношению к своему телу ($M=3,81$).

Стоит отметить, что некоторые девушки, не имеющие модификаций, раскрашивали одни и те же части тела на фронтальном и латеральном изображении различно. Тогда как в группе с модификациями двое респондентов (девушка и парень) при раскрашива-

нии одной из частей тела использовали не один, а несколько цветов, которые не повторялись на фронтальном и латеральном изображении. К тому же в данной группе встречаются испытуемые, выделяющие определенным цветом колени, ключицы, пальцы, губы, глаза и уши.

Статистический расчет критерия Крассела-Уоллеса позволил выявить различия по исследуемым параметрам между группами (табл. 2) [9].

Итак, анализируя полученные результаты, мы видим, что показатели в группе испытуемых без модификаций выше показателей в телесномодифицированной группе, на это указывают все три показателя неудовлетворенности телом (CAPT Score 1, CAPT Score 2 и общий показатель). При этом девушки обеих групп воспринимают свое тело более положительно, чем юноши, вне зависимости от наличия модификаций. Отличительным стало то, что именно юноши без модификаций имеют самое негативное отношение к своему телу, особенно по показателю CAPT Score 1, по результатам которого можно изучить телесное себя на уровне вторичных половых признаков. Интерпретация полученных данных может сводиться к нивелированию мужских половых признаков в следствие недостаточной зрелости, характерной для юношеского возраста.

Заключение

Таким образом, проведенный дифференцированный анализ позволил прийти к умозаключению о том, что существуют различия в восприятии собственной внешности у лиц с модификациями и без них. У первых отношение к собственному внешнему облику отличается более позитивным окрасом. Кроме того, дифференцировка по

половому признаку внутри каждой подгруппы позволила выявить также особенности самоотношения к своему физическому облику у девушек и парней. В целом выяснилось, что самые положительные оценки были получены у парней с телесными модификациями и самые отрицательные – у парней без них. Следовательно, самую существенную роль в самовосприятии внешности телесные модификации играют для юношей.

Необходимо отметить ограничения в распространении полученных выводов вследствие небольшой выборки испытуемых, а также получении противоречивых данных относительно более положительного отношения к собственной внешности у бодимодифицированных представителей, которые выбирают деструктивный способ для повышения привлекательности внешнего облика в собственных глазах. В перспективе дальнейших исследований планируется расширение выборки и методического арсенала в исследовании данного вопроса.

Полученные результаты в ходе исследования могут быть применимы при разработке психокоррекционных программ по оптимизации отношения молодежи к себе и своей внешности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батлук Ю.В., Пойлова Я.П. Суицидальные тенденции у людей с татуировкой. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2020. Т. 10. № 3. С. 338-352. DOI <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.309>.
2. Богрова К.Б. Мотивация к бодимодификациям в контексте изучения образа телесного Я у молодежи // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. Ростов-на-Дону: ФГБОУ ВО «ДГТУ», 2020. Т. 3. № 2. С. 49–60.
3. Богрова К.Б., Новаковская Д.Л. Сравнительный анализ удовлетворенности собственной внешностью у молодежи с телесными модификациями и без них // Гуманитарные и социально-экономические исследования в современных условиях: сб. статей преподавателей и аспирантов. М.: Знание-М, 2020. С. 30.
4. Волгуснова Е.А. Исследование коррекции восприятия образа тела у подростков // Вестник шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (50). С. 208-213.
5. Волобуев В.В., Рядинская Е.Н. Особенности мотивационной компоненты к модификациям тела у молодежи // Психология человека и общества. 2022. № 5 (46). С. 12-17.
6. Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела // Психология и право. 2015. Т. 5. № 1. С. 90-107.
7. Кожухарь Г.С. Социально-психологические феномены и факторы, связанные с модификациями тела у подростков и молодежи // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 56-65. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090405>.
8. Мельникова Л.А. Символика нательных знаков (тату, пирсинг, скарификация) в контексте молодежных субкультур // ИнтерЭкспо ГЕО-СИБИРЬ. 2012. Т. 1. № 6. С. 84–91.
9. Мельникова Л.А. Репрезентация визуальных телесных кодов российской и китайской молодежи // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 1(40). С. 146-155. DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2018-1/146-155.
10. Польская Н.А. Особенности самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия Философия. Психология. Педагогика. № 1. С. 92-97.
11. Родионова Н.В. Социальная перцепция аллопластических трансформаций как признаков внешней опасности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 199 с.
12. Рядинская Е.Н., Балко Е.В., Богрова К.Б., Бондарь Л.С. Математические методы в общей психологии: учебное пособие. Макеевка: ДОНАГРА; Донецк: Цифровая типография (ФЛП Артамонов Д.А.), 2020. 290 с.
13. Сахарова В.Г. Диагностика отношения к телу. СПб.: Речь, 2011. 112 с.

© Волобуев Вахтанг Вячеславович (goodpsychologist@gmail.com), Богрова Кристина Борисовна (k.bogrova@yandex.ru),
Тахтарова Мария Александровна (takhtarovamaria@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ФОРМИРОВАНИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У ПОДРОСТКОВ НА ОСНОВЕ ЕЁ ВЗАИМОСВЯЗИ С ТРЕВОЖНОСТЬЮ

DEVELOPMENT OF A PROGRAM FOR THE FORMATION OF SELF-REGULATION OF MENTAL STATES IN ADOLESCENTS BASED ON ITS RELATIONSHIP WITH ANXIETY

**S. Eshmeikina
S. Veliyeva**

Summary: The article examines age and personality characteristics of the formation and development of self-regulation of mental states in adolescents. The article presents conclusions based on the results of the analysis of the dynamics of self-regulation of mental states in adolescents, and concludes that there is a statistically significant relationship between self-regulation of adolescents and personality anxiety: low self-regulation of mental states in adolescents is accompanied by extremely high anxiety. A psychological and pedagogical program for the formation of self-regulation of mental states in adolescents is presented. Its effectiveness is substantiated by means of an ascertaining experiment among adolescents.

Keywords: self-regulation of mental states, teenagers, personality anxiety, age and personality characteristics of teenagers, psychological and pedagogical program.

Ешмейкина Светлана Владимировна

Аспирант, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
svetlanaka-e@bk.ru

Велиева Светлана Витальевна

кандидат психологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
stlena70@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются возрастные и личностные особенности формирования и развития саморегуляции психических состояний у подростков. Приводятся выводы по результатам анализа динамики саморегуляции психических состояний у подростков, делается вывод о том, что существует статистически значимая взаимосвязь между саморегуляцией подростков и тревожностью личности: низкая саморегуляция психических состояний у подростков сопровождается крайне высокой тревожностью. Приведена психолого-педагогическая программа формирования саморегуляции психических состояний у подростков. Обоснована её результативность посредством констатирующего эксперимента среди подростков.

Ключевые слова: саморегуляция психических состояний, подростки, тревожность личности, возрастные и личностные особенности подростков, психолого-педагогическая программа.

Введение

Подростковый возраст – это период выбора профессионального и жизненного пути, самоопределения, формирования убеждений, навыков самореализации и самостоятельного целеполагания. В быстроменяющемся, современном мире нужно обладать умением саморегуляции, особенно в подростковом возрасте. Системное, комплексное психолого-педагогическое исследование личностного развития школьников старших классов выступает одной из приоритетных задач современной отечественной системы образования [6].

В настоящее время присутствует необходимость в разработке программы формирования саморегуляции психических состояний у подростков на основе её взаимосвязи с тревожностью. Среди подростков отмечаются следующие проблемы:

1. Высокий уровень тревожности у школьников старших классов;
2. Неготовность подростков к преодолению возникших стрессовых ситуаций;

3. Низкая степень успешности социальной адаптации в школьной среде;
4. Относительно низкая способность контроля эмоционального состояния у подростков.

Перечисленные выше проблемы могут быть нивелированы психолого-педагогической программой, направленной на развитие самосознания, формирование саморегуляции психических состояний. Такая способность будет воздействовать на результаты и характер реализуемого образовательного процесса, социализацию и адаптацию подростков во внешней среде. Соответственно, вопрос формирования и развития у личности умения саморегуляции является актуальным, теоретически и практически значимым.

Формирование и развитие саморегуляции в подростковом возрасте на данный момент недостаточно исследовано. Навык саморегуляции позволяет мотивировать школьников на развитие в социальной среде и приобретение автономности. Обучающиеся аналогично взрослым перегружены информацией, подвержены

стрессовым ситуациям. Нередко подростки самостоятельно не могут справиться со стрессом, что способствует появлению деструктивного поведения. Педагогическое и психологическое сопровождение формирования и развития навыка саморегуляции психических состояний позволяет минимизировать риски девиантных расстройств среди обучающихся.

В педагогической психологии существуют разные подходы к формированию и развитию навыка саморегуляции психических состояний. Исследованием такой многоаспектной категории, как саморегуляция школьников, занимались В.И. Моросанова, Т.Г. Фомина, Е.В. Филиппова, М.С. Салаева, А.С. Великанова, Д.Ю. Кудрина, Е.Р. Веремеенко, Э.В. Шелиспанская, В.В. Платонова, О.А. Станкевич. Изучение саморегуляции в контексте влияний использования цифровой образовательной среды на поведение студентов было осуществлено С.В. Куровским, Д.А. Мишиным, Ю.Е. Судаковой, которые отметили, что «обучающиеся обладают высоким уровнем навыка саморегуляции при использовании на занятиях физической культурой и спортом цифровых технологий и методов обучения с элементами психологического просвещения личности» [2, с. 304], [3, с. 77].

Вместе с тем, как правило, формирование и механизмы развития саморегуляции психических состояний исследуются среди студентов и младших школьников, тогда как данный вопрос также актуален и для обучающихся подросткового возраста. Потребность проведения исследования формирования и развития саморегуляции среди школьников старших классов определяется низкой степенью их осведомленности об изучаемом навыке, а также возможностях саморазвития, самореализации и социальной адаптации личности.

Наблюдается противоречие между потребностью в уточнении механизмов и путей, которые способствуют качественному развитию личности подростков и гармонизации его психоэмоциональной сферы, и недостаточной изученностью психологической природы саморегуляции, её взаимосвязи с тревожностью.

Цель исследования – сформировать психолого-педагогическую программу формирования саморегуляции психических состояний у подростков на основе анализа динамики саморегуляции психических состояний у подростков и её взаимосвязи с тревожностью.

Возрастные и личностные особенности формирования и развития саморегуляции психических состояний у подростков

Как важный субъект образовательной среды, обучающийся может избирательно ставить перспективные и актуальные цели на своём жизненном пути, а также поддерживать активность в условиях самостоятельной ор-

ганизации образовательной деятельности [4, с. 59].

Взросление современных подростков происходит в сложных, противоречивых условиях, в условиях психологических и информационных перегрузок, подмены жизненных и ценностных ориентиров, возрастающего уровня личностной тревожности. Данные процессы воздействуют на подростков, для которых характерны упрямство, эмоциональность, быстрая возбудимость, обидчивость, порывистость.

Различные исследователи в своих работах приводят возрастные границы подросткового периода, отличающиеся друг от друга. По причине раннего созревания личности возраст подростков сдвинулся: теперь он начинается с 12 лет. Следовательно, юность у школьников начинается раньше: ранняя юность – с 15 лет, поздняя юность – с 18 лет [2, с. 302]. В данный период времени происходят психические, физиологические, психологические изменения, формируется характер, эстетические и нравственные чувства. Подростки пытаются найти ответы на вопросы, связанные со смыслом жизни, интересуются внутренним личностным миром. Обучающиеся стремятся к самостоятельности, происходит проявление максимализма. При этом, как утверждают А.С. Великанова и Д.Ю. Кудрина, «периоды активности школьников могут быстро сменяться меланхолическим состоянием, тревожностью, плохим настроением» [1, с. 27].

Можно выделить два важных периода: стабильный и кризисный (соответственно, до 12 лет и 13-16 лет). В возрасте до 12 лет, как правило, обучающиеся не чувствуют себя волевыми и уверенными, не могут в полной мере использовать механизмы саморегуляции своих психических состояний, в основном зависят от воздействий внешней среды. В представлениях школьников присутствует определенная привязанность к родителям, ответственность не выступает смыслообразующей жизненной ценностью несмотря на то, что является составляющей саморегуляции [5, с. 140].

Личностная саморегуляция может проявляться в различных областях: в профессиональной и образовательной деятельности, в области сохранения и укрепления уровня здоровья, коммуникации со сверстниками и значимыми взрослыми, в ценностной сфере. Структура поведенческой саморегуляции включает самоопределение, самосовершенствование, самовоспитание, самообразование. Социальное поведение обучающихся регулируется с помощью морали человека, которая способна минимизировать совершение необдуманных поступков.

Материалы и методы исследования

Информационная база исследования - данные 39 обучающихся 10-11 классов Школы № 57 г. Москвы на основе анкетного опроса (с согласия родителей подростков).

Сроки проведения исследования – февраль – апрель 2025 года.

Контингент исследования – 39 подростков в возрасте 16-17 лет, проживающих на территории г. Москвы и Московской области.

Методики исследования: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова), интегративный тест тревожности (А.П. Бизюк).

Результаты исследования

В соответствии с опросником В.И. Моросановой было обнаружено, что у подавляющего числа подростков отмечается средний уровень саморегуляции поведения (см. Рисунок 1). При этом высокий уровень саморегуляции психических состояний выявлен только у 10,2% обучающихся.

Согласно интегративному тесту тревожности у подавляющего числа подростков выявлен средний уровень тревожности (см. Рисунок 2). Высокий уровень тревожности был обнаружен только у 10,3% обучающихся, а низкий уровень – у 2,6%.

В рамках исследования предполагалось, что существует статистически значимая взаимосвязь между саморегуляцией психических состояний и тревожностью подростков. Был рассчитан коэффициент корреляции Спирмена, который составил $-0,668$. Соответственно, крайне низкая степень саморегуляции психических состояний сопровождается относительно высоким уровнем тревожности. (см. Рисунок 2)

По результатам исследования наблюдается необ-

ходимость создания и практического использования психолого-педагогической программы формирования саморегуляции психических состояний и увеличения стрессоустойчивости у подростков.

Психолого-педагогическая программа формирования саморегуляции психических состояний представляет собой метод коррекции поведения школьников посредством выполнения упражнений и участия в педагогических тренингах с элементами психологического просвещения. Цель программы заключается в обучении подростков способам саморегуляции психических состояний, уменьшении внутренней тревожности. Ключевые задачи:

1. Информирование подростков о механизмах саморегуляции психических состояний, а также о роли саморегуляции в укреплении устойчивого эмоционального состояния (стрессоустойчивости);
2. Обучение приёмам саморегуляции;
3. Создание стимулов к практическому использованию в повседневной жизни полученных навыков саморегуляции, к самостоятельному применению механизмов саморегуляции.

Принципы практической реализации психолого-педагогической программы: положения деятельностного, личностного подхода, доступности программы для освоения подростками.

Количество занятий – 6, частота проведения – 1 раз в неделю, длительность одного занятия – 45 минут. Структура занятия с подростками: приветствие, проведение инструктажа, обозначение используемых приёмов психологического просвещения (объяснения значимости саморегуляции в образовательной деятельности и повседневной жизни), основная часть за-

Рис. 1. Распределение подростков по уровню саморегуляции поведения, %.

Рис. 2. Распределение подростков по уровню тревожности, %.

Таблица 1.

Комплекс техник и упражнений формирования механизмов подростковой саморегуляции в рамках психолого-педагогической программы.

№ занятия	Цель	Содержание техник и упражнений
1	Ознакомление подростков с целями проведения коллективных занятий	1. Изучение терминов «саморегуляция», «психологическое здоровье», «арт-терапия». 2. Создание автопортрета: с помощью рисунка нужно проиллюстрировать внутренний мир, внутреннее Я, свои интересы). 3. С помощью рисунка нужно представить внутреннее эмоциональное состояние, проанализировать свои эмоции. 4. С помощью рисунка необходимо изобразить «каляки-маляки» - пятна, не задумываясь о сюжетной линии на изображении, проанализировать рисунок.
2	Изучение визуализации – механизма личностной саморегуляции	1. Изучение классификации способов саморегуляции психических состояний. 2. Упражнение «Успех»: на фоне классической музыки укрепление самоуверенности и развитие оптимизма. 3. Упражнение «Парк»: формирование зоны внутреннего комфорта. 4. Визуализация «Море»: сокращение эмоционального напряжения, освоение приёма ситуационного анализа
3	Исследование приёмов убеждения и внушения	1. Изучение термина «стресс», классификации видов и способов предупреждения стресса, терминов «убеждение», «внушение». 2. Упражнение «Самовнушение»: проработка техники позитивного самовнушения. 3. Упражнение «Самоободрение»: проработки техники позитивного самоубеждения.
4	Изучение и анализ дыхательных приёмов подростковой саморегуляции	1. Изучение специфических характеристик физических и дыхательных техник саморегуляции. 2. Упражнение «Мониторинг дыхания». 3. Упражнение «Сосредоточенное дыхание».
5	Ознакомление с приёмами нервно-мышечной релаксации, анализа собственного эмоционального состояния	1. Изучение содержания прогрессивной релаксации организма. 2. Упражнение «Лицевая артикуляция». 3. Упражнение «Зеркало»: освоение навыка распознавания эмоционального состояния (своего или чужого).
6	Развитие умений прогнозирования, целеполагания, планирования, оценки и программирования	1. Исследование техник ситуационного и сценарного анализа, приоритетного планирования. 2. Упражнение «SWOT-анализ»: умение моделирования конкретной ситуации при принятии значимых решений в управлении. 3. Упражнение «Карта будущего»: составление стратегической карты (бизнес-процессы, покупатели, персонал и финансы), выявление цели стратегии

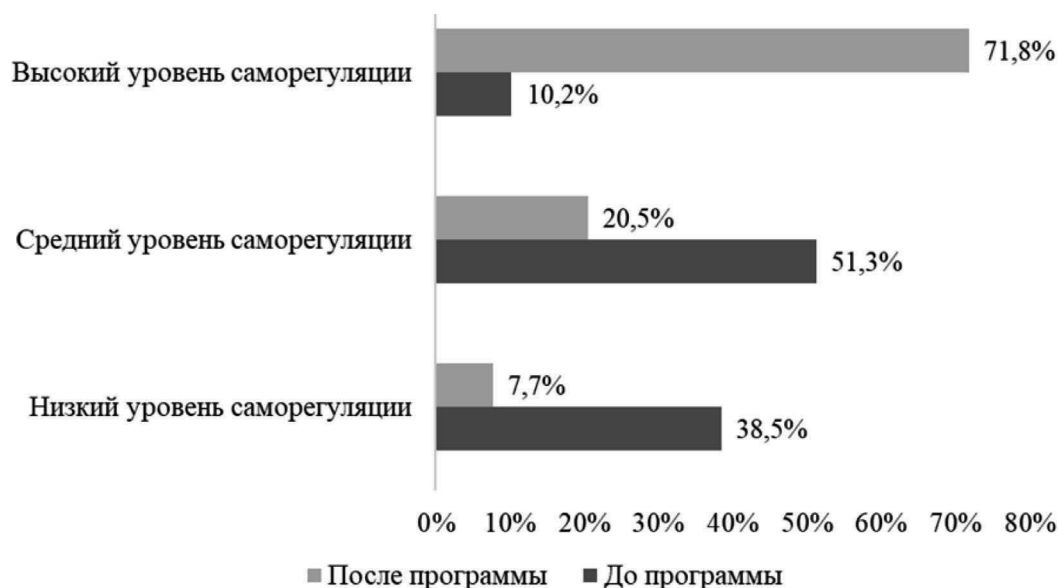

Рис. 3. Сравнительный анализ результатов подростков по уровню саморегуляции поведения, %.

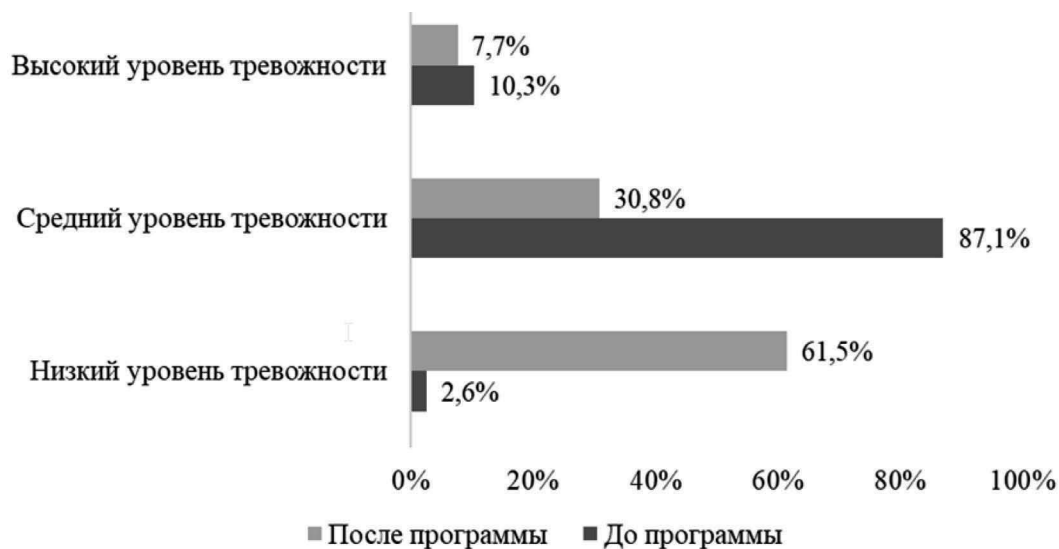

Рис. 4. Сравнительный анализ результатов подростков по уровню тревожности, %.

нения (комплекс техник и упражнений формирования механизмов подростковой саморегуляции, которые представлены в Таблице 1), рефлексия.

В ходе занятий подростки также изучают методы нервно-мышечной релаксации, арт-терапии, убеждения, внушения, визуализации, дыхательные приёмы саморегуляции. Закреплению конечных результатов завершённого занятия способствует домашнее задание, предполагающее повторение освоенного материала по механизмам и приёмам саморегуляции, а также наблюдение за внутренним эмоциональным состоянием.

В ходе освоения подростками предложенной психолого-педагогической программы произошло осознание ценностной сферы личности, понимание внутреннего потенциала, приёмов предупреждения стресса, транс-

формация взаимоотношений со сверстниками и значимыми взрослыми, самооотношения.

Результативность обучения подростков по программе

Представленная программа была осуществлена на сформированной ранее выборке подростков – обучающихся Школы № 57 г. Москвы. Сравнительный анализ уровня тревожности и саморегуляции личностей подросткового возраста по выбранным методикам (см. Рисунок 3, 4) показал, что результативность обучения подростков по предложенной программе крайне высокая.

Вместе с тем уровень личностной тревожности сократился на фоне общего повышения численности школьников, обладающих достаточно высоким уров-

нем саморегуляции поведения. Соответственно, предложенная психолого-педагогическая программа может быть использована в школьном образовании подростков для создания и последующего развития приёмов саморегуляции.

Заключение

Результаты исследования показали, что формирование саморегуляции психических состояний подростков

приводит к уменьшению внутренней тревожности. Эти критерии обучающихся тесно коррелируют друг с другом: чем выше уровень личностной саморегуляции, тем меньше степень тревожности подростков. После практического осуществления предложенной психолого-педагогической программы у школьников сократился уровень эмоциональной нестабильности и тревожности. Соответственно, данная программа способствует созданию и положительной динамике у подростков механизмов саморегуляции психических состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великанова А.С., Кудрина Д.Ю. Связь особенностей мышления и саморегуляции младших школьников // *Universum: психология и образование*. 2024. №. 3 (117). С. 26-28.
2. Куровский С.В., Мишин Д.А., Судакова Ю.Е. Методика обучения студентов физической культуре и спорту в условиях социальных ограничений и изоляции (на примере пандемии COVID-19) // *Современное педагогическое образование*. 2025. № 2. С. 300-306.
3. Куровский С.В., Мишин Д.А., Судакова Ю.Е. Анализ современных технологий обучения физической культуре и спорту студентов в условиях цифровизации // *Современное профессиональное образование*. 2025. № 2. С. 74-79.
4. Моросанова В.И., Фомина Т.Г., Филиппова Е.В. Осознанная саморегуляция, школьная вовлеченность, качество преподавания как ресурсы субъективного благополучия и успеваемости обучающихся // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2025. №. 1. С. 55-77.
5. Шелиспанская Э.В., Платонова В.В. Особенности формирования навыков саморегуляции познавательной деятельности у младших школьников с задержкой психического развития // *Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика*. 2024. №. 3. С. 138-145.
6. Национальный проект «Молодежь и дети» [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/914/about/> (дата обращения: 27.05.2025).

© Ешмейкина Светлана Владимировна (svetlanaka-e@bk.ru), Велиева Светлана Витальевна (stlena70@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИНДРОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

ATTENTION DEFICIT HYPERACTIVITY DISORDER IN THE WORKPLACE

**I. Konevtsev
E. Rodionova**

Summary: This study is devoted to the problem of maladjustment of employees with attention deficit hyperactivity disorder in the workplace. Research emphasizes the importance of neurodiversity in the workplace. A review of the literature on the topic showed that difficulties with concentration and motivation in adults with ADHD can affect their professional activity and psychological state. Correlation analysis, regression analysis and methods for measuring ADHD symptoms and occupational health indicators were used. The relationship between ADHD and occupational health was revealed. It is noted that it is necessary to take into account the features of neurodiversity and adapt approaches to working with neuroatypical employees in order to provide them with optimal conditions for professional activity and well-being. A relationship was found between attention deficit hyperactivity disorder (ADHD) and occupational health indicators in working adults. A conclusion was made about the need for adaptation skills training programs for employees with ADHD in the workplace, as well as a training program for colleagues and managers of employees with ADHD in order to raise awareness of this issue.

Keywords: attention deficit hyperactivity disorder, occupational health.

Коневцев Илья Владимирович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
ilya.konevtsev@yandex.ru

Родионова Елена Анатольевна

кандидат психологических наук, ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный университет»
e.rodionova@spbu.ru

Аннотация: Данное исследование посвящено проблеме дезадаптации сотрудников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности на рабочем месте. Исследования подчеркивают важность нейроразнообразия на рабочем месте. Обзор литературных источников по соответствующей теме показал, что трудности с концентрацией и мотивацией у взрослых с СДВГ могут влиять на их профессиональную деятельность и психологическое состояние. Использованы корреляционный анализ, регрессионный анализ и методики для измерения симптоматики СДВГ и показателей профессионального здоровья. Выявлена взаимосвязь СДВГ с профессиональным здоровьем. Отмечено, что необходимо учитывать особенности нейроразнообразия и адаптировать подходы к работе с нейротипичными сотрудниками, чтобы обеспечить им оптимальные условия для профессиональной деятельности и благополучия. Обнаружена взаимосвязь между синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) и показателями профессионального здоровья работающих взрослых. Сделан вывод о необходимости программ обучения навыкам адаптации для сотрудников с СДВГ на рабочем месте, а также обучающей программы для коллег и руководителей сотрудников с СДВГ с целью повышения осведомленности в этом вопросе.

Ключевые слова: синдром дефицита внимания и гиперактивности, профессиональное здоровье.

В рамках современных исследований в русле биопсихосоциального подхода к определению профессионального здоровья многими исследователями подчеркивается важность нейроразнообразия на рабочем месте. Понятие нейроразнообразия (neurodiversity) становится всё более актуальным в сфере организационной психологии, поскольку охватывает по разным оценкам до четверти всех работающих взрослых. Нейротипичные люди являются вариантом нормы, но имеют некоторые особенности восприятия и мышления, эмоционально-волевой и когнитивной сфер [7]. Ранее нейроразнообразие являлось предметом интереса лишь психиатрии и клинической психологии, однако в данный момент по современному состоянию науки становится ясно, что данная тема также напрямую касается и организационной психологии. Трудности с концентрацией внимания и мотивацией к деятельности у взрослых на рабочем месте являются значимыми факторами ограничения эффективности взрослого с СДВГ в его профессиональной деятельности, что также

влечет за собой ухудшение его психоэмоционального состояния, субъективного благополучия и самооценки, что в совокупности представляет собой факторы профессионального здоровья сотрудника [17]. Снижение профессионального здоровья как компонента общего понятия «здоровье» приводит к уменьшению благополучия, эффективности деятельности, а также может приводить к разрушительным последствиям как для самого индивида, так и для организации, рабочей команды и общества в целом [13]. Вопрос о повышении здоровья сотрудников является комплексной проблемой, для решения которой задействуются ресурсы многих отраслей науки. Синдром дефицита внимания и гиперактивности является предпосылкой для снижения уровня развития определенных способностей, включая концентрацию внимания, контроль задач и времени, понимание своих и чужих личных границ. Вышеназванные навыки можно успешно формировать при помощи социально-психологического тренинга [15]. Формирование навыков у людей с СДВГ сопряжено также с повышением уровня

осведомленности в вопросе нейроразнообразия [14]. Данное исследование позволит сформировать рекомендации для обучения и развития навыков у нейротипичных сотрудников.

СДВГ активно изучается психиатрией и клинической психологией, но также интересуют другие науки, включая организационную психологию, поскольку нейротипичность является частью нормального спектра особенностей восприятия и поведения [13]. Несмотря на высокую актуальность данной темы, на данный момент существует крайне мало отечественных исследований, посвященных этому вопросу. Мы ставим перед собой задачу изучить роль нейроразнообразия в формировании профессионального здоровья личности.

В качестве научных результатов мы ожидаем получить данные, которые позволят внести ясность в вопрос профессионального здоровья сотрудников с СДВГ, приблизиться к пониманию того, какие особенности нейротипичных людей взаимосвязаны с компонентами здоровья. Практические результаты сами собой вытекают из научных, а именно понимание особенностей людей с СДВГ в профессиональном контексте и во взаимосвязи с профессиональным здоровьем даст возможность разработки таких мер помощи в адаптации, какие позволят повысить собственно уровень профессионального здоровья таких людей и, как следствие, эффективность деятельности. В качестве конкретных практических результатов нами видится возможность создания программы развития тех навыков, которые остро необходимы сотрудникам с СДВГ для адаптации на рабочем месте, а также создания программы обучения для сотрудников без СДВГ и для руководителей с целью повышения их осведомленности и общей грамотности в отношении вопроса взаимодействия с нейротипичными сотрудниками. Нейрофизиологические особенности людей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности являются вариантом нормы, однако на практике часто приводят к дисбалансу развития некоторых социальных и когнитивных навыков. Трудности в адаптации зачастую начинают проявляться в детском возрасте, где они более заметны для окружающих и самого человека с СДВГ, однако если не заниматься целенаправленным формированием навыков, тенденция к дезадаптивному поведению может сохраниться и во взрослом возрасте. Таким образом, уже будучи сотрудником компании, человек с синдромом дефицита внимания и гиперактивности часто продолжает испытывать те же трудности в адаптации. Как правило, один из самых заметных симптомов СДВГ, который причиняет множество проблем нейротипичному человеку, - трудности с концентрацией внимания, иногда проявляющийся вплоть до невозможности выполнять некоторые задачи, особенно если собственная мотивация к их выполнению находится на низком уровне или вообще отсутствует.

Для выяснения взаимосвязи между синдромом дефицита внимания и гиперактивности и профессиональным здоровьем сотрудников на рабочем месте использован корреляционный анализ для выявления взаимосвязи и регрессионный анализ для определения предикторов.

Методики исследования: авторская анкета для сбора социально-демографических данных испытуемых, Вендер-Ютская шкала самооценки СДВГ у взрослых ([3], Шкала диагностики СДВГ у взрослых [12], методика оценки профессионального здоровья [1].

Синдром дефицита внимания и гиперактивности на рабочем месте

Синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), или Attention deficit hyperactivity disorder (ADHD) – это расстройство развития нервной системы, начинающееся в детском возрасте. Оно характеризуется такими основными симптомами, как невнимательность, импульсивность, гиперактивность, которые, в зависимости от степени выраженности, могут в большей или меньшей степени приводить к трудностям в адаптации и формировании различных навыков. Так, в основном симптоматика СДВГ сказывается на способностях человека к произвольной концентрации внимания, управлению временем и планированию, социальному взаимодействию, включая трудности с поддержанием долгосрочных контактов, пониманием личных границ других людей, а также своих собственных, что приводит к поведенческим сложностям.

Симптомы СДВГ могут сохраняться и у взрослых людей, так по современным оценкам примерно 7% взрослых людей во всем мире сталкиваются с трудностями адаптации на рабочем месте на фоне диагноза СДВГ [9]. При этом оценки могут различаться в зависимости от региона.

Начиная с детского возраста, продолжая в подростковом, СДВГ создает трудности в адаптации к обществу за счет проблем с социальным взаимодействием и недостаточной сформированности социальных навыков, что в дальнейшем лишь усиливает дезадаптацию в группе. И хотя сложности с социальным взаимодействием со временем становятся менее значимым фактором, затрудняющим адаптацию взрослого с СДВГ в группе, этот фактор не утрачивает свое значение. Для работы над формированием социальных навыков взрослых и детей с СДВГ с ограниченной эффективностью применяется тренинг социальных навыков, а также медикаментозная терапия [15].

Трудности с концентрацией внимания и мотивацией к деятельности у взрослых на рабочем месте являются значимыми факторами ограничения эффективности взрослого с СДВГ в его профессиональной деятельности, что также влечет за собой ухудшение его психозмо-

ционального состояния, субъективного благополучия и самооценки, что в совокупности представляет собой факторы профессионального здоровья сотрудника. Ввиду высоких когнитивных требований к профессиональной деятельности и образованию, у взрослых с СДВГ обнаруживаются значительные трудности в социальном взаимодействии, с самооценкой, выгоранием и интегральным показателем профессионального здоровья, при этом, как у детей, так и у взрослых это может приобретать вид оппозиционно-вызывающего расстройства, тревожно-депрессивного расстройства, а также приводить к асоциальному поведению, злоупотреблению психоактивными веществами и прочим поведенческим трудностям. Согласно данным Р. Баркли, дезадаптивное функционирование в основных сферах жизнедеятельности, начиная с детского возраста, ввиду наличия синдрома дефицита внимания и гиперактивности, продолжается во взрослом возрасте [2].

Тема синдрома дефицита внимания и гиперактивности как основы некоторых особенностей восприятия и поведения сотрудников на рабочем становится актуальной в наши дни. Кроме того, современные данные указывают на необходимость формирования термина для корректного и точного наименования группы людей, которые имеют некоторые особенности функционирования нервной системы, но при этом остающихся в рамках нормы. По оценкам LeFevre-Levy R. и соавторов за 2023 год, около 17% всей рабочей силы в США представляют собой группу нейротипичных людей, то есть являющихся нейроразличными (или нейроразнообразными). Данный термин применяется для описания людей, нейробиологические функции которых приходятся ближе к крайним границам нормального распределения неврологических особенностей, то есть нейротипичные люди все еще являются вариантом нормы. Так, в группу нейротипичных людей входят лица с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, синдромом дефицита внимания (без выраженного компонента гиперактивности), расстройствами аутистического спектра и собственно аутизмом, а также лица с дислексией, дисграфией и дисорфографией. LeFevre-Levy R. и соавторы обращают внимание на то, что, несмотря на растущие показатели диагностированных нейротипичных сотрудников, исследований в этой области проведено сравнительно мало, и только в последние годы тема состояния и трудностей нейротипичных сотрудников набирает популярность. Так, на данный момент вопрос о благополучии, профессиональном здоровье и эффективности деятельности нейротипичных людей только ставится, и первые исследования начинают появляться [13]. Несмотря на то, что СДВГ, РАС и дислексия являются предметом изучения психиатрии и клинической психологии, по состоянию современной науки, ввиду возрастания тенденций к синтезу и междисциплинарности, нейротипичные люди и особенности их поведения становятся актуальной темой для изуче-

ния многими другими науками, включая организационную психологию, психологию труда и когнитивную эргономику. На наш взгляд, так происходит по той причине, что нейротипичность не является болезнью или отклонением от нормы, и по этой причине становится частью нормального спектра особенностей восприятия и поведения, а также профессиональной деятельности. Исходя из этой позиции, особенности восприятия и поведения нейротипичных людей становятся таким же важным и актуальным направлением исследования в сфере организационной психологии.

В рамках современных исследований в русле биопсихосоциального подхода к определению профессионального здоровья многими исследователями подчеркивается важность нейроразнообразия на рабочем месте. Так, нейроразнообразие в области индивидуальных психологических особенностей восприятия, мышления и поведения является одним из факторов, которые могут оказывать влияние на профессиональное здоровье сотрудника. Doyle N. говорит о том, что люди в спектре нейротипичности демонстрируют «пикообразный» профиль распределения способностей, при котором возможности реализации способностей лиц с СДВГ, РАС или дислексией сильно отличаются от нормального «плоского» распределения. Данные также представлены на рисунке 1 (Рис. 1.). Так, если мы представим ряд способностей, например, рабочую память, вербальные навыки и визуальные навыки, то у лиц с СДВГ в среднем распределение будет выстроено таким образом, что вербальные и визуальные навыки будут сильно завышены относительно нормы, но при этом рабочая память будет значительно ниже. За счет таких различий становится более понятна проблематика нейроразнообразия на рабочем месте. Трудности в адаптации к определенным видам деятельности и высокие достижения в сфере реализации других способностей зачастую приводят к неустойчивой эффективности деятельности и дисбалансу в самооценке и субъективном благополучии сотрудников с СДВГ [7]. (Рис. 1.)

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно выделить следующие важные детали: СДВГ - расстройство развития нервной системы, проявляющееся в детском возрасте. Основные симптомы: невнимательность, импульсивность, гиперактивность. Это может вызывать трудности в адаптации и формировании навыков, таких как концентрация внимания, управление временем, социальное взаимодействие. СДВГ создает трудности в адаптации на рабочем месте у 7% взрослых. Проблемы начинаются в детском возрасте и влияют на социальное взаимодействие и навыки. Сложности с социальным взаимодействием остаются значимым фактором для адаптации взрослых с СДВГ в группе. Для развития социальных навыков применяют тренинг и медикаментозную терапию. Трудности с концентрацией и мотива-

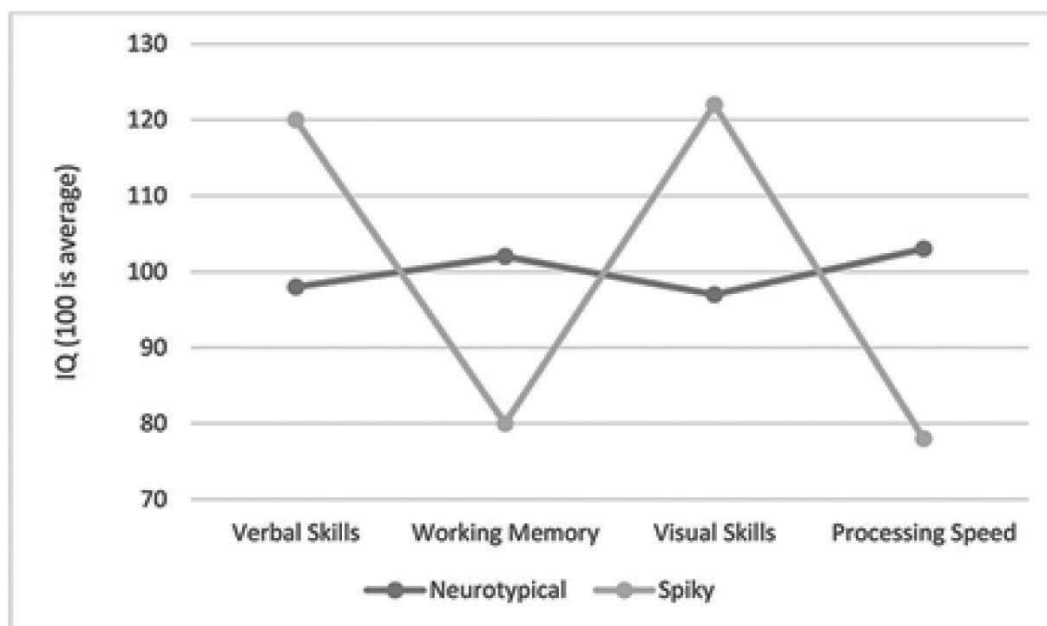

Рис. 1. График распределения способностей нейротипичных и нейроатипичных сотрудников [7]

цией на работе ограничивают эффективность взрослого с СДВГ и влияют на его психоэмоциональное состояние и самооценку. Это важные факторы профессионального здоровья. У взрослых с СДВГ есть трудности в социальном взаимодействии, самооценке и профессиональном здоровье. Это может приводить к различным психическим расстройствам и проблемам в поведении. Деадаптивное функционирование из-за синдрома дефицита внимания и гиперактивности проявляется в детском и взрослом возрасте. Нейроразнообразие взаимосвязано с профессиональным здоровьем сотрудника. Люди в спектре нейроатипичности имеют необычный профиль способностей, отличающийся от нормы. Например, у людей с СДВГ вербальные и визуальные навыки выше, а рабочая память ниже [7].

У взрослых с СДВГ возникают трудности с дефицитом внимания и низкой способностью к контролю устойчивого внимания, распорядка дел, расписания и других активностей за счет отвлекаемости. Mohamed S. M. H. и соавторы в своем исследовании говорят о том, что трудности с работой базовых исполнительских функций объясняют лишь 25% различий в диагнозе СДВГ относительно людей без СДВГ. Эти результаты говорят о том, что нарушения сложных когнитивных функций у людей с СДВГ, по всей видимости, вызваны именно затруднениями в реализации базовых исполнительных функций, такие как устойчивость внимания, время реакции и другие. То есть, это исследование еще раз подчеркивает тот факт, что лица с СДВГ действительно находятся в спектре нейроразнообразия, и синдром дефицита внимания и гиперактивности является вариантом нормы [16]. В свою очередь базовые исполнительские дисфункции приводят к появлению сложных дисфункций

восприятия, которые влекут за собой поведенческие трудности как у детей с СДВГ, так и у взрослых. На практике на рабочем месте эти трудности зачастую приводят к проблемам в сфере планирования, организации рабочего места и рабочего времени, а также к сложностям во взаимодействии и взаимоотношениях с людьми, то есть коллегами, руководством и клиентами.

Кроме того, важным фактором, влияющим на профессиональное здоровье людей в спектре нейроразнообразия, является дискриминация и стигматизация (скрываемая и открытая) при поиске работы, прохождении интервью при устройстве на работу, а также внутри организации в процессе выполнения профессиональной деятельности. Согласно результатам, полученным McIntosh C. K. и соавторами, психообразование и раскрытие информации об особенностях людей в спектре нейроразнообразия положительно сказываются на профессиональном здоровье, психологической безопасности и удовлетворенности деятельностью. Результаты данного исследования могут быть крайне полезны организациям для создания психологически безопасной среды для сотрудников, что может способствовать повышению профессионального здоровья и эффективности труда [14].

Трудности сотрудников с СДВГ на рабочем месте

В результате качественного исследования, проведенного Oscarsson M. и соавторами, были выявлены подкатегории в темах, которые в большей степени волнуют респондентов и субъективно воспринимаются ими как проблемные. Для систематизации полученных данных ниже нами приведен список этих тем и категорий.

Oscarsson M. и соавторы в своей работе, посвященной стрессу и связанным с ним заболеваниями среди работающих взрослых с СДВГ, выделяют следующие категории трудностей на рабочем месте [17]:

1. Работа и жизнь с СДВГ. Первая тема касается основных трудностей, с которыми сталкивается сотрудник из спектра нейроразнообразия на рабочем месте. Обобщая качественные данные, можно вывести неполный список тех проблем и переживаний, с которыми сталкиваются сотрудники с СДВГ, а именно повышенная чувствительность к окружающей среде, включая общение, профессиональную деятельность, рабочие задачи, неудачи на рабочем месте, а также высокую чувствительность к ошибкам, обратной связи (и позитивной, и негативной), тревожность, выгорание и общий стресс. Oscarsson M. и соавторы предложили респондентам рассказать о тех трудностях и проблемах, с которыми они сталкиваются на рабочем месте, и при описании первой темы «Работа и жизнь с СДВГ» получили следующие подкатегории:

1. Конкретные вызовы, или трудности. В данной подкатегории представляются конкретные ситуации, представляющие собой проблему для респондента, то есть перечень тех ситуаций, решение которых было связано с усилием и субъективным переживанием стресса. Конкретные вызовы и трудности на рабочем месте респонденты зачастую связывают с наличием определенных симптомов СДВГ, а именно отвлекаемость, забывчивость, тревожность, повышенную утомляемость в условиях низкой мотивации, трудности с поиском мотивации для реализации задачи. Кроме того, важно отметить, что большинство респондентов связывают конкретные вызовы и трудности с другими подкатегориями и темами, например, участники отмечают повышенную чувствительность к критике и замечаниям (подкатегория взаимоотношений), а также высокую чувствительность к изменениям условий окружающей среды и влиянию настроения на мотивацию и эффективность труда.
2. Взаимоотношения и совместная деятельность. Под данной подкатегорией понимается совокупность таких ситуаций и состояний, с которыми сталкивается респондент в своей профессиональной деятельности, когда его затрагивает потребность, желание или необходимость вступить во взаимоотношения с коллегами, руководством или клиентами, а также в эту подкатегорию входят совместная работа, проектная деятельность, а также дистанционные взаимоотношения (онлайн коммуникация).
3. Негативные последствия. В данном случае под этой подкатегорией подразумевается класс субъективных переживаний респондента о тех последствиях, которые возникли вслед за ситуациями или состояниями в связи с СДВГ. Одними из

самых заметных и значимых симптомов респонденты выдвигают общий стресс, состояние тревоги, истощение и выгорание на рабочем месте. Часто респонденты связывают последствия не с самим нарушением психических функций, а со своей ролью в команде, компании или коллективе, самооценкой. Кроме того, данные негативные последствия воспринимаются респондентами не только как угрожающие им самим, но и влияющие на семью, ближайшее окружение, а также имеющие долгосрочные последствия в виде потери работы, возникновение симптомов других психических дисфункций или заболеваний [17].

2. Потребности. Данная тема важна для человека с СДВГ с практической точки зрения, помимо научных целей, преследуемых Oscarsson M. и соавторами. Осознание и возможность дать себе отчет о своем текущем состоянии и об актуальных потребностях являются одним из навыков, которые зачастую развиваются медленнее при наличии СДВГ. Авторы исследования актуализируют данную тему для респондентов. Участников исследования попросили подумать и рассказать о теме своих актуальных потребностей, а также поделиться опытом своих успешных и безуспешных вмешательств в профессиональном контексте, включая следующие подкатегории:

1. Планирование, приоритизация, организация и структура. Потребность в планировании и организации собственных задач, по сообщению многих респондентов, появляется ввиду того, что четко организованная структура задач и рабочего дня помогает снизить стресс от необходимости контролировать окружающее пространство. Вместе с тем именно с такого рода задачами, как планирование и выстраивание приоритетов в профессиональном контексте, респонденты связывают высокий уровень стресса из-за недостаточно развитых навыков. Отметим, что трудности с контролем задач, планированием и распределением времени наблюдаются у людей с СДВГ еще в детском возрасте (Patros C. H. G. et al., 2019), при этом во взрослом возрасте такие проблемы остаются, но приобретают несколько иную область приложения – доминировавшие ранее формы деятельности (игра и обучение) сменяются постепенно на социальное общение, а затем переходят к профессиональной деятельности.
2. Поддержка, вмешательство, приспособление и вспомогательные средства. Данная подкатегория относится к вопросам, которые задавались респондентам относительно того, какие меры поддержки они применяют для уменьшения трудностей в адаптации, как относятся к разного рода вмешательствам извне от различных людей, а также относительно их собственных средств приспособления к условиям среды и средствам, которые могут помогать или вредить адаптации.

Так, респонденты отмечают, что вмешательство менеджера в их работу может по-разному сказываться на эффективности. Например, при наличии подбадривающей позитивной обратной связи о результатах труда сотрудник с СДВГ гораздо чаще чувствует себя более удовлетворенным и уверенным, тогда как негативная связь может восприниматься крайне остро, из-за чего респондент оценивает свое состояние как стрессовое. При этом также важно отметить ситуации, когда обратной связи не следует вовсе. В таких ситуациях респонденты также отмечают ухудшение своего состояния и острую стрессовую реакцию. Зачастую критические замечания и попытки указать сотруднику с СДВГ на то, что необходимо увеличить эффективность, могут приводить ровно к обратному эффекту. Сами респонденты говорят об этом так: «Когда менеджер спрашивает у меня, что мы можем сделать, чтобы улучшить ситуацию, я чувствую, что уже делаю все, что в моих силах». Опыт поддержки от менеджера разнится в зависимости от ситуации и глубоко индивидуален для многих респондентов. При этом большинство участников отмечают, что скорее обратятся за поддержкой к коллегам, а именно к тем, кто чувствует себя примерно схожим образом и имеют аналогичные потребности. К данному разделу также относятся те ситуации, когда сотрудник с СДВГ прибегает к вспомогательным техническим средствам, консультированию со специалистом по труду или консультирующим психологом, а также к медикаментозному лечению. При этом самым распространенным средством выступают именно технические средства: приложения, позволяющие упорядочить рабочий день, расписание, следить за временем, календари, блокноты и дневники, помогающие отслеживать график, и многое другое. Затем следует медикаментозное лечение, эффективность которого при правильно подобранных препаратах отмечается большинством респондентов. И гораздо реже участники прибегают к помощи консультанта.

3. Открытость, принятие и понимание. Респонденты поделились своим опытом открытия и осознания наличия у себя диагноза, связанного с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, а также тем, как они затем обращались с этой информацией: делились ей открыто с окружающими, сообщали только самым близким или не рассказывали никому. Авторы исследования подчеркивают, что информация о диагнозе имеет ограниченную ценность, поскольку СДВГ не должен быть предварительным условием адаптации. Кроме того, многие участники исследования говорят о том, что опасаются дискриминации на рабочем месте в связи с открытием

для окружающих диагноза СДВГ. Тем не менее, следует также отметить опыт той части респондентов, которые решили поделиться наличием у себя диагноза. Так, согласно авторам, такой опыт может быть различным: респонденты сталкивались с принятием со стороны своих коллег и руководства, кто-то сообщал об этом только близким людям, и также получил принятие и понимание. Однако существует и обратный опыт, при котором респонденты в результате самораскрытия получили негативную обратную связь, обесценивание трудностей, непонимание. Так, самораскрытие относительно диагноза СДВГ в рабочем коллективе и в кругу близких людей зачастую приводило именно к пониманию и принятию, что в дальнейшем способствовало тому, что участники исследования получили возможность лучше адаптироваться к условиям среды. Важная мысль, которую мы хотим подчеркнуть: согласно результатам исследования, для повышения возможностей к адаптации на рабочем месте сотрудников с СДВГ крайне важен компонент самораскрытия, принятия своего диагноза и принятия его последствий, возможностей и ограничений. Кроме того, не менее важной является осведомленность и самого сотрудника с СДВГ, и его коллег, и ближайших людей о том, что такое синдром дефицита внимания и гиперактивности и какие у него могут быть проявления. Зачастую устранение этой информационной пустоты способствует тому, что человек с СДВГ начинает чувствовать себя лучше, а его адаптация улучшается [17].

3. Специальные способности, включая подкатегории:

1. Стратегии, которые помогают сотрудникам с СДВГ адаптироваться, включали планирование, формальный анализ, тщательное решение задач посредством намеренной концентрации внимания и усилий, кроме того, по мнению респондентов, также эффективными они считают частные перемены, контроль стимулов (снижение стимулов окружающей среды за счет, например, уборки рабочего места от лишних деталей, или элиминация влияния стимулов за счет появления доминирующего стимула, например, прослушивание успокаивающей музыки в наушниках). Кроме того, участники выделяют такие профилактические стратегии, как физические упражнения, прогулки или работу на свежем воздухе, а также различные полезные увлечения.
2. Сильные стороны и качества, которые респонденты отмечают сами у себя, включают креативность, творческий подход и сообразительность. Наиболее часто эти качества проявляются в условиях структурированного командного подхода к решению профессиональных задач, например,

мозговой штурм. Тем не менее, компонент импульсивности, свойственный СДВГ, зачастую выступает ограничивающим фактором в конструктивном проявлении сильных сторон. Некоторые респонденты также подчеркнули такие свои сильные стороны, как способность быстро усваивать новую информацию и фокусироваться на конкретной интересной для них задаче, игнорируя внешние обстоятельства, что часто может быть полезно на персональных деловых встречах или при общении с клиентом. По словам участников, такой гиперфокус дает возможность сконцентрироваться на идеях, мыслях, чувствах собеседника и лучше понимать изменения в настроении, что способствует установлению более доверительных взаимоотношений.

Данные категории и подкатегории трудностей сотрудников с СДВГ на рабочем месте также описаны на рисунке, представленном ниже (Рис 2.) [17].

Согласно исследованию Fuermaier A.B.M. и соавторов, симптоматика синдрома дефицита внимания и гиперактивности способствует снижению адаптации в одних и тех же сферах и проявляется через одни и те же группы навыков, как у клинической выборки (пациенты с расстройством дефицита внимания и гиперактивности – РДВГ), так и у людей без поставленного диагноза, но демонстрирующих вышеуказанную симптоматику (и

следовательно имеющих синдром дефицита внимания и гиперактивности, но не поставленное расстройство, то есть СДВГ, но не РДВГ) [9].

Синдром дефицита внимания и гиперактивности представляет собой один из наиболее актуальных феноменов в современной науке, включая такие сферы как медицина, психология, в частности психология труда, клиническая и педагогическая психология. СДВГ проявляется в раннем возрасте, а симптомы не исчезают с возрастом, но изменяются качественно или становятся менее выраженными. В исследованиях Faraone S. V. и соавторов говорится о том, что на данный момент с симптомами СДВГ сталкиваются около 6% детей и около 3% взрослых по всему миру [8].

В исследованиях выделяют такие ключевые характеристики СДВГ, как проблемы с концентрацией внимания, которые выходят за рамки обычных для определенного возраста, повышенная гиперактивность, которая проявляется в чрезмерной моторной активности, импульсивное поведение, когда индивиду трудно контролировать свои реакции. Эти симптомы могут существенно влиять на образовательный процесс, социальные взаимодействия и профессиональную деятельность, создавая препятствия для нормального функционирования в обществе. Расстройство чаще диагностируется у мальчиков, что может быть связано как с генетическими особенностями, так и с социальными ожиданиями от поведения

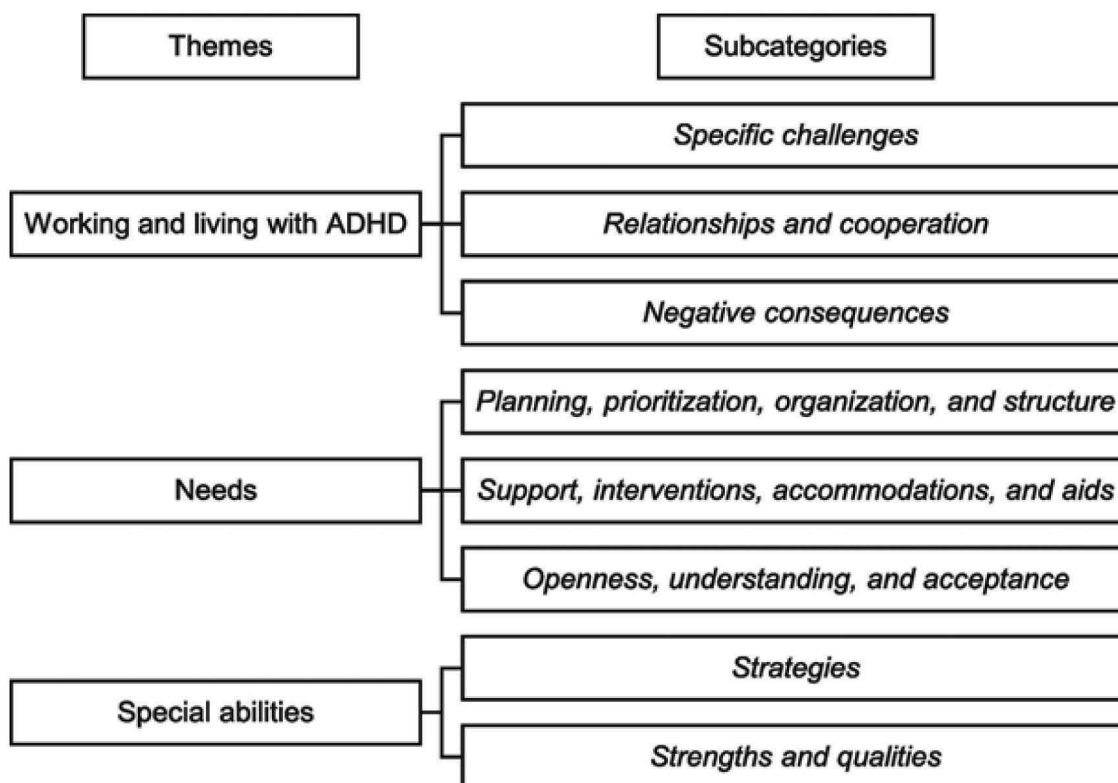

Рис. 2. Темы и подкатегории проблем сотрудников с СДВГ на рабочем месте [17]

полов. Причины СДВГ многочисленны и варьируются от генетических предрасположенностей до внешних экологических воздействий. Среди факторов риска выделяют унаследованность и генетические мутации, воздействие токсинов и вредных веществ в окружающей среде, проблемы во время беременности и родов, такие как курение или употребление алкоголя матерью. Эти факторы могут привести к тонким изменениям в структуре и функционировании мозга, особенно в тех областях, которые отвечают за планирование, самоконтроль и внимание. Важно отметить, что СДВГ является диагнозом безотносительно возраста, то есть проявляется как у детей, так и у взрослых, однако особенности проявления симптомов несколько отличаются [8].

Таким образом, отметим, что тема СДВГ на данный момент не изучена в достаточной мере, то есть требует дальнейших исследований, а в практике часто требуется индивидуальный подход к каждому случаю. Тем не менее, можно выделить такие важные компоненты в терапии СДВГ, как медикаментозная терапия, психотерапия, улучшение социальных, эмоциональных навыков и навыков саморегуляции для повышения качества жизни [11]. Исследования показывают, что у лиц, страдающих СДВГ, наблюдается повышенная вероятность столкнуться с различными жизненными трудностями, а также существует взаимосвязь с рискованное поведение.

Существуют исследования, показывающие взаимосвязь синдрома дефицита внимания и гиперактивности с личностной чертой экстраверсии через опосредующий фактор функции дофамина и работы некоторых генов. М. Cohen с соавторами показывает наличие взаимосвязи работы дофаминергической системы с системами вознаграждения, а также с личностной чертой экстраверсии [6]. V. Golimbet в своей работе также демонстрирует наличие статистически значимой взаимосвязи между стремлением к новизне и генами дофаминовой системы, кроме того, носители генотипа Met/Met продемонстрировали высокий уровень экстраверсии [10]. J. Wacker и L.D. Smillie продолжили изучение вопроса о взаимосвязи дофаминовой системы и экстраверсией. В рамках изучения нейробиологии личности, существует убеждение, что особенности экстравертов могут быть связаны с уникальными аспектами функционирования дофамина в их организме. Анализируя данные из различных источников, включая молекулярную генетику, нейровизуализацию и психофармакологию, J. Wacker и L. D. Smillie попытались оценить достоверность этой гипотезы. Особенно интересны результаты, показывающие, что реакции экстравертов, как в поведении, так и на уровне нейронной активности, на прием дофаминергических средств, могут служить ключевыми подтверждениями этой гипотезы. Для более глубокого понимания взаимосвязи между дофамином и экстраверсией, будущие исследования должны стремиться не просто к обнару-

жению согласованных связей, но и к выявлению точных причинно-следственных механизмов, подтверждающих дофаминовую теорию экстраверсии [18].

Среди проблем, с которыми часто сталкиваются люди с СДВГ, можно выделить следующие: учебные проблемы, включая низкую успеваемость и проблемы с концентрацией внимания, антисоциальное поведение и трудности в социальной адаптации, разнообразные психиатрические заболевания, которые могут возникать как сопутствующие состояния, физические расстройства, в том числе соматические проблемы, которые могут усугублять общее состояние здоровья, злоупотребление психоактивными веществами, такими как наркотики и алкоголь, что увеличивает риск развития зависимости, высокая вероятность получения травм из-за неосторожного поведения и недостатка самоконтроля, риск преждевременной смерти, в том числе через самоубийственные действия, что является крайне тревожным аспектом данного расстройства [11].

Экономическая нагрузка, связанная с СДВГ, огромна, поскольку расходы на лечение, социальную адаптацию и потери производительности труда измеряются сотнями миллиардов долларов ежегодно на глобальном уровне. Тем не менее, существует ряд медикаментозных средств, которые доказали свою безопасность и эффективность в лечении СДВГ. Применение этих препаратов может значительно улучшить качество жизни пациентов и снизить риск возникновения многих из вышеупомянутых проблем [8].

Важно отметить, что доступность и правильное использование этих лекарственных средств могут играть ключевую роль в профилактике неблагоприятных исходов, связанных с СДВГ. Общественное здравоохранение и система образования должны работать совместно, чтобы обеспечить необходимую поддержку и ресурсы для лиц с этим расстройством. В конечном итоге, интегрированный подход к лечению и поддержке пациентов с СДВГ может принести значительные улучшения в их жизни и снизить общественные расходы, связанные с этим состоянием [5].

В области психиатрии и психологии, внимание уделяется изучению СДВГ (синдрома дефицита внимания и гиперактивности), расстройства, которое проявляется на глобальном уровне и затрагивает людей независимо от их культурного и этнического происхождения. Эпидемиологические исследования подтверждают его присутствие в различных уголках мира, однако до сих пор остается множество вопросов о том, как культурные различия могут влиять на симптомы и методы лечения этого расстройства.

Поскольку среди исследований СДВГ существуют важ-

ные культуральные и социальные ограничения (выборки состоят из людей преимущественно европеоидной расы и Восточной Азии) и кроме того, по большей части тема СДВГ актуальна для выявления и изучения среди мальчиков подросткового или доподросткового возраста, из-за чего возникает как половой, так и возрастной дисбаланс в исследованиях, эта тема нуждается в более тщательном и глубоком исследовании. Черкасова М.В. В своих исследованиях подчеркивает важность расширения выборок по вышеназванным критериям, чтобы существенно улучшить качество получаемых выводов о синдроме дефицита внимания и гиперактивности [4].

Индивидуализированный подход к лечению СДВГ за счет богатой исследовательской практики, включающей различные половые, возрастные и культурные группы, с нашей точки зрения, поможет разработать более эффективные рекомендации для лечения или компенсации симптомов СДВГ у взрослых на рабочем месте. Обеспечение доступа к качественной медицинской помощи, информирование пациентов о возможностях улучшения их состояния, а также разработка индивидуальных стратегий лечения могут значительно улучшить исход заболевания и качество жизни страдающих от этого расстройства и его осложнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров Г.С. и др. Психологические факторы профессионального здоровья преподавателей высшей школы //Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2015. – №. 4. – С. 42-54.
2. Barkley R.A. et al. Young adult outcome of hyperactive children: adaptive functioning in major life activities //Journal of the american academy of child & adolescent psychiatry. – 2006. – Т. 45. – №. 2. – С. 192-202.
3. Brevik E.J. et al. Validity and accuracy of the Adult Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD) Self-Report Scale (ASRS) and the Wender Utah Rating Scale (WURS) symptom checklists in discriminating between adults with and without ADHD //Brain and Behavior. – 2021. – Т. 11. – №. 5.
4. Cherkasova M.V. et al. Adult outcome as seen through controlled prospective follow-up studies of children with attention-deficit/hyperactivity disorder followed into adulthood //Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. – 2022. – Т. 61. – №. 3. – С. 378-391.
5. Chirico F. et al. The cooperation between occupational and public health stakeholders and its decisive role in the battle against the COVID-19 pandemic //Disaster Medicine and Public Health Preparedness. – 2023. – Т. 17. – С. e100.
6. Cohen M.X. et al. Individual differences in extraversion and dopamine genetics predict neural reward responses //Cognitive brain research. – 2005. – Т. 25. – №. 3. – С. 851-861.
7. Doyle N. Neurodiversity at work: a biopsychosocial model and the impact on working adults. Br Med Bull. 2020 Oct 14;135(1):108-125. doi: 10.1093/bmb/ldaa021. PMID: 32996572; PMCID: PMC7732033.
8. Faraone S. V. et al. The world federation of ADHD international consensus statement: 208 evidence-based conclusions about the disorder //Neuroscience & Biobehavioral Reviews. – 2021. – Т. 128. – С. 789-818.
9. Fuermaier A.B.M. et al. ADHD at the workplace: ADHD symptoms, diagnostic status, and work-related functioning //Journal of Neural Transmission. – 2021. – Т. 128. – С. 1021-1031.
10. Golimbet V.E. et al. Relationship between dopamine system genes and extraversion and novelty seeking //Neuroscience and behavioral physiology. – 2007. – Т. 37. – С. 601-606.
11. Harper, K., & Gentile, J.P. (2022). Psychotherapy for Adult ADHD. Innovations in Clinical Neuroscience, 19(10-12), 35.
12. Kessler R. C. et al. The World Health Organization Adult ADHD Self-Report Scale (ASRS): a short screening scale for use in the general population //Psychological medicine. – 2005. – Т. 35. – №. 2. – С. 245-256.
13. LeFevre-Levy R, Melson-Silimon A, Harmata R, Hulett AL, Carter NT. Neurodiversity in the workplace: Considering neuroatypicality as a form of diversity. Industrial and Organizational Psychology. 2023;16(1):1-19. doi:10.1017/iop.2022.86
14. McIntosh C.K. et al. Thriving at work with ADHD: antecedents and outcomes of proactive disclosure //Equality, Diversity and Inclusion: An International Journal. – 2023. – Т. 42. – №. 2. – С. 228-247. Mohamed S. M. H. et al. Basic and complex cognitive functions in Adult ADHD //PLoS one. – 2021. – Т. 16. – №. 9. – С. e0256228.
15. Mikami, A.Y., Smit, S. & Khalis, A. Social Skills Training and ADHD—What Works?. Curr Psychiatry Rep 19, 93 (2017). <https://doi.org/10.1007/s11920-017-0850-2>
16. Mohamed S.M.H. et al. Basic and complex cognitive functions in Adult ADHD //PLoS one. – 2021. – Т. 16. – №. 9. – С. e0256228.
17. Oscarsson, M., Nelson, M., Rozental, A. et al. Stress and work-related mental illness among working adults with ADHD: a qualitative study. BMC Psychiatry 22, 751 (2022). <https://doi.org/10.1186/s12888-022-04409-w>
18. Wacker J., Smillie L.D. Trait extraversion and dopamine function //Social and Personality Psychology Compass. – 2015. – Т. 9. – №. 6. – С. 225-238.

© Коневцев Илья Владимирович (ilya.konevtsev@yandex.ru), Родионова Елена Анатольевна (e.rodionova@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ И СОМАТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РИСКА НАРУШЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ У ЖЕНЩИН ЖЕРТВ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

PSYCHOLOGICAL PREDICTORS AND SOMATIC MANIFESTATIONS OF MENTAL HEALTH RISK IN WOMEN VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE

V. Kostarev
T. Kozhevnikova
E. Ivanova

Summary: Introduction. The study examines psychological predictors and somatic manifestations of the risk of psychosomatic health disorders in women victims of domestic violence. Objective: to investigate psychological predictors and somatic manifestations of the risk of psychosomatic health disorders in women victims of domestic violence.

Materials and methods of research. The study involved women who were victims of domestic violence. 57 women aged $36,5 \pm 9,76$ years were examined per group. The work was carried out using a questionnaire, clinical examination and psychological testing: "Depression Scale" by A. Beck, "Hopelessness Scale" by A. Beck, "Toms Rigidity Questionnaire of Zalevsky". **Results.** Testing on the depression scale established the presence of depressive disorders in all subjects: mild degree was detected in $31,7 \pm 5,4\%$, moderate severity in $67,3 \pm 9,8\%$ of cases. Mild hopelessness was found in $59,1 \pm 6,9\%$, moderate hopelessness in $40,8 \pm 6,1\%$ of subjects. According to the rigidity questionnaire, the following scales were overestimated: "Rigidity symptom complex", "Rigidity as a state", "Premorbid rigidity", "Sensitive rigidity".

Discussion. Psychological predictors and somatic manifestations of the risk of psychosomatic health disorders in women, victims of domestic violence, which can develop into non-psychotic mental disorders, were established. **Conclusions.** The identified changes in the psychosomatic status of women experiencing violence require psychological and psychotherapeutic assistance.

Keywords: violence, health, psyche, risks, women, testing.

Костарев Владислав Владимирович

кандидат психологических наук,
Красноярский государственный аграрный университет
Министерства просвещения РФ
vladkost@list.ru

Кожевникова Татьяна Альбертовна

доктор медицинских наук,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева"
Министерства просвещения РФ
kogechnikova52@bk.ru.

Иванова Елена Владимировна

Соискатель, Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева;
зам. директора, психологический
реабилитационный центр «Верба»
itisnice@mail.ru

Аннотация: В исследовании рассматриваются психологические предикторы и соматические проявления риска нарушения психосоматического здоровья у женщин жертв семейного насилия. **Цель:** исследовать психологические предикторы и соматические проявления риска нарушения психосоматического здоровья, у женщин, жертв семейного насилия.

Материалы и методы исследований. В исследовании участвовали женщины, ставшие жертвами домашнего насилия. Обследовано 57 женщин возрасте $36,5 \pm 9,76$ лет по группе. Работа проводилась с использованием анкеты, клинического осмотра, психологического тестирования: «Шкала депрессии» А. Бека, «Шкала безнадежности» А. Бека, «Томский опросник ригидности Залевского ТОРЗ». **Результаты:** Тестирование по шкале депрессии установило наличие депрессивных расстройств у всех испытуемых: легкая степень выявлена у $31,7 \pm 5,4\%$, средняя степень тяжести в $67,3 \pm 9,8\%$ случаев. Состояния легкой безнадежности установлено у $59,1 \pm 6,9\%$, умеренной безнадежности у $40,8 \pm 6,1\%$ испытуемых. По опроснику ригидности отмечалось завышение шкал: "Симптомокомплекс ригидности", "Ригидность как состояние", «Преморбидная ригидность», "Сенситивная ригидность". **Обсуждение.** Были установлены психологические предикторы и соматические проявления риска нарушения психосоматического здоровья, у женщин, жертв семейного насилия, которые могут переходить в непсихотические психические расстройства. **Выводы.** Выявленные изменения в психосоматическом статусе у женщин, испытывающих насилие требует психологической и психотерапевтической помощи.

Ключевые слова: насилие, здоровье, психика, риски, женщины, тестирование.

Введение

В современном мире, как и в России проблема насилия становится, все более актуальной. Это связано с ростом использования насильственных методов

и приёмов во всем мире [1,2,3]. Научные исследования установили, что каждая третья женщина сталкивается с физическим или сексуальным насилием [4,5,6]. Значительно количество лиц мужского пола используют в своих целях физическое, психологическое экономиче-

ское насилие. В семьях от домашнего насилия страдают, как женщины, так и дети [7,8]. Научными исследованиями убедительно показано, что любой вид насилия всегда приводит к развитию депрессивных расстройств у жертвы, которое проявляется утратой позитивного настроения, снижением способности переживать радостные события, отрицательными, мрачными мыслями, негативными умозаключениями, пессимизмом во всем, двигательной заторможенностью [9,10,11]. Исследования учёных подтверждают важность изучения психологических особенностей личности развивающихся под воздействием различных видов насилия и приводящих к психосоматическим заболеваниям, проявлениям депрессивных расстройств у жертв насилия.

В связи с чем, такие работы сохраняют свою актуальность и в настоящее время [12,13,14]. К сожалению, до сих пор существует небольшое количество научных исследований, которые могли бы установить какие именно психологические предикторы приводят к развитию психосоматических расстройств у жертв, испытывающих домашнее насилие. Цель: исследовать психологические предикторы и соматические проявления риска нарушения психосоматического здоровья, у женщин, жертв семейного насилия.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе кризисного центра «Верба». В работе принимали участие женщины в количестве 57 человек, испытывающие домашнее насилие. Критерием включения в исследование были диагностированные случаи домашнего насилия. Средний возраст испытуемых составил $36,5 \pm 9,76$ лет. В работу не включались женщины, злоупотребляющие алкоголем, имеющие психические заболевания, тяжелые соматические болезни. Одновременно обследованы здоровые женщины в количестве 70 человек из благополучных семей. Они составили контрольную группу. Средний возраст испытуемых контрольной группы составил $39,3 \pm 10,14$ лет. Исследование проводилось с использованием специально разработанной авторской анкеты с целью определения наличия факта семейного насилия в жизни женщин и его вида, психологического тестирования, а также осмотра психиатра и психолога. Было установлено, что женщины подвергались домашнему насилию в среднем по группе $5,23 \pm 0,91$ год. Основными методами насилия были: физическое, психологическое, прижигание тела окурками сигарет, порезы кожных покровов, ожоги кипятком, экономическое насилие. Испытуемые женщины проявляли при разговоре повышенную чувствительность, склонность к безосновательному усложнению ситуации, высокую степень обязательности, отсутствие уверенности в себе, нерешительность, высокую самокритику и склонность к самообвинениям. При сборе анамнеза они легко впадали в уныние.

Для выявления признаков депрессивных проявлений у испытуемых женщин, использовался психодиагностический опросник А. Т. Бэка [15]. Дифференциальная диагностика негативного отношения испытуемых к своей личности проводилась по опроснику безнадежности [16]. Безнадежность рассматривалась как система негативных ожиданий относительно ближайшего и отдаленного будущего. Томский опросник ригидности [ТОР3], был включен в исследование для комплексной диагностики психической ригидности [16].

При статистической обработке данных использовали пакет программ STATISTIKA 10. Результаты считались достоверными при $p < 0,05$. Вычисление коэффициента корреляции рангов проводилось по методу К. Спирмена. За достоверные принимались корреляционные связи при значениях коэффициента корреляции $r=0,5-1,0$ и достоверности уровня различий $P < 0,05$ [17].

Результаты

Согласно данным анкетирования были выявлены виды применения насильственных действий в отношении испытуемых женщин. Первый вид включал сочетанное физическое и психологическое насилие ($61,4 \pm 7,51\%$). Второй вид насилия был обусловлен физическим насилием с повреждением тела женщины ($31,4 \pm 9,15\%$). Третий вид включал физическое и экономическое насилие ($28,9 \pm 2,12\%$). Психодиагностическое тестирование по шкале депрессии А. Т. Бэка позволило установить наличие проявлений депрессивных расстройств у всех испытуемых. Выявленные депрессивные расстройства по тяжести распределились следующим образом: легкая степень депрессии выявлена у $31,7 \pm 5,4\%$ испытуемых женщин.

Депрессивные проявления средней степени тяжести были определены в $67,3 \pm 9,8\%$ случаев. Согласно данным проведенного тестирования по шкале депрессии у женщин, подвергающихся длительному семейному насилию на основании когнитивно-аффективных субшкал (С-А) установлены расстройства личности, отражающие изменения в эмоциональных и познавательных сферах.

Наблюдалась выраженная тревожность ($52,3 \pm 9,1\%$), разочарование в себе ($36,2 \pm 4,4\%$), апатия ($34,9 \pm 5,2\%$), повышенная раздражительность и беспокойство ($53,7 \pm 8,6\%$), пессимизм ($43,6 \pm 4,6\%$), навязчивые мысли ($39,3 \pm 1,9\%$), утомляемость ($67,1 \pm 5,4\%$), разнообразные страхи ($70,8 \pm 9,1\%$), слезливость ($82,6 \pm 5,7\%$), ночные кошмары ($45,9 \pm 6,6\%$), повышенная мнительность ($61,1 \pm 5,3\%$), обидчивость ($68,8 \pm 9,4\%$), чрезмерные опасения за близких ($62,2 \pm 7,6\%$), снижение концентрации внимания ($61,4 \pm 7,8\%$).

По данным шкалы безнадежности А. Бэка состояния

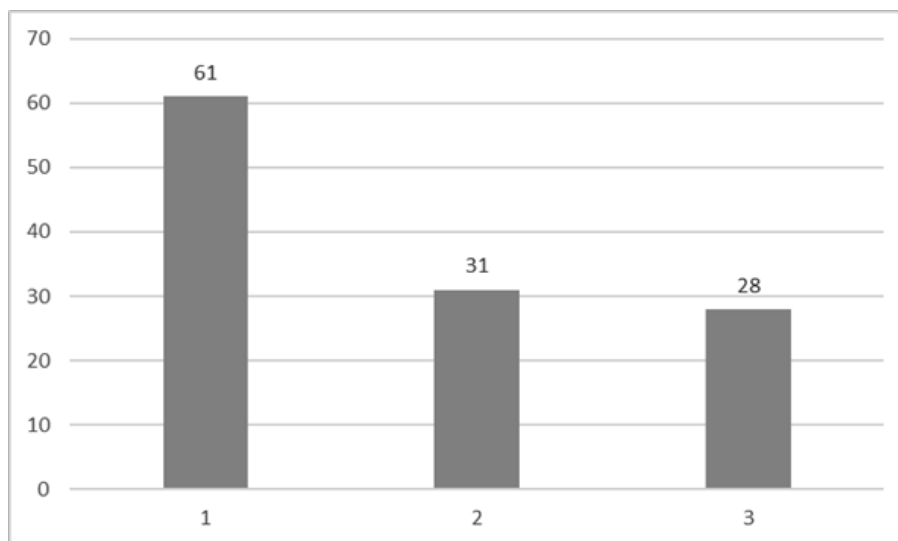

Рис. 1. Виды домашнего насилия у испытуемых женщин (n=57).

1. Физическое и психологическое насилие. 2. Физическое насилие с повреждением тела.
3. Физическое и экономическое насилие.

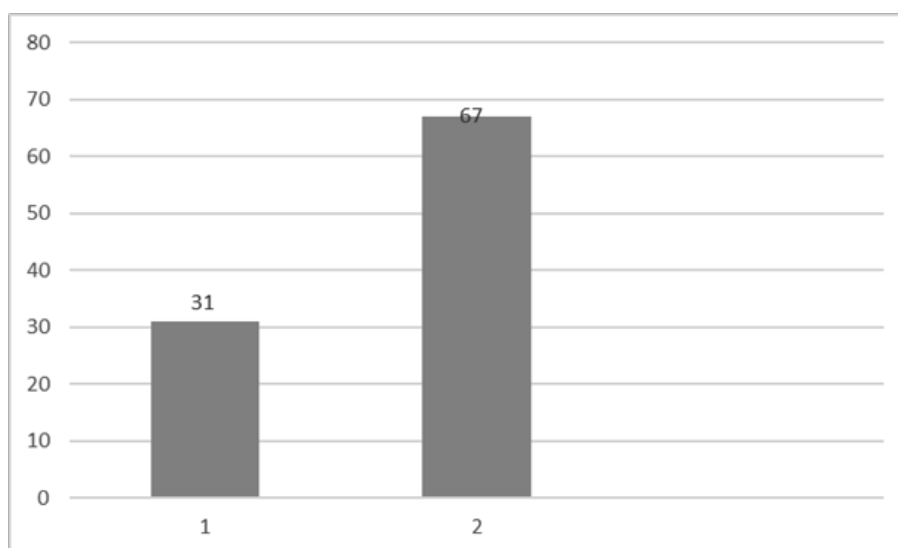

Рис. 2. Виды депрессивных проявлений у испытуемых женщин по опроснику депрессии А. Бэка (n=57)

легкой безнадежности выявлено у $59,1 \pm 6,9\%$ женщин. Средний балл по группе составил $8,18 \pm 3,2$. Состояние умеренной безнадежности определено в $40,8 \pm 6,1\%$ случаев. Средний балл в этой группе составил $15,3 \pm 8,9$. Таким образом в группе респондентов выявлен негативный образ себя как женщины и человека, и отрицательное видение настоящего и будущего.

Результаты проведенные по опроснику ригидности показали, в группе испытуемых, отмечалось увеличение показателей по шкалам: "Симптомокомплекс ригидности" – $125,1 \pm 12,64$ (6), "Ригидность как состояние" – $19,9 \pm 4,21$ (6), «Преморбидная ригидность» – $81,1 \pm 8,52$ (6), "Сенситивная ригидность" – $50,9 \pm 10,13$ (6), «Актуальная ригидность» – $39,8 \pm 7,17$ (6), Установочная ригидность" – $40,4 \pm 6,73$ (6). Увеличение выраженности психической

ригидности у испытуемых, способствует развитию трудностей в подборе форм социального взаимодействия, низкой готовности к вступлению в социальные контакты, склонности принимать источник управления своей жизнью во внешней среде. Высокие параметры шкал опросника ригидности свидетельствуют о склонности испытуемых к фиксированным формам поведения: персеверациям, навязчивостям, стереотипам, упрямству, педантизму и собственно ригидности, которая не поддается коррекции в критических ситуациях. Наличие высокого уровня ригидности по шкале "Преморбидная ригидность" свидетельствует о трудностях в ситуациях, которые требовали перемен в жизни, нового подхода в реализации планов, принятия собственных решений еще в подростковом возрасте.

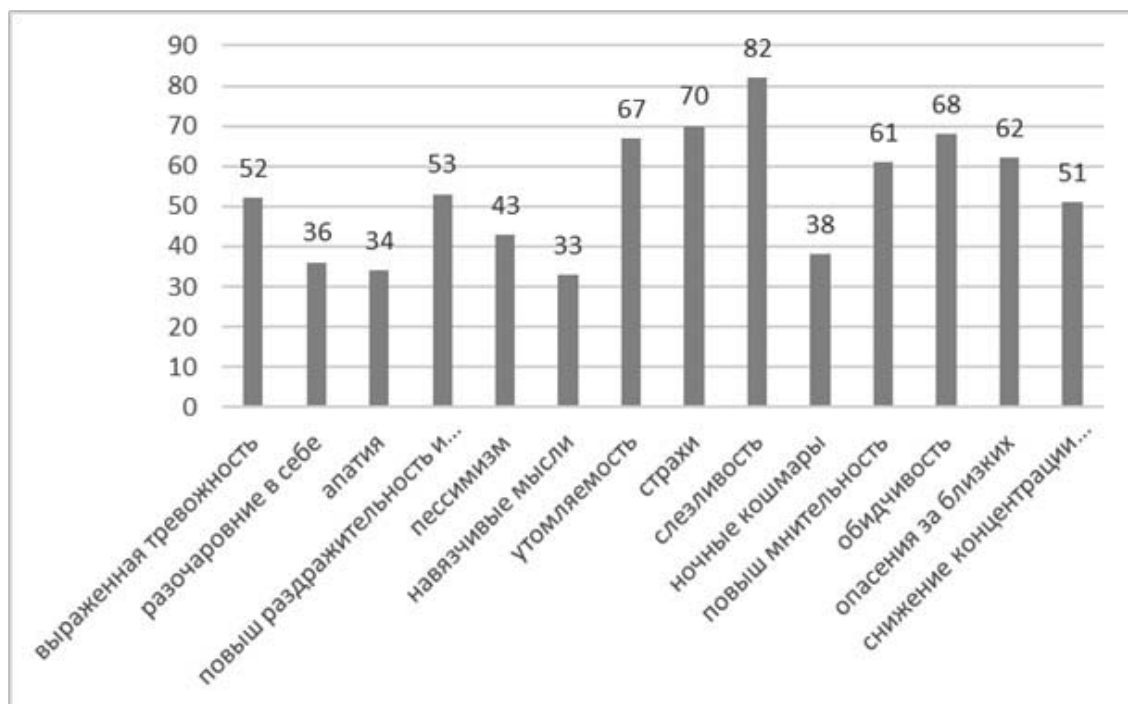

Рис. 3. Результаты тестирования расстройств личности, отражающие изменения в эмоциональных и познавательных сферах по когнитивно-аффективным субшкалам (С-А) опросника депрессии А. Бека у женщин подвергающихся домашнему насилию (n=57).

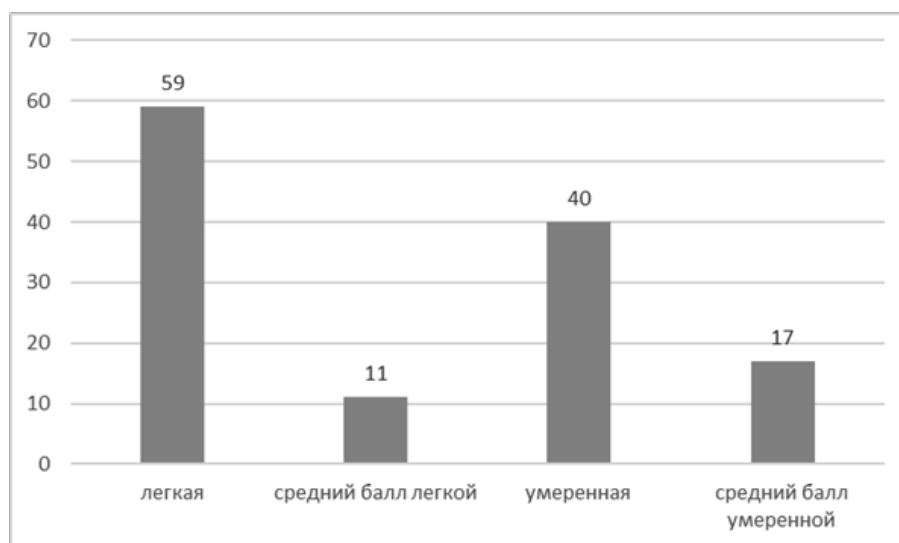

Рис. 4. Анализ результатов по шкале безнадёжности А. Бека у испытуемых женщин (n=57)

Наличие высокого уровня ригидности по шкале "Преморбидная ригидность" свидетельствует о трудностях в ситуациях, которые требовали перемен в жизни, нового подхода в реализации планов, принятия собственных решений еще в подростковом возрасте. Увеличение по шкалам актуальной ригидности, сензитивной ригидности, установочной ригидности у женщин, подвергающихся насилию рассматриваться, как фактор превенции развития невротических проявлений, усиливающий насыщенность переживания боли и страданий и нарушающий их психическое здоровье.

В группе испытуемых женщин были выявлены прямые корреляционные зависимости между шкалой «Симптомокомплекс ригидности» (СКР) и состоянием легкой и умеренной безнадёжности ($r=0,54$ $p<0,05$; $r=0,59$ $p<0,01$). При этом корреляционная связь была более сильной между СКР и состоянием умеренной безнадёжности. Параметры шкалы «Установочная ригидность» имели прямую корреляционную связь с состоянием легкой безнадёжности ($r=0,63$ $p<0,01$), а параметры шкалы «Ригидность как состояние» имели прямую зависимость с состоянием умеренной безнадёжности. ($r=0,51$

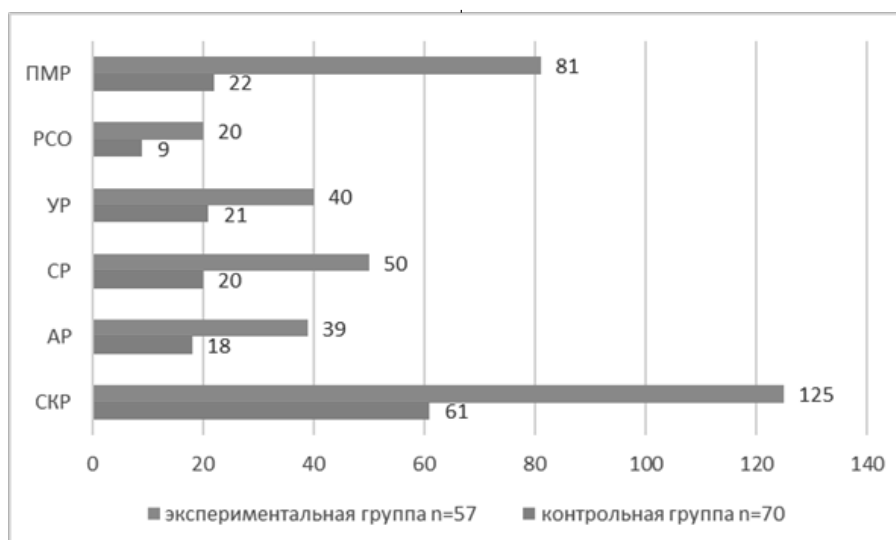

Рис. 5. Психологические особенности проявления ригидности в группе испытуемых женщин, испытывающих насилие по методике TOP3 (6)

$p < 0,05$). Состояние умеренной безнадежности имело положительную корреляционную связь со шкалой «Преморбидной ригидности» ($r=0,58$ $p < 0,01$). Анализ корреляционных взаимосвязей, проведенный между физическим насилием с повреждением тела женщины и депрессивными проявлениями средней степени тяжести определил прямую корреляционную зависимость ($r=0,53$; $p < 0,05$). Положительная корреляционная зависимость была установлена между состоянием умеренной безнадежности и физическим и экономическим насилием ($r=0,49$; $p < 0,05$).

Обсуждение

В результате проведенного исследования были обозначены виды основных насильственных действий в отношении испытуемых женщин. Первый вид включал сочетанное физическое и психологическое насилие ($61,4 \pm 7,51$ %). Второй вид насилия был обусловлен физическим насилием с повреждением тела женщины ($31,4 \pm 9,15$ %). Третий вид включал физическое и экономическое насилие ($28,9 \pm 2,12$ %). Психодиагностическое тестирование по шкале депрессии А.Т. Бэка позволило установить наличие депрессивных расстройств у всех испытуемых. Результаты тестирования по шкале безнадежности установили состояния легкой безнадежности у $59,1 \pm 6,9$ %, умеренной безнадежности у $40,8 \pm 6,1$ % женщин. Данные полученные по опроснику ригидности показали увеличение по шкалам актуальной ригидности, сензитивной ригидности, установочной ригидности у женщин, подвергающихся насилию, что рассматривается, как фактор превенции развития невротических проявлений, усиливающий насыщенность переживания боли и страданий и нарушающий их психическое здоровье.

Согласно полученным результатам тестирования

по когнитивно-аффективным субшкалам (С-А) установлены расстройства личности, отражающие изменения в эмоциональных и познавательных сферах. Анализ корреляционных взаимосвязей, установил, что наиболее значимым фактором в развитии депрессии у женщин, подвергающихся домашнему насилию является физическое насилие с повреждением тела женщины корреляционная зависимость между этими показателями составила ($r=0,53$; $p < 0,05$). Также положительная корреляционная зависимость была установлена между состоянием умеренной безнадежности и физическим и экономическим насилием ($r=0,49$; $p < 0,05$). Согласно анализу, данных по шкале безнадежности А. Бэка у женщин, испытывающих длительное домашнее насилие безнадежность можно рассматривать как систему негативных ожиданий на будущее.

Таким образом основными психологическими предикторами способствующими риску нарушений психосоматического здоровья и развитию непсихотических психических расстройств, у женщин, подвергающихся домашнему насилию явились: 1) увеличение показателей по шкалам опросника ригидности; 2) наличие состояний легкой и умеренной безнадежности; 3) депрессивные проявления легкой и средней степени выраженности; 4) соматические показатели нарушения мультимодального психического состояния с повышенным уровнем эмоциональной напряженности, тревоги, разочарованием в себе, повышенной раздражительностью, пессимизмом, навязчивыми мыслями, повышенной мнительностью. Значимым фактором, способствующим нарушению психосоматического здоровья у женщин, подвергающихся домашнему насилию, является физическое насилие с повреждением тела женщины и развитием на этом фоне депрессивных расстройств. Корреляционная зависимость между этими показате-

лями составила ($r=0,53$; $p<0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований проблемы психического и соматического здоровья женщин, подвергающихся домашнему насилию с целью выявления предикторов нарушения механизмов психологического гомеостаза, функционирования нервной системы и их воздействие на изменения поведения.

Выводы.

1. На основании данных анкетирования установлены виды применения насильственных действий в отношении испытуемых женщин. Первый вид включал сочетанное физическое и психологическое насилие ($61,4\pm 7,51\%$). Второй вид насилия был обусловлен физическим насилием с повреждением тела женщины ($31,4\pm 9,15\%$). Третий вид включал физическое и экономическое насилие ($28,9\pm 2,12\%$).
2. Весомым фактором, приводящим к развитию психологических и соматических расстройств у женщин жертв семейного насилия, является физическое повреждение тела женщины, сопровождающееся депрессивными эпизодами. Прямая корреляционная зависимость между этими показателями составила ($r=0,53$; $p<0,05$).

3. Установлены психологические предикторы, способствующие нарушению психосоматического здоровья, у женщин, подвергающихся семейному насилию. Наиболее значимые из них: увеличение показателей по шкалам опросника ригидности; наличие состояния умеренной безнадежности; депрессивные проявления легкой и средней степени выраженности; соматические проявления нарушения мультимодального психического состояния с повышенным уровнем эмоциональной напряженности.
4. Согласно данным проведенного тестирования по шкале депрессии у женщин, подвергающихся длительному семейному насилию на основании когнитивно-аффективных субшкал (С-А) установлены расстройства личности, отражающие изменения в эмоциональных и познавательных сферах.
5. Полученные результаты психологических особенностей нарушений психосоматической регуляции у женщин, подвергающихся семейному насилию, являются значимым фактором для разработки и внедрения в этой группе лиц реабилитационных, психологических, психотерапевтических и лечебных методов, направленных на улучшение качества семейной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Райкова К.А., Ефимов А.А., Савенкова Е.Н., Гирюк С.А., Корсак В.О. Анализ проблемы домашнего насилия и путей ее решения в современном мире // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 3.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31810>
2. Truman, J.L. Nonfatal Domestic Violence, 2003-2012 [Electronic resource] / J.L. Truman, R.E. Morgan // U.S. Department of Justice Office of Justice Programs Bureau of Justice Statistics: 2014: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ndv0312.pdf>.
3. Сухов А.Н. Семейные конфликты, связанные с насилием // Домашнее насилие: предупреждение и ответственность. – 2022. – С. 122-123.
4. Ларченко В.О., Кучеренко С.В., Шарова Т.В. Некоторые аспекты проблемы домашнего насилия // Актуальные проблемы государственно-правового развития России. – 2023. – С. 43-47.
5. Ефимова М.П. К вопросу о понятии семейного насилия / М.П. Ефимова // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2020. – № 3(19). – С. 45-53.
6. Иликеева Ю.А., Полянина О.А. Государственные меры в отношении домашнего насилия в России // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в условиях реализации приоритетных национальных проектов в Российской Федерации. – 2019. – С. 70-74.
7. Качаева М.А., Шишкина О.А. Психолого-психиатрические проблемы у женщин жертв внутрисемейного насилия и их особенности в условиях самоизоляции в результате пандемии COVID-19 // Психология и право. 2021.11 (3). 131—155.
8. Haq W, Raza S.H., Mahmood T. The pandemic paradox: domestic violence and happiness of women // Peer J. 2020. Vol. 24(8). P.10472.
9. Психология кризисных состояний. Особенности гендерного реагирования / Т.А. Кожевникова, В.В. Костарев, И.Я. Стоянова, А.А. Грешилов; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2018. – 192 с.
10. Monti J.D., Rudolph K.D. (2014) Emotional awareness as a pathway linking adult attachment to subsequent depression // Journal of Counseling Psychology. – . 61 (3). 374–382.
11. Insecure Attachment and Subclinical Depression, Anxiety, and Stress: A Three-Dimensional Model of Personality Self-Regulation As a Mediator (2018) / A. Valikhani, Z. Abbasi, E. Radman // The Journal of Psychology. 152 (8). 548–572.
12. Stein M.L., Miller A.K. (2012) Distress resulting from perceivers' own intimate partner violence experiences predicts culpability attributions toward a battered woman on trial for killing her abuser: a path model // J. Interpers Violence. 27. (13). 2527–2544.
13. Небезопасная привязанность и депрессия у взрослых / Е.В. Куфтяк, А.С. Слюсарев, М.Ю. Козлов // Психологический журнал. – 2021. 42 (5). 17–23
14. Волкова Э.Б. Бытовая преступность как феномен современной культуры // Молодежь и XXI век: сб. научных статей 13-й Международной молодежной научной конф., В 3-х томах- Курск, 15–16 февр., 2024 г.-ЗАО" Университетская книга" - С.47-50.

15. Beck, A.T., Ward, K., Mendelsohn, M. (1961) A questionnaire for measuring depression. Archives of General Psychiatry, 4, 561-571.
16. Owen, S.W. (1992) "A review of the Beck Hopelessness Scale." Eleventh Annual Review of Psychological Measurement, 82-83.
17. Залевский Г.В. Томский опросник ригидности (ТОРЗ) / Г.В. Залевский // Сибирский психологический журнал. — 2000, 12. 129-137.
18. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика: Учебное пособие для вузов. — 10-е издание, стереотипное. — Москва: Высшая школа, 2004. — 479 с. — ISBN 5-06-004214-6.

© Костарев Владислав Владимирович (vladkost@list.ru), Кожевникова Татьяна Альбертовна (kogevnikova52@bk.ru)

Иванова Елена Владимировна (itisnice@mail.ru),

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF LIFE SATISFACTION IN ADULTHOOD

S. Kravchenko

Summary: In modern psychological science, there is a transformation of approaches to understanding the phenomenon of life satisfaction. Under the influence of global social changes, traditional ideas about life well-being require a fundamentally new interpretation. Currently, the world is experiencing key changes, such as an increase in the population's income levels, a shift in values towards career success and self-development, the active introduction of digital technologies in communication, the intensification of environmental risks, and the growing tension in international relations. These changes are fundamentally transforming the system of human needs and leading to a revision of key aspects of psychological well-being, giving a new meaning to the traditional concept of life satisfaction.

The article analyzes the concepts of adulthood and life satisfaction, and reveals the factors of life satisfaction. The author's hypothesis suggests that the main factors of life satisfaction in adulthood are family well-being, personal security, professional fulfillment, and financial prosperity. Sample. The sample size was 100 people. The survey involved representatives of psychological professions aged 36 to 55. All respondents agreed to participate.

Selection. The sample size is 100 people. The survey involved representatives of psychological professions from 36 to 55 years old. All respondents agreed to participate. Results. The statistical analysis revealed a stable relationship between the overall level of life satisfaction measured by testing and the subjective assessment of various aspects of life obtained during the survey.

Keywords: life satisfaction, mature age, subjective well-being, realization, satisfaction factors.

Кравченко Светлана Витальевна

соискатель, Новосибирский государственный
педагогический университет
kravsve@gmail.com

Аннотация: В современной психологической науке наблюдается трансформация подходов к пониманию феномена удовлетворенности жизнью. Под влиянием глобальных социальных изменений традиционные представления о жизненном благополучии требуют принципиально нового осмысления. В настоящее время в мире наблюдаются ключевые изменения, такие как увеличение уровня доходов населения, смещение ценностей в сторону карьерного успеха и саморазвития, активное внедрение цифровых технологий в коммуникацию, усиление экологических рисков и рост напряженности в международных отношениях. Они кардинальным образом преобразуют систему человеческих потребностей и влекут за собой пересмотр ключевых аспектов психологического благополучия, наполняя традиционное понятие удовлетворенности жизнью качественно новым содержанием.

В статье анализируются понятия зрелого возраста и удовлетворенности жизнью, раскрываются факторы удовлетворенности жизнью. Авторская гипотеза подразумевает, что основными факторами удовлетворенности жизнью у людей зрелого возраста являются семейное благополучие, личная безопасность, профессиональная реализация и финансовое благосостояние.

Выборка. Объем выборки 100 человек. В опросе участвовали представители психологических профессий от 36 до 55 лет. Все респонденты дали согласие на участие.

Результаты. Проведенный статистический анализ выявил устойчивую зависимость между общим уровнем удовлетворенности жизнью, измеренным с помощью тестирования, и субъективной оценкой различных аспектов жизни, полученной в ходе опроса.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, зрелый возраст, субъективное благополучие, реализация, факторы удовлетворенности.

Введение

В период зрелости у людей обычно формируется устойчивая психологическая стабильность, достигается финансовая определенность, реализуются профессиональные амбиции и укрепляются семейные связи; особую значимость приобретают вопросы сохранения физического здоровья и поддержания эмоционального равновесия.

Согласно данным Росстата (2024), численность населения зрелого возраста в России на начало 2023 года превышала 54,8 млн человек, что делает эту группу наиболее многочисленной. В связи с этим изучение уровня их жизненной удовлетворенности приобретает особую

важность – оно позволяет не только выявить ключевые детерминанты благополучия, но и заложить основы для эффективной социальной политики.

Анализ современных психологических исследований показывает, что проблема удовлетворенности жизнью чаще всего рассматривается через призму структурных компонентов психологического благополучия. Однако существующие работы имеют ряд ограничений: во-первых, основной акцент делается на внешние обстоятельства, а во-вторых, в качестве испытуемых обычно выступают либо студенты, либо пожилые люди. В результате остается недостаточно изученным, какие именно факторы влияют на субъективное благополучие людей, находящихся на разных этапах зрелости.

Материалы и методы исследования

Определение границ зрелого возраста, его подпериодов в психологии дискуссионно. Так, например, Д. Левинсон особое внимание уделяет изучению периода от 35 до 45 лет. Также данный автор выделил переходы, в частности:

- переход к ранней взрослости - 17- 22 года;
- переход 30-летия- 28- 33 года;
- переход средней взрослости - 40- 45 лет.

Б.Г. Ананьев к периоду зрелости относит возраст от 18 до 60 лет, разделяя его на три периода [5]:

- раннюю взрослость (18–25 лет),
- среднюю взрослость (26–46 лет),
- позднюю взрослость (47–60 лет).

У Г. Крайг имеются те же периоды, но с иными возрастными границами (21–40, 41–60 и 60–65 лет до смерти) [5].

Е.С. Матюхина, С.И. Баляев определили следующие подходы к понятию «зрелый возраст»: зрелый возраст в психологии характеризуется тремя периодами зрелости [9]:

- ранняя зрелость от 25 до 35 лет,
- средняя зрелость от 36 до 55 лет,
- поздняя зрелость от 56 до 75 лет.

Периодизация Э. Эриксона включает 8 последовательных стадий. Каждая характеризуется кризисом. [5]. Так называемый этап взрослости, «средний возраст» в концепции Э. Эриксона делится на: раннюю (20–40 лет), среднюю (40–60) и позднюю (65+) зрелость.

Согласно периодизации Б. Ньюгартена [19] периодизация зрелого возраста включает стадии:

- молодая зрелость (25–40 лет) – активное профессиональное становление;
- средняя зрелость (40–55 лет) – пик карьеры, кризис «половины жизни»;
- поздняя зрелость (55–75 лет) – подготовка к старости, выход на пенсию.

По периодизации В. Полякова [5] выделяется:

- ранняя зрелость (22–35 лет) – самореализация в профессии и семье;
- расцвет (36–45 лет) – стабилизация, возможный кризис смысла;
- поздняя зрелость (46–60 лет) – передача опыта, новые интересы;
- предпенсионный возраст (55–65 лет) – переориентация на нематериальные ценности.

(См. таблицу 1.)

Так, одни авторы разделяют взрослость на 3-4 периода. Другие же авторы сходятся в том, что зрелость расчленяется на раннюю и позднюю. В статье будет рассматриваться возраст средней зрелости, согласно периодизации Е.С. Матюхиной, С.И. Баляева, а также В. Полякова- 36-55 лет.

Период *средней зрелости* (36–55 лет), выделяемый в рамках расширенной модели зрелого возраста (Матюхина, Баляев; Поляков), представляет собой центральную и наиболее сложную фазу взрослости, характеризующуюся динамичным взаимодействием достигнутых вершин развития и специфических возрастных кризисов. Его ключевые особенности:

- достигается максимальный уровень компетентности, экспертизы и авторитета в основной деятельности;
- происходит оценка соответствия достигнутых результатов ранним амбициям и жизненным планам. Возникает феномен «карьерного плато»;
- доминирует стремление к продуктивному вкладу в будущее через работу, наставничество, создание значимых продуктов или идей;
- кризис середины жизни выступает как нормативный перелом, инициирующий переоценку приоритетов;
- возрастает значимость вопросов смысла жизни, личного наследия и конечности бытия;
- наблюдается тенденция к большей целостности и принятию себя;
- пересматриваются супружеские отношения, ча-

Таблица 1.

Автор	Ранняя зрелость	Средняя зрелость	Поздняя зрелость
Э.Эриксон	20–40 лет	40–65 лет	65+ лет
Д. Левинсон	17–45 лет	40–65 лет	65 + лет
Б. Ньюгартен	25–40 лет	40–55 лет	55–75 лет
В. Поляков	25–35 лет	36–45 лет	46–60 лет
Е.С. Матюхина, С.И. Баляев	25–35 лет	36–55 лет	56–75 лет
Б.Г. Ананьев	18–25 лет	26–46 лет	47–60 лет
Г. Крайг	21–40 лет	41–60 лет	60–65 и далее
Д.Б. Бромлей	18–25 лет 28–33 года	18–25 лет	18–25 лет

сто в условиях «опустевшего гнезда»;

- происходит сознательное «прореживание» социальных связей;
- лица данной возрастной категории особенно восприимчивы к экономической нестабильности, глобальным кризисам (пандемии, конфликты), так как они напрямую влияют на их ключевые сферы ответственности (семья, карьера, планы на будущее) и ощущение безопасности.

Рассмотрим, какие факторы удовлетворенности жизнью являются значимыми для этой возрастной группы.

Удовлетворенность жизнью зависит от множества взаимосвязанных факторов, которые в широком смысле жизнью можно разделить на:

- внутренние, связанные с характером личности, с собственными переживаниями, способностью справляться со стрессом, с коммуникативными способностями;
- внешние, относящиеся к обстоятельствам, которые окружают человека.

Так же факторы можно систематизировать как:

- индивидуально-психологические факторы: личностные особенности (оптимизм, экстраверсия, устойчивость к стрессу); когнитивные оценки (восприятие успеха, сравнение себя с другими);
- социальные факторы: качество межличностных отношений (семья, друзья), социальная поддержка (чувство), социальный статус и признание;
- экономические и материальные условия: уровень дохода и финансовой стабильности; условия труда и карьерная самореализация; доступ к базовым и дополнительным ресурсам (жилье, медицина, образование, досуг);
- культурные и средовые влияния;
- физическое здоровье и образ жизни, доступ к медицинской помощи.

Позитивное мышление как один из ключевых факторов удовлетворенности жизнью помогает человеку сохранить психическое благополучие, быть устойчивым к негативным воздействиям [7].

Стрессоустойчивость выступает значимым внутренним фактором для удовлетворенности жизнью и схожа со способностью к адаптации.

Социальные отношения. На субъективное восприятие качества жизни во многом воздействует социальное окружение. Близкие, доверительные контакты с родными и друзьями обеспечивают психологический комфорт, дарят чувство взаимопонимания и осознание собственной значимости в системе человеческих взаимоотношений. Сюда входят и семейные отношения. Так, Е.С.

Кашина [6, с.602] определила, что сложные отношения в семье и браке негативно влияют на удовлетворенность жизни людей, в то время как удовлетворенность браком, вырабатываемая со временем путем совместной психологической работы, благоприятно отражается на общей удовлетворенности жизнью.

И.В. Кузнецова, Н.Л. Оконешникова, Я.Е. Виноградова установили, что удовлетворенность в общении имеет прямое отношение к удовлетворенности жизнью [8, с.96].

Самоактуализация и самореализация. Процесс раскрытия личностного потенциала и профессиональная реализация создают основу для выполнения жизненных задач, способствуют личностному росту и помогают сформировать индивидуальные предпочтения, что в конечном итоге повышает общий уровень удовлетворенности.

Финансовое благополучие представляет собой существенный компонент в системе оценки удовлетворенности. Индивиды, испытывающие финансовые затруднения, регулярно сталкиваются с комплексом отрицательных переживаний, что неизбежно снижает их способность испытывать удовлетворение от различных аспектов бытия.

Удовлетворенность работой. Профессиональная деятельность и карьерный рост занимают центральное место в системе ценностей современного общества. Как отмечает Н.Э. Соболева [13, с.389], за последнее пятилетие количество научных работ, посвященных изучению удовлетворенности трудовой деятельностью, втрое превысило число исследований, касающихся семейного благополучия. Данная тенденция может указывать на переориентацию общественных приоритетов в сторону профессиональной сферы.

Как отмечает Н.Н. Хащенко [14, с.150], *экологическая ситуация* в современном мире приобрела особую значимость. Гармоничное взаимодействие индивида с природной средой оказывает непосредственное воздействие на межличностные связи, процессы саморазвития и чувство защищенности.

Религиозные убеждения способны существенно влиять на субъективное благополучие последователей. Как показывают исследования, соблюдение религиозных норм обеспечивает ощущение социального принятия, способствует духовному росту и усиливает чувство жизненной удовлетворенности.

А. Омельченко, С.Г. Максимова и О.Е. Ноянзина подчеркивают ключевую роль социальной безопасности в формировании удовлетворенности жизнью [10, с.19]. Особую актуальность этот вопрос приобретает в регионах, граничащих с другими государствами.

Состояние физического здоровья представляет собой важный детерминант качества жизни. Длительные расстройства здоровья и ограничения физических возможностей закономерно вызывают ухудшение качества повседневного существования.

Как отмечает Е.С. Бердышева в своем исследовании [2, с.17], наряду с телесным здоровьем, душевное равновесие во многом определяет степень гармонии человека с собственной жизнью. Его сохранение во многом определяется гармонией семейных отношений и оптимальным соотношением периодов активности и восстановления.

Перечисленные факторы взяты за основу для опроса удовлетворенности жизнью людей зрелого возраста.

Результаты исследования

С целью подтверждения гипотезы осуществлено исследование причин, определяющих уровень удовлетворенности жизнью лиц среднего зрелого возраста. В исследовании приняли участие 100 респондентов - в возрасте от 36 до 55 лет.

Основное предположение заключалось в том, что ключевыми детерминантами субъективного благополучия у данной возрастной категории выступают: материальная обеспеченность, профессиональная реализация, семейные отношения, социальное окружение, личная безопасность.

В начале исследования в список факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью лиц зрелого возраста, вошли: финансовое благополучие, работа (реализация), семья, окружение, безопасность, позитивное мышление, стрессоустойчивость, здоровье, религия и вера, досуг.

Затем проведена оценка степени важности каждого из факторов в общей удовлетворенности жизнью с помощью «Шкалы Ликерта». Важность каждого фактора предлагалось оценить, выбрав один из вариантов ответов в диапазоне от 1 («полностью не согласен» в важности данного фактора) до 10 («полностью согласен»).

После этого испытуемые оценили реализованность каждого фактора лично для себя и был проведен анализ соотношения факторов, важных для удовлетворенности жизнью вообще и степень удовлетворенности лично для себя.

Результаты исследования

Лидирующие позиции в удовлетворенности жизнью заняли следующие факторы (Рисунок 1)

- безопасности (7,8),
- окружения и социальных отношений (7,7),
- семьи (7,6),
- работы,
- финансов (7,4).

Три наиболее важных фактора в удовлетворенности жизнью, по представлению лиц зрелого возраста, заняли факторы безопасности, окружения и семьи.

Рис. 1. Степень важности отдельных факторов в общей (интегральной) удовлетворенности жизнью, по мнению лиц зрелого возраста (ср.зн.)

Указанные социально-психологические факторы дополняются профессиональной самореализацией и материальным достатком. Согласно субъективным оценкам респондентов средней возрастной категории, ощущение жизненного благополучия во многом определяется успешностью в трудовой деятельности. Наименее существенное, но заметное влияние оказывает уровень финансовой обеспеченности.

Среди наименее значимых аспектов, влияющих на удовлетворенность жизнью в исследуемой группе, были выделены (в порядке возрастания важности):

- религиозные убеждения (5,7 баллов)
- организация свободного времени или досуг (6,1 балла)
- оптимистичный взгляд на жизнь (6,5 баллов)
- способность противостоять стрессам (6,8 баллов)
- здоровье (7,0 баллов)

На третьем этапе осуществлена оценка уровня удовлетворенности каждым фактором из списка лично для себя лицами зрелого возраста. В данном случае оценка проводилась по 10-балльной шкале (где 1 баллу соответствовала абсолютная неудовлетворенность респондентов каждым фактором из списка анкеты, а 10 баллам соответствовала абсолютная удовлетворенность респондентов каждым фактором из списка анкеты).

Проведенное исследование среди респондентов возрастной группы средней зрелости выявило суще-

ственные различия в степени удовлетворенности по десяти анализируемым параметрам (рис.2). Наибольшие показатели благополучия были зафиксированы по следующим аспектам: фактор религии, или веры (8,1); фактор досуга, или рекреации (7,8); фактор семьи (7,4); фактор работы, включающий профессиональную самореализацию и карьеру (7,3); фактор окружения, или социальных отношений (6,7).

В меньшей степени лица возраста средней зрелости на момент проведения исследования были удовлетворены собственной жизнью по следующим факторам: фактор безопасности (4,2); фактор позитивного мышления (4,6); фактор финансового благополучия (5,3); фактор стрессоустойчивости (6,1); фактор здоровья (6,3).

Далее был проведен анализ соотношения факторов, важных для удовлетворенности жизнью, и факторов, по которым респонденты реально удовлетворены жизнью.

В пятерку факторов, по которым респонденты оказались наиболее удовлетворены жизнью, вошли три фактора, ранее признанные участниками исследования наиболее важными. Это: фактор семьи; работы (включающий проф. реализацию); окружения. Исходя из данных результатов, можно говорить о том, что лица зрелого возраста, принявшие участие в исследовании, чувствуют поддержку семьи, ощущают себя профессионально состоявшимися, а также довольны окружением.

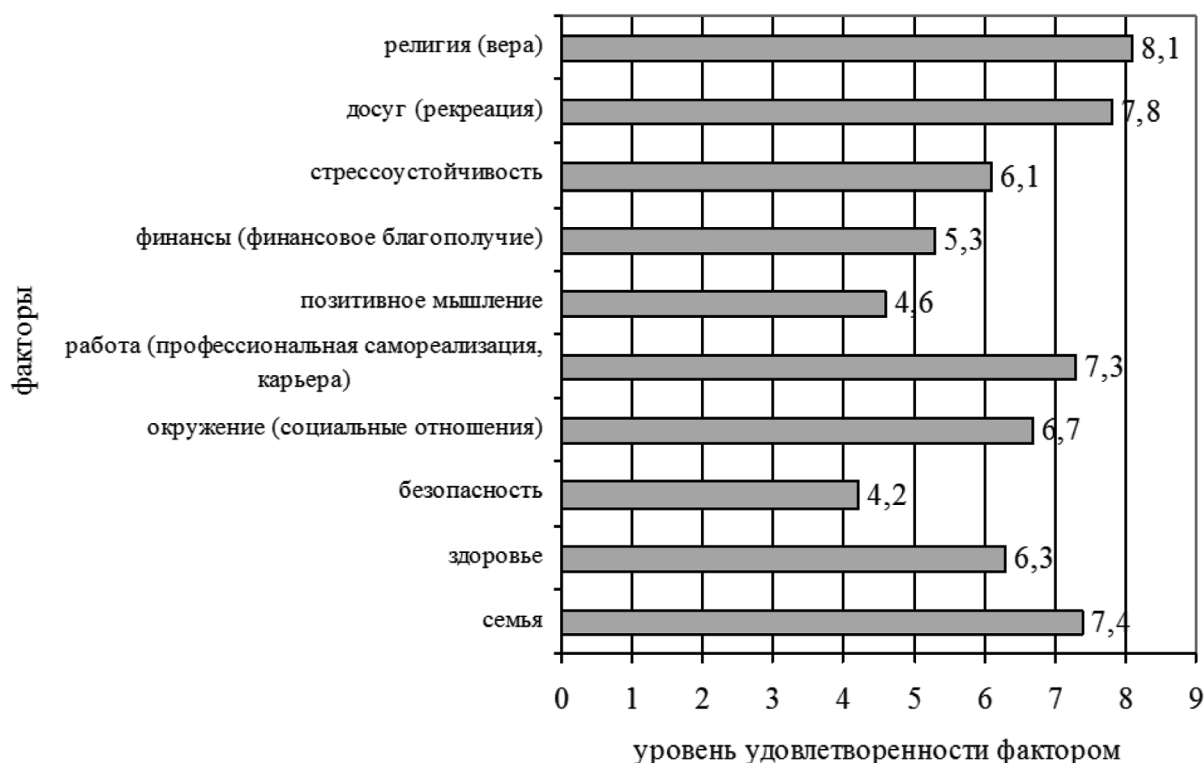

Рис. 2. Уровень удовлетворенности каждым фактором у лиц зрелого возраста (ср.зн.)

В пятерку факторов, по которым респонденты на момент проведения исследования наименее удовлетворены жизнью, вошли два фактора, ранее признанные участниками исследования наиболее важными для жизненной удовлетворенности. Это: фактор безопасности и фактор финансового благополучия. Исходя из данных результатов, можно говорить о том, что лица зрелого возраста, принявшие участие в исследовании, не ощущают себя в безопасности в широком смысле, а также не удовлетворены своим финансовым состоянием.

На заключительной стадии исследования был осуществлен количественный анализ степени влияния различных аспектов на общую удовлетворенность респондентов. С помощью процентного соотношения определялся фактический вес каждого рассматриваемого параметра в формировании субъективного ощущения удовлетворенности у представителей средней возрастной группы (см. рис 3).

Проведенный анализ выявил, что основное влияние на психологическое благополучие людей возраста средней зрелости оказывают три ключевых аспекта: семейные отношения, социальные связи и профессиональная деятельность. При этом такие параметры, как материальная обеспеченность и чувство защищенности, продемонстрировали относительно меньшую значимость в общей структуре удовлетворенности жизнью.

Несмотря на декларируемую важность финансовой стабильности и безопасности (см. рис. 1), фактический уровень удовлетворенности этими аспектами среди

участников оказался недостаточно высоким (рис. 2). Как следствие, их совокупный вклад в общее ощущение благополучия оказался существенно ниже ожидаемого (рис.3).

Семейный фактор достоверно взаимосвязан с индексом жизненной удовлетворенности в период зрелого возраста. Фактор работы связан с положительной оценкой себя и своих поступков.

Думается, у лиц другой группы, например, у людей, не имеющих образования, проживающих не в крупных городах, а в сельской местности, факторы удовлетворенности жизнью были бы иные.

Результаты проведенного исследования, выявляющие ключевые детерминанты удовлетворенности жизнью в возрастной группе средней зрелости, обладают значительным прикладным потенциалом. Они могут служить: основой для дальнейших научных изысканий в области психологии зрелого возраста; методологической базой для разработки аналитических методик; теоретическим фундаментом для создания социальных программ и проектов.

Заключение

Изучение научных источников позволило определить ключевые аспекты, формирующие уровень удовлетворенности жизнью у людей зрелого возраста: профессиональная реализация, ощущение социальной и личной защищенности, качество межличностных отношений, возможность самореализации, физическое

Рис. 3. Вклад каждого фактора в удовлетворенность жизнью у лиц зрелого возраста (%)

и психологическое здоровье, семейные отношения, материальная обеспеченность и комфортные условия жизни.

Проведенный опрос выявил противоречивую картину: хотя наибольшую значимость для участников имеют безопасность, общение, семья, профессиональная деятельность и финансовая стабильность, именно материальное положение и чувство защищенности вызывают у них наибольшую неудовлетворенность. В то же время семейные отношения, коммуникация и работа оценива-

ются более позитивно. Это свидетельствует о преобладании негативных оценок в таких сферах, как финансовая обеспеченность и личная безопасность, что в целом снижает общий уровень удовлетворенности жизнью.

Полученные выводы открывают перспективы для совершенствования подходов к изучению и оптимизации качества жизни данной демографической группы. Материалы исследования могут быть полезны как для научного сообщества, так и для организаций, занимающихся разработкой социальных инициатив.

ЛИТЕРАТУРА

- Белехова, Г.В., Ивановская, А.Л. Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин (региональный аспект) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 209–222. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48058512> (дата обращения 23.06.2025)
- Бердышева, Е.С. Вариативность ценности здоровья в социальных полях: вызовы и стимулы самосохранительных практик // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 9–39. // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44928197> (дата обращения 23.05.2025)
- Вязовова, Н.В., Камицына, М.С. Динамика удовлетворенности браком в семьях с различным стажем супружества // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 56–65. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48205665> (дата обращения 23.05.2025)
- Ермолаева М.В. Психология зрелого и позднего возрастов в вопросах и ответах: учеб. пособие. — Москва: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. — 280 с.
- Ильин, Е.П. Психология взрослости. — М.: Питер, 2012. — 544 с.
- Кашина, Е.С. Семья, брак и удовлетворенность семейной жизнью // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. – № 1(64). – С. 601–603. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50266374> (дата обращения 03.06.2025)
- Ковтуненко, А.Ю., Ерзин, А.И. Оптимизм как коррелят благополучного старения [Электронный ресурс] // Психология и психотехника. – 2019. – № 4. – С. 89–100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42380439> (дата обращения: 11.06.2025)
- Кузнецова, И.В., Оконешникова, Н.Л., Виноградова, Я.Е. Субъективная оценка удовлетворенности общением // И.В. Кузнецова, Н.Л. Оконешникова, Я.Е. Виноградова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2023. – Т. 14. – № 1. – С. 91–111. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53747343> (дата обращения 20.06.2025)
- Матюхина, Е.С., Баляев, С.И. Психологические особенности ценностно-смысловой сферы в зрелом возрасте // Наука в жизни человека. – 2023. – № 3. – С. 116–122. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=58901106> (дата обращения: 18.06.2025)
- Омельченко, Д.А., Максимова, С.Г., Ноянзина, О.Е. Социальная безопасность региональных социумов российского приграничья: индивидуальные и институциональные факторы // Society and Security Insights. – 2021. – Т. 4. – № 3. – С. 13–37. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47123168> (дата обращения 10.05.2025)
- Опекина, Т.П. Теоретический анализ понятий самореализации, самоактуализации и самоэффективности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2021. – Т. 27. – № 2. – С. 7–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46340704> (дата обращения 23.05.2025)
- Панзабекова, А.Ж., Дигель, И.Е. Личная безопасность как показатель качества жизни населения // Society and Security Insights. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 60–74. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43001598> (дата обращения 14.06.2025)
- Соболева, Н.Э. Факторы, влияющие на вклад удовлетворенности работой в удовлетворенность жизнью в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1(155). – С. 368–390. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42561441> (дата обращения 15.06.2025)
- Хашченко, Н.Н. Связь актуального экологического сознания личности и переживания человеком чувства единения с природой // Пензенский психологический вестник. 2020. № 2(15). С. 139–151. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44465714> (дата обращения 17.06. 2025)
- Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Росстат [сайт]: rosstat.gov.ru – 2025. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 19.06.2025)
- Diener, E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. – 1984. – Vol. 95. – P. 542–575.
- Hahn, E., Spech, J., Gottschling, J. & Spinath, F. Coping with unemployment: the impact of unemployment duration and personality on trajectories of life satisfaction. European Journal of Personality, 29(6), 635–646. Available from: <https://doi.org/10.1002/per.2034>
- Harrison, Mark & King, Ronnel & Wang, Hui. Satisfied teachers are good teachers: The association between teacher job satisfaction and instructional quality. British Educational Research Journal. – 2023. – 10.1002/berj.3851.
- Neugarten B. Personality in Middle and Late Life, 1964
- Weiss, H.M. Deconstructing job satisfaction: Separating evaluations, beliefs and affective experiences // Human resource management review. – 2002. – Т. 12. – № 2. – С. 173–194.

© Кравченко Светлана Витальевна (kravsvs@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛИЗАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

SOCIALIZATION AND ADAPTATION FEATURES OF MIGRANT WORKERS FROM CENTRAL ASIA IN THE RUSSIAN FEDERATION

K. Markaryan

Summary: The article analyzes a theoretical overview of migration issues from the Republics of Central Asia, as well as the adaptation of migrant workers. The psychological difficulties that arise in the process of their socialization into the new cultural society of the host country are described. The article presents the socio-psychological, ethnic characteristics of the ethological index of migrant workers from Central Asia in the Russian Federation. The main focus is on the causes of aggressive behavior of migrant workers as a result of changes in the mental and psychosomatic state of the individual.

Keywords: migration, migrant workers from Central Asia, adaptation, ethnicity, society, psychological problems, aggression.

Маркарян Карен Владиславович

Аспирант, ФГАО ВО «Государственный университет
просвещения» (г. Москва)
karen.markaryan.90@bk.ru

Аннотация: В статье анализируется теоретический обзор вопросов миграции из Республик Средней Азии, а также адаптация трудовых мигрантов. Описываются психологические трудности, возникающие в процессе их социализации в новое культурное общество принимающей страны. В статье представлены социально-психологические, этнические характеристики этнологического показателя трудовых мигрантов из Средней Азии в Российской Федерации. Основной акцент направлен на причины возникновения агрессивного поведения трудовых мигрантов как результат изменения психического и психосоматического состояния личности.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты из Средней Азии, адаптация, этническая принадлежность, социум, психологические проблемы, агрессия.

Актуальность темы исследования

Современное российское общество – это сложная социокультурная система, подвергающаяся множественным изменениям и, в особенности, под воздействием миграционных движений. Массовые потоки миграции увеличивают актуальность процессов адаптации новых и местных жителей друг к другу, преимущественно среди молодого поколения. От уровня адаптивности любого мигранта в новую культурную среду зависит жизнедеятельность всего сообщества и судьба любого отдельного его субъекта.

Выбор темы обусловлен интересом к проблеме адаптации мигрантов Средней Азии к новым социокультурным условиям, а также к вариантам преодоления дезадаптивных паттернов поведения мигрантов, выражающихся в повышенной агрессии. Новая социокультурная среда, вследствие низкой толерантности к мигрантам, воспринимается как враждебная. Человек, недавно прибывший в страну, вместо повышения личностной эффективности, реализации себя как полноценного гражданина и эффективного сотрудника, начинает отвечать агрессией. Такая агрессия часто переходит из внутреннего состояния во внешнее, выражаясь как в виде вербальной и активной, так и в особо сложных ситуациях, переходя в физическую плоскость. Важным фактором в данном случае является поиск причин агрес-

сивного поведения. Корни данного процесса обусловлены историей развития норм и морали в системе воспитания мигранта в детстве, а ключевой особенностью могут являться именно трудности в адаптации к новым социокультурным условиям.

Помимо этого, если анализировать данную проблему с точки зрения гуманистического подхода в психологии, трудности в адаптации мигрантов, и, как следствие, их агрессивное поведение могут быть обусловлены нарушениями, связанными с построением Я-концепции человека, кардинально сменившего место постоянного жительства.

Проблема исследования

Проблема исследования состоит в недостаточной изученности феномена психологической адаптации мигрантов Средней Азии к особенностям места миграции, а также отсутствие оптимальных мер и способов поддержки мигрантов в период переезда в новую для них страну. Помимо необходимости внедрения имеющихся программ в социальный пакет для мигрантов Средней Азии, необходимо также определить сами методы психокоррекции и предупреждения агрессии как фактора дезадаптивного поведения мигрантов.

Цель работы: исследовать социально-психологиче-

ские условия адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии и способы преодоления их агрессивного поведения.

Методы исследования

При написании статьи использовались методы систематического и повествовательного обзора, а также метод метааналитического обзора. Систематический обзор литературы позволил рассмотреть и синтезировать материалы исследования по теме адаптации и социализации трудовых мигрантов из Средней Азии. Метод повествовательного отбора предоставил возможность интерпретировать литературу по выбранной теме, учитывая многогранность и многоаспектность исследований отечественных и зарубежных ученых. Метааналитический обзор способствовал аккумуляции результатов научных исследований авторов, для получения объемного и разностороннего понимания проблематики выбранной темы.

В Российской Федерации также, как и в некоторых других развитых странах возникло относительно новое явление – трудовая миграция. В настоящее время трудовая миграция приобретает массовый характер, что влечет за собой возникновение социально-бытовых проблем. Основной поток мигрантов в Россию идет из стран ближнего зарубежья, а именно из Республик Средней Азии.

Решающую роль в возникновении массовой трудовой миграции играет социально-экономический фактор. Развитие отношений между странами, как на мировом уровне, так и в пределах Республик влияет на возможности и желания выезда мигрантов за границу с целью улучшения финансового положения.

В Конвенции о защите прав трудящихся мигрантов и членов их семей, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 45/158 от 18 апреля 1990 г., термин «трудящийся мигрант – лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не являются» [9, с. 4].

Возникновение трудовой миграции обусловлено обстоятельствами, которые носят не только объективный характер (экологическая катастрофа, военные действия и др.), но и субъективный характер, а именно – положение в обществе, желание устроиться на более высокооплачиваемую работу, неудовлетворенность реализации внутреннего потенциала и др. [10, с. 83–90]. Таким образом, учитывая вызовы современности, целесообразно считать, что основополагающим фактором миграции является возможность поддерживать достойный уровень жизни.

Перемещение в рамках межгосударственной миграции способствует изменению социально-психологических особенностей во взаимоотношении людей и усло-

виях их адаптации к новой социальной среде. Мигранты накапливают опыт и получают знания в различных сферах жизнедеятельности социума, повышают производственные навыки, улучшают материальное положение, а также духовно развиваются, приспосабливаясь тем самым к новой для них культурной среде. Таким образом, трудовая миграция так или иначе ведет к духовно-нравственному и материальному развитию иностранных граждан.

Зарубежные исследователи уделяют большое внимание вопросам трудовой миграции из стран Средней Азии (Киргизии, Таджикистана, Узбекистана). Кудайбердиева Д.М. отмечает в своей работе рост миграционных потоков, связанных с социально-экономическими условиями трудовых мигрантов из Республики Таджикистан. Особое внимание уделяется возрастной дифференциации мигрантов, способных к физическому труду. Автор отмечает положительную динамику в экономическом состоянии Республики, в связи с увеличением денежных потоков трудовых мигрантов из Российской Федерации. Помимо этого, результаты эмпирических исследований позволили автору выявить основные проблемы возвратившихся трудовых мигрантов, которые заключаются в организации и поддержке малого и среднего бизнеса мигрантов в РФ и вопросы их трудоустройства, и адаптации (4).

В свою очередь, исследования, посвященные трудовым мигрантам из Средней Азии, в частности Киргизстана, показали неблагоприятную обстановку в процессе их социально-психологической адаптации. Причиной этому являются трудности межнационального и межкультурного взаимодействия, возникшие в результате трудовых, экономических, социально-культурных и политических условий. Зачастую, в результате перечисленных трудностей, мигранты становятся заложниками работодателей в различных плоскостях трудовой эксплуатации, что в свою очередь приводит к изменению поведения и проявлению повышенной агрессии (3,4,11).

В современном российском обществе процесс миграции стал неотъемлемой частью ее повседневной жизни, который характеризуется многообразием и является достаточно сложным для адаптации прибывших граждан в социуме. Одним из наиболее значимых мотивов переселения является экономическая (материальная) заинтересованность мигрантов, которая носит временный характер. Прибыв в Российскую Федерацию, мигранты сталкиваются с другой социально-экономической, политической и культурной организацией общества. Переход от одной общественной системы в другую создает условия для возникновения социально-психологических проблем в адаптации трудовых мигрантов.

На процесс приспособления мигрантов к новым условиям влияет множество факторов. Согласно исследованиям Мукомеля В.И. выделяются следующие пункты:

- обеспеченность значимых аспектов социальной среды (рынок труда, место проживания, социальная, культурная составляющие, образование);
- различие в социокультурной сфере развития обществ;
- этнические и культурные особенности страны проживания;
- категория трудовых мигрантов (10).

По мнению Лепшоковой З.Х. эффективность адаптации мигрантов к современной социокультурной среде российского общества напрямую зависит от их психологического здоровья и благополучия. Согласно ее исследованию, мигранты, принимающие схожий подход к адаптации, имеют такие же характеристики благополучия, вне зависимости от их региональной и этнической принадлежности (8).

Однако, основные психологические трудности и проблемы мигрантов Средней Азии обусловлены столкновением их этнической идентичности с этнической идентичностью принимающего общества. Нарушение толерантности как со стороны принимающего общества, так и со стороны мигрантов, а также связанные с ними невозможности достижения поставленных целей приводят к нестандартным ситуациям. К примеру, часто выделяются внешне этнические различия – цвет кожи, разрез глаз, что в контексте законодательства хотя и является недопустимым, однако в быту очень часто становится препятствием для интеграции мигрантов в новую культуру. При поиске жилья фраза «только славянам» подразумевает желание владельца вступать в имущественные отношения только с людьми европеоидной внешности, что затрудняет поиск жилья как мигрантам, так и коренному населению России.

Помимо этого, можно выделить условия, влияющие на благоприятность процесса адаптации трудовых мигрантов из Средней Азии в российском обществе. Основные из них – знание русского языка, истории России, законов РФ, обычаев и традиций российского общества, а также отношение населения к иностранным гражданам.

Для мигрантов, приезжающих с целью заработка, важным является социально-экономическая удовлетворенность, в котором они зачастую испытывают определенные трудности. В Российской Федерации размер материального дохода (заработной платы) значительно превышает оплату труда в Республиках Средней Азии.

По материалам СМИ об удовлетворенности мигрантами оплаты труда, значительная часть работающих иностранных граждан изъявляет желание получать больше за счет увеличения объема работ. Такое стремление объясняется необходимостью поддержания нормального уровня жизни в России, а также желанием финансово

помочь родным и близким, проживающим на Родине.

Несмотря на это, большая часть трудовых мигрантов из Средней Азии периодически сожалеет о приезде на заработки в Российскую Федерацию. В первую очередь это связано с их легализацией. Политика принимающей страны основана на уязвимом положении мигрантов, которая предполагает нежелание работодателей официального трудоустройства иностранных граждан. Тем самым они избегают ответственности за нарушения прав трудящихся. Кроме этого – неодобрительное отношение россиян к трудовым мигрантам. Это обусловлено тем, что, по мнению граждан России, мигранты занимают их рабочие места, а также способствуют повышению конкуренции при трудоустройстве. Таким образом, у трудовых мигрантов из Средней Азии вопреки ожиданиям, возникают различного рода экономические и психологические проблемы.

Возникающие сложности в процессе адаптации приводят к трансформации структуры идентичности как трудовых мигрантов, так и самих коренных жителей Российской Федерации. Под воздействием потери ориентиров происходят существенные перемены в общественном пространстве.

Наличие у трудовых мигрантов определенной психологической установки пребывания в России, а именно временное проживание с целью заработка, усугубляется их нежеланием интегрироваться в реалии принимающей страны. Тем самым происходит отрицание принятия ценностей и культуры другого общества и страны в целом. Идентичность мигранта находится в состоянии «защищенности и скрытности».

Все вышеупомянутые категории тесно связаны не только между собой, но и с таким проявлением как «культурный шок», ощущение отчужденности и непонимание. Согласно результатам исследований американского ученого Калерво Оберга, существуют несколько основных психологических критериев культурного шока:

- чувство лишения и потери (родины, имущества, профессии, статуса, близких и друзей);
- ощущение отверженности (отторжение другой культуры);
- ощущение неполноценности из-за неудачного процесса адаптации;
- нарушение ролевой составляющей, ценностей, чувств и самоидентификацией;
- чувство тревоги, сопровождающееся асоциальным сбоем;
- напряжение, влияющее на процессы, необходимые для психологической адаптации (2).

Основная масса трудовых мигрантов из Средней Азии не прилагает особых усилий для психологической адаптации. Находясь в России с целью улучшения фи-

нансового положения, они «застревают» в ситуации без поддержки близких себе людей, а также поддержки извне и сознательно «жертвуют» своим благополучием. Подобная деградация психологического состояния несет за собой потерю и ослабление моральных и физических сил, что в свою очередь приводит к деструкции социального функционирования.

Лишение стратегических целей возникает из-за негативного восприятия происходящего вокруг личности трудового мигранта. В конечном итоге это может сказаться на психическом и психосоматическом состоянии, которое приводит к повышенной тревожности, апатии, депрессии, агрессии и другим деформациям личности.

Понятие «агрессия» произошло от латинского «agredi», которое означает «нападать». В современных условиях развития человечества агрессия трактуется как враждебная модель поведения в отношении других людей. Агрессивное поведение зачастую выражается сплетнями, злыми шутками, злобными фантазиями, враждебным отношением, убийством и т.д.

Солдатова Г. У. отмечает, что коренные жители с недоверием и опаской воспринимают приезжих трудовых мигрантов, считая их излишне раздражительными, недоброжелательными, чересчур эмоциональными, безграмотными, нервными, наглыми приспособленцами. Из-за перечисленных качеств они выглядят в глазах жителей чрезмерно агрессивными. В то же время, у приезжих на заработки иностранных граждан из стран Средней Азии, формируется стойкое мнение, характеризующее местных жителей как ленивых, завистливых, равнодушных, лицемерных, грубых, продажных и невнимательных людей (13). Состояние мигранта в этих условиях можно охарактеризовать как фазу «переходной идентичности». В ее рамках все происходящее вокруг расценивается как возможность получить наибольшую прибыль, не изыскивая способа и приема интеграции, взаимопонимания и благоприятного сосуществования с гражданами принимающей страны. Как правило, трудовые мигранты из Средней Азии зачастую стойко следуют данной политике в социуме. Взаимное неприятие и обострение отношений между коренными жителями и трудовыми мигрантами являются важным фактором, порождающим обоюдную агрессию, что ведет к возникновению межэтнических конфликтов.

Длительное пребывание мигрантов в условиях, которые сопровождаются постоянными стрессовыми ситуациями, происходящими в социуме, приобретают затяжной

характер. Подобное состояние сказывается на их психическом здоровье. Мотивы, стремления и другие ценности, имеющие жизненно необходимое значение для мигранта, не реализуются в полной мере, что приводит к проявлению таких переломных моментов, как конфликт или психологический кризис, и является поворотной точкой в жизни. Это выражается в этнологических показателях – чрезмерная эмоциональность, возникающая при переосмыслении человеком жизненной позиции, душевного расстройства, несобранности, рассеянности и повышенной уязвимости.

Невозможность мигранта отстоять свои ценности и цели в определенный момент вырабатывает неэффективный паттерн, приводящий к дезадаптации – агрессивное поведение. Учитывая закономерности выражения агрессии, уязвимыми к ответственности перед законом Российской Федерации, оказываются мигранты. Несмотря на провокации и нарушение норм морали или законов поведения со стороны коренного населения, именно они выступают агрессорами, проявляя вербальную или физическую враждебность. Такая позиция за неадекватное поведение по отношению к местным жителям, влечет за собой негативные последствия, а иногда ограничение прав и свобод.

Как показывают сегодняшние реалии, озлобленные создавшейся ситуацией трудовые мигранты, легко становятся целью для наемников радикальных течений и вербовщиков криминальных структур.

Анализ научных источников позволил выявить основное противоречие между необходимостью оказания профессиональной психологической поддержки мигрантам и недостаточной разработанностью научных подходов на основе экспериментального изучения особенностей течения эмоциональных процессов у представителей различных национальностей из Средней Азии, оказавшихся в условиях стресса.

Для смягчения межэтнических разногласий и недопущения проявления агрессии со стороны трудовых мигрантов, а также их результативной и эффективной адаптации в новых для себя социокультурных условиях, следует разрабатывать и внедрять социальные программы психологической помощи. Они должны включать в себя методические указания и пособия по психологической релаксации, физкультурно-спортивной и культурно-массовой деятельности, усовершенствованию навыков самоконтроля, использованию арт-терапии, а также использование психологических бесед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Domke D. Racial cues and political ideology. An examination of associative priming // Communication Research. 2001. V. 28. № 6. P. 772–801.
2. Oberg K. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. Practical Anthropology. New Mexiko. 1960. № 7. P. 177–182.

3. Васиев Ф.М. Муайян намудани салоҳияти касбии муҳочирони меҳнати баргашта ба ҷумҳурии Тоҷикистон // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. 2023. № 9. С. 159-166
4. Кудайбердиева Д.М. Эл аралык миграция жана Кыргыз эмгек мигранттарынын социалдык-психологиялык көйгөйлөрү // Жусуп Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университетинин Жарчысы. 2024. № 3 (119). С. 423-426.
5. Абдурахманов К. Х. Факторы, влияющие на миграционные потоки в Средней Азии // Приоритеты и механизмы стратегического планирования в Российской Федерации. Сборник статей XII Международной научной конференции. Москва, 2023. С. 33-37.
6. Бондырева С.К. Миграция (сущность и явление). Москва: Издат. Моск. психол. — соц. ин-т, Воронеж: Издат. НПОМОДЭК, 2004. 294 с.
7. Деминцева Е. Социализация и выбор жизненных стратегий мигрантами «второго поколения» в России // Социологическое обозрение. 2024. Том 23. № 1. С. 212-243.
8. Лепшокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологические характеристики / З.Х. Лепшокова // Научные материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». Москва, 2012 г. Т. II. С. 352- 353.
9. Миграция населения // Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». Вып. 2. Москва, 2001.
10. Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. Москва: Диполь-Т, 2005. 351с.
11. Наботов Ф.С., Алимов Д.Х. Трудовые доходы и денежные переводы таджикских внешних трудовых мигрантов // Вестник Таджикского национального университета. 2023. № 4. С. 12-18.
12. Некрасова А.П., Красковский Я.Э. Правовая оценка и проблемы социализации в России трудовых мигрантов из стран Средней Азии // Евразийский юридический журнал. 2024 № 2 (189). С. 306-309.
13. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Психологическая адаптация вынужденных мигрантов // Психологический журнал. 2002. Том 23. № 4. С.73-88.
14. Тагаева С.Н. Трудовая миграция из Средней Азии в современных условиях // Миграционное право. 2023. № 1. С. 30-32.
15. Тагунова А.Д. Психологические особенности адаптации трудовых мигрантов из Узбекистана // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Том 11. № 12 (153). С. 30-35.
16. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. 2023. Том 10. № 4. С. 69-85.
17. Хожиев Ж.Ж., Галяпина В.Н. Воспринимаемая безопасность, стратегии аккультурации и адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в России // Психологические исследования. 2023. Том 16. № 90.

© Маркарян Карен Владиславович (karen.markaryan.90@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ СТРАХА В УСЛОВИЯХ БОЕСТОЛКНОВЕНИЯ

Мельников Антон Павлович

кандидат психологических наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
navy.anton@yandex.ru

MECHANISMS OF FEAR CONTROL IN COMBAT SITUATIONS

A. Melnikov

Summary: This article examines the phenomenon of fear in combat conditions through the lens of contemporary military psychological research. A theoretical analysis is conducted on the dual nature of fear as a psychological phenomenon, which can act both as a destructive factor that paralyzes combat activity and as a mobilizing psychological resource. The mechanisms of soldiers' adaptation to extreme conditions are explored, including the role of the endogenous opioid system in processes of acute and long-term organism adaptation. Special attention is given to Ulrich Beck's concept of the "risk society" and its influence on the modern military sphere. Approaches to studying combat-related post-traumatic stress disorder are analyzed, including external factors and genetic predispositions to its development. Historical aspects of the study of soldiers' psyche during battles and modern methods of psychological rehabilitation of combatants are considered. The main problems and prospects for the development of military psychological science are identified in the context of the increasing complexity of modern armed conflicts. The article substantiates the necessity of an interdisciplinary approach to studying fear in the military field and the development of new technologies for psychological training of personnel.

Keywords: fear in war, military psychology, combat stress, post-traumatic stress disorder, soldier adaptation, risk society, psychological rehabilitation.

Аннотация: В статье рассматривается феномен страха в боевых условиях через призму современных военно-психологических исследований. Проводится теоретический анализ двойственной природы страха как психологического явления, способного выступать как деструктивным фактором, парализующим боевую активность, так и мобилизующим психологическим ресурсом. Исследуются механизмы адаптации военнослужащих к экстремальным условиям, включая роль эндогенной опиоидной системы в процессах срочной и долговременной адаптации организма. Особое внимание уделяется концепции «общества риска» У. Бека и ее влиянию на современную военную сферу. Анализируются подходы к изучению боевого посттравматического стрессового расстройства, включая внешние факторы и генетические предпосылки его развития. Рассматриваются исторические аспекты изучения психики бойцов во время сражений и современные методы психологической реабилитации участников боевых действий. Выявляются основные проблемы и перспективы развития военно-психологической науки в контексте усложнения характера современных военных конфликтов. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к изучению страха в военной сфере и разработки новых технологий психологической подготовки личного состава.

Ключевые слова: страх на войне, военная психология, боевой стресс, посттравматическое стрессовое расстройство, адаптация военнослужащих, общество риска, психологическая реабилитация.

Современная военная психология сталкивается с фундаментальной проблемой понимания и управления страхом как базовой эмоциональной реакцией военнослужащих в условиях боевых действий. Растущая интенсивность и технологическая сложность современных военных конфликтов требует переосмысления традиционных подходов к психологической подготовке личного состава, особенно в контексте управления экстремальными эмоциональными состояниями [1].

В условиях формирования «общества риска», концептуализированного ведущими социологами конца XX века, военная сфера приобрела особое значение как область, где способность адекватно оценивать угрозы и контролировать эмоциональные реакции становится критически важной для эффективности боевых действий.

Существующие исследования демонстрируют значительную разрозненность в подходах к изучению страха в боевой обстановке. Отсутствие четких индикаторов и

недостаточная изученность механизмов возникновения и развития страха, особенно его крайних форм проявления, создают серьезные препятствия для разработки эффективных технологий психологической подготовки. При этом накопленный эмпирический материал свидетельствует о двойственной природе страха, который может как мобилизовать адаптивные ресурсы личности, так и парализовать боевую активность.

Особую актуальность приобретает изучение механизмов трансформации страха из деструктивного фактора в психологический ресурс, способный повышать боевую эффективность военнослужащих. Понимание экзистенциальных аспектов переживания страха и разработка технологий его контролируемого использования становятся ключевыми задачами современной военной психологии, требующими системного междисциплинарного подхода.

Механизмы контроля страха в условиях боевых действий представляют собой сложную систему психофизи-

ологических и когнитивных процессов, требующих междисциплинарного подхода к изучению. Страх в боевой обстановке может выступать как мобилизующим фактором, активирующим адаптивные ресурсы военнослужащего, так и деструктивным элементом, парализующим боевую активность. Понимание двойственной природы данного феномена становится критически важным для разработки эффективных технологий психологической подготовки личного состава.

В современной военно-психологической литературе, посвященной изучению страха в боевых условиях, доминирующими остаются адаптационные модели, основанные на концепции стресса и копинговых стратегий. Однако эти модели в основном позволяют идентифицировать механизмы возникновения страха, но недостаточно объясняют процессы его трансформации в психологический ресурс. В дополнение к адаптационным подходам несколько теорий пытаются объяснить процесс управления страхом и его конструктивное использование. Многие исследования используют психофизиологические и нейропсихологические подходы для изучения эндогенных механизмов адаптации организма к экстремальным воздействиям.

При этом необходимо отметить, что исследования механизмов контроля страха в боевых условиях проводятся на фоне меняющейся военно-политической обстановки. Усложнение характера современных военных конфликтов, появление новых видов угроз и технологий ведения боевых действий требуют переосмысления традиционных подходов к психологической подготовке военнослужащих. В связи с этим необходимость проведения исследований в данном направлении не теряет своей актуальности, что обусловлено требованиями Военной доктрины Российской Федерации и современными вызовами в сфере национальной безопасности.

Теоретические основы изучения страха как психологического феномена рассматривают в своих трудах М.И. Витковская., исследующая методологические проблемы изучения страха в социологии [2], Караяни А.Г. и Ю.М. Караяни, анализирующие двойственную природу страха в боевых условиях [5, 6], Лишманов Ю.Б. и соавторы, изучающие эндогенные механизмы адаптации к экстремальным воздействиям [8].

Особенности проявления и управления страхом в различных типах боевых ситуаций описывают А.М. Резник, исследующий факторы боевого посттравматического стрессового расстройства [11], А.А. Катковская, разрабатывающая методы психологической реабилитации участников боевых действий [7], О.Ф. Фазуллина и С.О. Смирнов, анализирующие адаптационные процессы в экстремальных условиях [14].

Историко-психологический анализ проблемы представлен в классических работах Г.Е. Шумкова, который еще в начале XX века подчеркивал необходимость практической направленности военной психологии на повышение боевых возможностей войск [15], и современных исследований А.Г. Караяни, развивающего военно-психологическое наследие выдающихся военачальников [6, 5].

Однако, несмотря на имеющиеся труды и наработки, ряд вопросов в данной предметной области остается открытым и требует более детального анализа. Так, например, особого внимания заслуживает понимание того, как военнослужащие, освоившие механизмы конструктивного использования страха, передают этот опыт сослуживцам, и как они интегрируют полученные навыки в общую систему боевой подготовки. Кроме того, недостаточно изученной остается сущность и действие компенсаторных механизмов при трансформации деструктивного страха в мобилизующий фактор.

На сегодняшний день следует признать существование значительной разрозненности в подходах к исследованию данной проблематики. Как отмечают исследователи, отсутствуют четкие индикаторы страхов населения, недостаточно изучен механизм возникновения и развития страха, особенно крайних форм его проявления [2]. Это обстоятельство определяет необходимость системного анализа психофизиологических и когнитивных аспектов функционирования страха в боевой обстановке.

Современное социальное развитие характеризуется исследователями как эпоха «общества риска», где производство материальных и социальных благ неизбежно сопровождается воспроизводством разнообразных угроз и опасностей [3]. Данная концептуальная рамка приобретает особое значение при анализе военной сферы, поскольку эффективность боевых действий во многом определяется способностью военнослужащих адекватно оценивать риски и управлять своими эмоциональными реакциями в экстремальных условиях.

Теоретические основы понимания современного общества как «общества риска» были заложены ведущими социологами конца XX века. Э. Гидденс подчеркивал, что современность характеризуется критическим динамизмом и возрастанием рисков для всех социальных групп, при этом темпы общественного развития зачастую опережают способность людей осознавать долгосрочные последствия принимаемых решений [4]. Н. Луман предложил более дифференцированный подход, утверждая, что риски не всегда носят исключительно деструктивный характер, однако их возникновение является неизбежным следствием человеческой деятельности [16]. У. Бек развил концепцию, согласно которой риски представляют собой неотъемлемый элемент технологического и

социального прогресса, затрагивающий все социальные слои независимо от их классовой принадлежности [13].

В контексте военной сферы проблематика рисков приобретает специфические черты. Согласно Военной доктрине Российской Федерации, военная безопасность определяется как «состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой её применения» [1]. Это определение подчеркивает многоуровневый характер военных рисков и необходимость их комплексного анализа как на индивидуальном, так и на общественно-государственном уровне.

Анализ литературы показывает, что страх в боевых условиях выполняет множественные адаптивные функции, обеспечивающие выживание организма в критических ситуациях. Физиологические проявления включают активацию симпатической нервной системы с последующим выделением адреналина и норадреналина, что приводит организм в состояние боевой готовности. Указанные биохимические изменения в нервной системе влекут за собой модификацию кровообращения - происходит ускорение пульса и направление крови от висцеральных структур к поперечнополосатым мышцам, что создает наиболее благоприятную среду для осуществления оборонительного ответа типа «нападай или убегай» [6].

Дыхательные трансформации проявляются в расширении легочной емкости и интенсификации дыхательного процесса, что содействует усилению насыщения крови кислородом благодаря возрастанию количества кислорода, проникающего в кровоток для энергетического обеспечения мышечной ткани. Данный механизм является ключевым компонентом стрессовой реакции, позволяющим организму мгновенно «разгонять» организм и психику человека до огромных «скоростей» функционирования.

Одновременно осуществляется активизация энергетического потенциала посредством повышения концентрации глюкозы в кровеносном русле, обеспечивая телу требуемые источники питания для стремительного высвобождения энергии, востребованной при критических действиях. Данный механизм неразрывно связан с запуском симпато-адреналинового комплекса вследствие беспокойства и поступления в циркуляцию эпинефрина и норэпинефрина, что переводит организм в режим повышенной готовности и оборонительной мобилизации [6].

Кардиоваскулярные приспособления выражаются в ускорении сердечного ритма и переориентации циркуляции крови от висцеральных структур к поперечно-

полосатой мускулатуре. Подобный процесс гарантирует усиленное энергетическое питание мышечной ткани для реализации приспособительного ответа «атакуй или спасайся бегством», представляющего собой филогенетически закрепленную реакцию на опасные раздражители.

Отдельного рассмотрения требуют оборонительные системы, ориентированные на сокращение результатов потенциальных травм. Отведение крови от висцеральных структур, покровных тканей, дистальных отделов конечностей вызывает концентрацию кровяной массы, что гарантирует предотвращение значительной геморагии при получении повреждений или нарушении целостности тканей [6].

Параллельно запускается внутренняя опиятная система посредством поступления в циркуляцию эндорфинов, гарантирующая полную аналгезию тела при получении повреждений или нарушении анатомической целостности [8].

В воспоминаниях участников военных действий сохраняется множество свидетельств о том, что зачастую солдаты замечали полученные повреждения (порой множественные) только по завершении сражения. Аналогичные явления отражаются в произведениях искусства, к примеру, в киноленте «Спасти рядового Райана», где демонстрируется эпизод десантирования войск антигитлеровской коалиции на французский берег в 1944 году, когда один из военнослужащих продолжал сражаться с конечностью, оторванной в результате взрыва [6].

Механизмы температурной регуляции выражаются в активизации потовых желез и возникновении пилоэрекции, что способствует поддержанию термического равновесия при интенсификации обменных процессов в тканях.

Лихорадочный ответ организма, проявляющийся в увеличении показателей телесного тепла, содействует угнетению болезнетворных механизмов при повреждениях, механических воздействиях или патологических состояниях, что критически значимо в условиях компрометации барьерных функций эпидермиса [14].

Дисфункция или нарушение работы любого из описанных механизмов стрессовой реакции влечет за собой критическое ухудшение боевого потенциала бойца. Сбой в функционировании какого-либо элемента защитно-приспособительной системы организма приводит к значительному падению операционной готовности военнослужащего. При таких обстоятельствах солдат теряет определенные естественные защитные ресурсы и остается беззащитным перед конкретными видами опасностей [11].

Неумение грамотно направлять энергетические ре-

сурсы тревоги превращает её в разрушительную силу. Когда боец не овладевает потенциалом испуга, тревожность преобразуется в хаотичное, блокирующее, мучительное и деструктивное душевное переживание.

Для разрешения возникшего конфликта между высокоэффективными, активизирующими, мобилизационными характеристиками тревоги и её подавляющим, дестабилизирующим воздействием, эксперты разграничили «управляемую» и «неуправляемую» разновидности испуга. Управляемая тревожность располагает способностью стимулировать результативную деятельность.

Повествования бойцам о проявлениях военного напряжения исполняют практически идентичную роль с особой психотерапевтической методикой «Поэтапное снижение чувствительности». Её принцип заключается в мысленном преодолении «ступеней» опасений в защищённой среде, при условии телесного расслабления. Опасение и расслабление представляют противоположности и не способны сосуществовать параллельно. У бойцов вырабатывается навык размышлять о повреждениях без боязни болевых ощущений [7].

С учетом конечности человеческого ресурса противостояния негативным воздействиям, важно контролировать период нахождения бойцов в критических условиях. Опыт демонстрирует, что стрессоустойчивость служащих к тревожным состояниям существенно возрастает при предварительном информировании о временных рамках их вовлечения в военные операции и датах возвращения к месту постоянного базирования.

Для осуществления контроля над тревожностью требуется способность оперативно выявлять её ключевые проявления и активировать психические механизмы продуктивного применения или корректировки испуга [6].

Нарушение любого из перечисленных компонентов адаптивного ответа существенно снижает боевую эффективность военнослужащего. В подобных случаях воин утрачивает естественные защитные механизмы и становится уязвимым перед лицом различных угроз. Неспособность адекватно использовать энергетический потенциал страха трансформирует его в дезорганизующий фактор, парализующий психическую деятельность.

Для разрешения данного противоречия между мобилизующими и дезорганизующими эффектами страха в психологической науке сформировалось представление о контролируемом и неконтролируемом типах данной эмоции. Контролируемый страх сохраняет побудительную силу, направляя активность субъекта на преодоление угрозы, тогда как неконтролируемый страх блокирует целенаправленную деятельность.

Экзистенциальные аспекты переживания страха в боевой обстановке связаны с конфронтацией военнослужащего с фундаментальными вопросами бытия, включая проблему смысла существования и неизбежности смерти. Данный аспект приобретает особую актуальность в свете концепции инстинкта самосохранения, который, как подчеркивал участник более 100 сражений и боев Великой Отечественной войны Б. Момыш-улы, «имеет две стороны. Первая – человек бежит с целью самосохранения, вторая – человек с этой же целью нападает и защищается» [5].

Экзистенциальное переживание тревоги в сражении неразрывно связано с пониманием бойцом своей ограниченности и смертной природы, что способно как блокировать, так и активизировать его душевные силы. Стремление к выживанию, согласно утверждению Б. Момыш-улы, представляет «достойное качество не только индивида, но и всех живых существ», и именно потому «данное ощущение выступает изначальным стимулом в схватке» [5].

Психотерапевтическая работа с подобными состояниями требует помощи в преодолении патогенных культурных установок современности - гипертрофированного индивидуализма, деструктивной конкурентности, культа силы и иллюзии абсолютного контроля. В этом контексте особое значение приобретает развитие социальных мотивов, включающих любовь к Родине, веру в Бога, справедливость, победу, ненависть к врагу, чувство долга и другие ценностные ориентации, способные трансцендировать индивидуальные переживания страха [9].

Центральной задачей становится поддержание баланса между экзистенциальным одиночеством человека и его потребностью в социальной общности. Данное равновесие представляет важнейший ресурс совладания со страхом смерти и фундамент психического здоровья личности в экстремальных условиях.

Наиболее многообещающим вектором изучения тревожности и методов её встраивания в военную активность выступает осознанное преобразование испуга в активные переживания (ярость, враждебность, раздражение). Подобная трансформация может реализовываться посредством «накачивающих» («интенсифицирующих», «аккумулирующих») приёмов задействования тревоги, основанных на сознательном и контролируемом интенсивном накоплении испуга с последующим резким направлением его потенциала в определённое действие через проявление ярости [6].

Методика базируется на восприятии тревоги как крайне «энергонасыщенной» эмоции. Исполнив предупредительную роль, испуг способен стать либо де-

структивным элементом, либо значимым боевым ресурсом. Цель - не устранить тревожность, а подчинить её и трансформировать в военный потенциал.

Ключевым моментом выступает различие «управляемой» и «неуправляемой» тревожности. Управляемый испуг стимулирует продуктивные действия, неуправляемый - разрушает. Недостаточный страх провоцирует безрассудность и неоправданный риск, чрезмерный - бессмысленную панику, угрожающую жизни.

Культурно-исторический опыт показывает адаптационные возможности человека к экстремальным состояниям. Например, индийские семьи практикуют ритуальное самоистязание, демонстрируя способность не только привыкать к болезненным переживаниям, но и принимать их. Специалисты считают, что подобные психологические механизмы можно целенаправленно применять для преодоления страха [12].

Социологические исследования демонстрируют, что понятие испуга охватывает взаимосвязанный комплекс - беспокойство, риск, опасность и угрозу, являющиеся маркерами катастрофического мышления. Изучение этих явлений важно для научной и практической сфер, особенно в военной деятельности.

Для овладения тревожностью требуется понимание её основных источников. На бойца в сражении воздействует множество стимулов: световые эффекты взрывов и стрельбы, следы пуль, авиация, боевая техника, движение противника и союзников, пожары, ранения и потери товарищей, звуковое сопровождение боя, стоны пострадавших, приказы командования и другие факторы. [10].

Эксперты определяют три ключевых источника тревоги: неведение, внезапность, бессилие. Народная мудрость и военный опыт отражают это в формулах: «неизвестное пугает», «предупреждение - защита», «неожиданность - победа», «потеря веры - абсолютная утрата».

Конструктивную роль испуга иллюстрирует современное понимание лихорадки при инфекциях. Недавно осознали, что температуру не стоит немедленно снижать, поскольку она уничтожает патогены. Аналогично воинам следует научиться не подавлять тревожность до критических пределов, используя её энергию для боевой эффективности.

Столетие назад, анализируя русско-японскую войну, Г. Шумков отмечал: военная психология станет полезной командирам наукой, когда укажет способы повышения боевых возможностей своих сил и ослабления противника. Эта задача остается актуальной сегодня [15].

Методологические основы изучения страхов в боевой обстановке находятся в стадии активной разработки. Существующие подходы характеризуются определенной фрагментарностью при анализе угроз на индивидуальном, групповом и социальном уровнях. Тем не менее, накопленный эмпирический материал позволяет выделить ключевые закономерности функционирования страха в экстремальных условиях.

Практическое значение данных исследований определяется необходимостью разработки эффективных технологий психологической подготовки военнослужащих к действиям в боевой обстановке. Формирование навыков управления страхом должно стать неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки военных специалистов.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд важных выводов относительно роли страха в боевых условиях и его места в современной военно-психологической практике.

Во-первых, страх в боевой обстановке представляет собой сложный биопсихосоциальный феномен, характеризующийся двойственной природой. Он может выступать как деструктивным фактором, парализующим боевую активность военнослужащих, так и мобилизирующим психологическим ресурсом, активирующим адаптивные механизмы организма в экстремальных условиях.

Во-вторых, анализ современного состояния исследований в данной области выявил значительную разрозненность подходов и отсутствие четких индикаторов проявления страхов у военнослужащих. Недостаточно изученными остаются механизмы трансформации деструктивного страха в конструктивный психологический ресурс и процессы передачи опыта управления страхом между сослуживцами.

В-третьих, контекст «общества риска», в котором функционирует современная военная сфера, требует переосмысления традиционных подходов к психологической подготовке личного состава. Усложнение характера военных конфликтов и появление новых видов угроз актуализируют необходимость разработки инновационных технологий работы со страхом в боевых условиях.

Таким образом, данное исследование обосновывает актуальность междисциплинарного подхода к изучению страха в военной сфере и создает теоретический фундамент для дальнейших научно-практических разработок в области военной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // СПС «Консультант Плюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.06.2025).
2. Витковская, М.И. Теоретико-методические проблемы изучения «страха» в социологии / М.И. Витковская // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2003. — № 4-5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodicheskie-problemy-izucheniya-straha-v-sotsiologii> (дата обращения: 23.06.2025).
3. Губанов, Н.Н. Общество риска / Н.Н. Губанов, Н.И. Губанов, Л.Г. Черемных // Гуманитарный вестник. — 2022. — № 4 (96). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvo-riska> (дата обращения: 23.06.2025).
4. Добрина, О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса / О.А. Добрина // Системная психология и социология. — 2019. — № 1 (29). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-riski-sovremennosti-i-ugrozy-identichnosti-sistemnyy-analiz-kontseptsii-e-giddensa> (дата обращения: 23.06.2025).
5. Караяни, А.Г. Психология боя. Военно-психологическое наследие легендарного комбата Бауыржана Момышулы / А.Г. Караяни // Российский военно-психологический журнал. — 2024. — № 1 (3). — С. 47.
6. Караяни, А.Г. Страх на войне: деструктивный фактор или психологический ресурс? / А.Г. Караяни, Ю.М. Караяни // Российский психологический журнал. — 2015. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-na-voynе-destruktivnyy-faktor-ili-psiologicheskii-resurs> (дата обращения: 23.06.2025).
7. Катковская, А.А. Психологическая реабилитация участников боевых действий / А.А. Катковская // Военная история: даты, факты, люди. Тенденции развития добровольчества в Санкт-Петербурге: материалы конференций СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ» за 2017 год, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2017 года / под ред. В. А. Носова, С.А. Пищулина, В.С. Полянского. — Санкт-Петербург: СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ», 2017. — С. 246–250.
8. Лишманов, Ю.Б. Эндогенная опиоидная система как звено срочной и долговременной адаптации организма к экстремальным воздействиям. Перспективы клинического применения опиоидных пептидов / Ю.Б. Лишманов, Л.Н. Маслов, А.В. Нарыжная [и др.] // Вестник РАМН. — 2012. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/endogennaya-opioidnaya-sistema-kak-zveno-srochnoy-i-dolgovremennoy-adaptatsii-organizma-k-ekstremalnym-vozdeystviyam-perspektivy> (дата обращения: 23.06.2025).
9. Портнова, А.А. Психопатологические особенности личности, вовлеченной в деструктивный культ (клиническое наблюдение) / А.А. Портнова, О.В. Серебровская, С.В. Тарасов, В.П. Цекин // Российский психиатрический журнал. — 2009. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihopatologicheskie-osobennosti-lichnosti-vovlechennoy-v-destruktivnyy-kult-klinicheskoe-nablyudenie> (дата обращения: 23.06.2025).
10. Реан, А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. — Москва: МПГУ, 2022. — 524 с.
11. Резник, А.М. Обзор исследований внешних факторов и генетических предпосылок боевого посттравматического стрессового расстройства / А.М. Резник // Вестник Медицинского института непрерывного образования. — 2022. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-issledovaniy-vneshnih-faktorov-i-geneticheskikh-predposylok-boevogo-posttravmaticheskogo-stressovogo-rastroystva> (дата обращения: 23.06.2025).
12. Сатьяпати, Б.Б. Indian Culture and Heritage: учебное пособие / B.B. Satpathy. — Bhubaneswar: DDCE Utkal University, [6. г.]. — URL: https://ddceutkal.ac.in/Syllabus/MA_history/paper-8-N.pdf (дата обращения: 23.06.2025).
13. Усманов, Г.Р. Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ / Г.Р. Усманов // ВЭПС. — 2024. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-obschestva-riska-ulriha-beka-teoreticheskii-analiz> (дата обращения: 23.06.2025).
14. Фазулина, О.Ф. Адаптационные процессы в организме человека / О.Ф. Фазулина, С.О. Смирнов // Тенденции развития науки и образования. — 2022. — № 92-12. — С. 54–56. — DOI: 10.18411/trnio-12-2022-556.
15. Шумков, Г.Е. Психика бойцов во время сражений. Выпуск 1: Введение, обоснование, метод и систематизация материала / Г.Е. Шумков. — Санкт-Петербург: [б. и.], [19--]. — 51 с.
16. Яницкий, О.Н. Социология риска: ключевые идеи / О.Н. Яницкий // Мир России. Социология. Этнология. — 2003. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-riska-klyuchevye-idei> (дата обращения: 23.06.2025).

© Мельников Антон Павлович (navy.anton@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ АНГАЖИРОВАННОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ТРУДА В ОБЩЕСТВЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Михайлова Светлана Петровна

Соискатель, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
babochkina@yandex.ru

CAREER-ORIENTED ENGAGEMENT OF EMOTIONAL LABOR IN THE SOCIETY OF IMPRESSIONS

S. Mikhailova

Summary: In this study, based on the concepts of emotional labor by A. Hochschild and the experience society by G. Schulze, a number of aspects and features of the formation of the central concepts of these theoretical constructions are considered in relation to a fairly wide range of models and forms of relationships between individuals within the social space of the society of impressions with an emphasis on primary career guidance. Particular attention is paid to the analysis of professionally oriented forms of such interactions, which directly affect the efficiency and reputation of the business. Based on the results of the study, tactics and strategies for managing emotions were identified and analyzed both at the individual and corporate levels, the possibilities of creating and updating forms of transferring the most effective forms of emotional labor from more experienced employees to less experienced ones were especially carefully considered. In conclusion, the changes in the general and economic culture of the experience society, inspired by its reorientation due to a reassessment of the importance of the emotional components of the interaction of individuals, are considered.

Keywords: choosing a profession, work culture, attitude to work, emotions, emotional intelligence, sociology of emotions, economic culture of emotions, society of emotions.

Аннотация: В данном исследовании, опирающемся на концепции эмоционального труда А. Хохшильд и общества впечатлений Г. Шульце, рассмотрен ряд аспектов и особенностей формирования центральных концептов этих теоретических построений в приложении к достаточно широкому спектру моделей и форм взаимоотношений индивидов внутри социального пространства общества впечатлений с акцентом на первичную профориентацию. Особое внимание уделено анализу профессионально-ориентированных форм такого рода взаимодействий, прямо отражающихся на эффективности и репутации бизнеса. По результатам исследования выделены и проанализированы тактики и стратегии управления эмоциями как на индивидуальном, так и на общеорганизационном уровне, особенно тщательно рассмотрены возможности создания и актуализации форм передачи наиболее эффективных форм эмоционального труда от более опытных сотрудников к менее опытным. В заключение рассмотрены изменения в культуре общества впечатлений, инспирированные его переориентацией вследствие переоценки значимости эмоциональных компонентов взаимодействия индивидов.

Ключевые слова: выбор профессии, культура труда, отношение к труду, эмоции, эмоциональный интеллект, социология эмоций, экономическая культура переживаний, общество переживаний.

Многие исследователи отмечают [1], [2], [12], что целенаправленное управление эмоциями (актуализация или сдерживание) в социальных взаимодействиях играют большую роль, нежели прямая реализация намерений в чем-либо убедить собеседника, что позволяет добиться в общении с другой стороной более ощутимого эффекта. В то же время за пределами анализа этой новой формы интеракции остаются ее механизмы, объяснение деятельности которых, возможно, позволило бы более глубоко и фундаментально подойти к исследованию масштабных социальных процессов трансформации прежнего классического социума в новую форму общества впечатлений. Общая малоисследованность именно этой стороны проявлений процесса эмоционализации целого ряда отношений и форм интересубъективности и определила актуальность настоящего исследования.

Цель исследования, лежащего в основе статьи, связана с его актуальностью и определена как выделение, изучение и последующий анализ основных аспектов взаимодействия индивидов с точки зрения управления

эмоциональными компонентами этого процесса, а также его наиболее частотных форм и социально значимой феноменологии.

Американский социопсихолог Д. Гоулмэн утверждает, что современная социальная реальность меняется таким образом, что обладатели «обычного» сильного интеллекта обладателям эмоционального интеллекта все больше проигрывают [1]. Несмотря на высокий интеллект первых, вторые в интеракциях оказываются более успешными в определении текущего эмоционального состояния собеседника на фоне маскирования своих собственных эмоций и добиваются от второй стороны значительно более устойчивого и детального взаимопонимания.

Особенно ценным такое качество оказывается в рабочем пространстве достижения профессионально значимых целей, преследуемых не только самим сотрудником, но и организацией, которую он представляет [2]. Первой на это обратила внимание профессор социологии А. Хохшильд, намереваясь затем прояснить действи-

тельный статус усилий, затрачиваемых на управление эмоциями – их не только реализуемость, но и реальность вообще – прояснить, с тем чтобы эмоциональный труд в рабочем пространстве был полноценно приравнен ко всякому другому и тем самым был выведен «из тени» и стал интересен выбирающим профессию [11].

Операциональный аспект работы с чувствами самого работника, равно как и с чувствами его собеседника, требует наличия определенных навыков, для формирования которых у конкретного человека, уже работающего или выбирающего будущую профессию, должны быть не только задатки, но и мотивация, наличие которой многие психологи считают вообще необходимым исходным условием совершения любых дальнейших перемен [3, с. 23].

Формирующееся в современной социологии эмоций данное направление вообще склонно оценивать всякий (а не только профессионально-обусловленный) эмоциональный труд как продуктивный и непременно нацеленный на результат. Хороший клиент фирмы, с которым мы работаем в данный момент, может быть столь же ценен нам, как и всякий лично близкий нам человек из числа даже не очень близкого (не только семейного) социального окружения, поскольку в любом случае, успешно и эффективно управляя эмоциями, мы достигаем согласия и даже гармонии, которые в общем универсуме наших межличностных отношений оказываются не имеющими (например – отношения любви и близкой привязанности) финансового эквивалента, что, однако, ничуть не умаляет их субъективное значение для индивида, поскольку они оказываются этому «эмоционально трудящемуся» глубоко и лично дороги.

Общество, где хотя бы постепенно начинают массово преобладать именно такие оценки в измерении проецируемого каждым на близкого своего душевного тепла, становится сплоченнее и гуманней, поскольку современный человек ощущает усталость от навязываемой ему сегрегации, образов внешних врагов и фобий, безответственно инспирированных медиа.

Невозможно сформировать исчерпывающий компендиум навыков, признанных необходимыми для самого полного перечня самых разнообразных форм межличностного взаимодействия, что, в свою очередь, указывает на необходимость выделения внутри существующих моделей эмоционального интеллекта индивида креативных, творческих компонентов, актуализация которых превращает процесс управления и распознавания эмоций в своего рода искусство [4, с. 3]. Бессмысленно, как это часто делают современные политики или СМИ, только лишь произносить слова, в неперенном стремлении придать чему-либо таким образом нужный смысл – нужно еще и верить самому в то, что сказано – поскольку в противном

случае слушающие просто не поверят говорящему.

Таким образом, эмоциональный труд становится все более весомым компонентом интересубъективности внутри социальной реальности – например, те руководители организаций, которые непосредственно заинтересованы в привлечении высококлассных специалистов, вполне осведомлены о том, что средством такого привлечения может быть не только высокий оклад, но и благоприятная внутриорганизационная среда, напрямую экономящая эмоциональные усилия тех, кто способен найти им лучшее применение для повышения благосостояния всего бизнеса [5, с. 4].

Анализ методов инструментализации и операциональной реализации эмоционального труда и отдельных его компонентов позволяет выделить и зафиксировать в качестве приоритетных ряд индивидуальных стратегий [6, с. 10], сочетающих целенаправленную репрессию собственных эмоциональных проявлений с демонстрацией тех, что в наибольшей степени соответствуют достижению позитивного эффекта в конкретной ситуации взаимодействия. Последнее вовсе не предполагает, что индивид начнет целенаправленно искусственно транслировать внешние маркеры «нужных» для ситуации эмоциональных проявлений, поскольку в этом случае такого работника очень быстро настигнет профессиональное выгорание [7, с. 93]. Значительно более продуктивно научиться менять личное отношение в ходе общения и генерировать внутри себя те эмоции, проявления которых будут восприняты противоположной стороной общения с пониманием. Инструментальными средствами для достижения этого может быть как правильно подобранная лексика и стилистика речи, так и «язык тела», располагающий противоположную сторону к пониманию, согласию, одобрению.

Внешними регулятивами, которые могут быть использованы со стороны организации, является всесторонняя стимуляция и поддержание индивидуальной мотивации совершенствования собственных эмоциональных навыков общения и трудовой деятельности как таковой, демонстрация руководством подчиненным тех или иных аспектов наличия прямой зависимости между эффективностью использования эмоциональных навыков и общей продуктивностью деятельности всей фирмы.

Для того чтобы организация смогла получить дополнительные возможности привлечения молодых рекрутов, с одной стороны, и постоянных клиентов и покупателей, с другой, внутри нее должны быть разработаны конкретные модели наставничества, применяемые обычно для передачи любых других профессиональных навыков от более опытных сотрудников к менее опытным. В частности, должен быть актуализирован принцип буферизации (встреча клиентов более опытными

сотрудниками с последующей их передачей менее опытным, которые должны ассимилировать опыт своих наставников [9, с. 19], а также обучение профессионально-опосредованному «языку слов» и «языку тела» по обратным реакциям, целенаправленно инспирированным посредством этих инструментов. В этом отношении руководство организации должно занимать четкую и активную позицию: поощрять желающих и наставлять не желающих, превентивно ликвидировать все «узкие места», неизменно приводящие к возникновению конфликтов, и профессионально консультировать сотрудников на фоне их повышенного стресса. Кроме того, управление эмоциональными компонентами деятельности своих подчиненных со стороны руководства должно быть как тактическим (ситуативным), так и стратегическим (перспективным), причем между двумя этими уровнями должна сохраняться определенная операциональная, содержательная и телеологическая преемственность [10, с. 2]. В том случае если эмоциональный труд подчиненных окажется реально эффективным, это позволит повысить оценку удовлетворенности сервисом у клиентов организации, заставит их приобрести больше продукции и станет весомым мотивом для повторного посещения такого комфортного места [6, с. 11].

Нет ничего удивительного в том, что новой «экономике впечатлений» [7, с. 39], основанной на примате актуализации элементов эмоционального труда, в итоге потребуются новые (содержательно и структурно) модели бизнеса, сосредоточенные на удовлетворении клиента и его потребностей, поскольку данный принцип безусловно следует отнести к системообразующим [7, с. 40]. В период радикального пересмотра прежних форм функционирования экономических систем индустриально-ориентированного типа такого рода инновации смогут трансформироваться в устойчивые тенденции по факту признания их эффективности и достигнутых ими реальных результатов. Радикальная смена приоритетов развития, его общая переориентация в направлении ощущений потребителя от всего комплекса взаимодействий с поставщиком товаров или услуг, который предшествует его решению о приобретении (покупке) становится фактическим требованием времени по отношению к сохранению эффективности изменяющихся форм и способов ведения бизнеса в новых условиях [10, с. 22].

Таким образом, новая экономическая культура переживаний должна перестать быть пассивно-созерцательной, напротив – должна возобладать активная и непосредственная иммерсия, тогда как реализаторы продуктов или услуг должны стать не только сценаристами, но и режиссерами-постановщиками этих переживаний у своих клиентов – тех, которые должны быть переведены в статус зрителей-участников всего этого процесса реализации, переведенного в ранг фактического театрального действия [10, с. 24].

За потребностью в эмоционализации труда, отношений, способов общения стоит вполне сформировавшийся общественный запрос, реализуемый через все более ясно ощущаемое омассовление прежде индивидуальных требований к тем сферам материальной или духовной активности социума, которые обладают способностью и возможностями для целенаправленного формирования эмоций. Надо вполне отдавать себе отчет в том, что все то неповторимое и незабываемое, возведенное затем в статус уникального внутриличного эмоционального универсума каждого из участников процесса создания впечатлений – все это может быть плодом взаимодействия только в ходе реализации их совместной работы и приложения ими встречных взаимных усилий. Если позволено говорить об этом как о творчестве, или как об искусстве, то закрепляемая именно таким образом в эмоциональном восприятии индивидов символика этого искусства становится в современных условиях одной из немногих ускользающих возможностей сохранения его на индивидуальной и распредмеченной, метафизической ауре.

Выводы

Целенаправленное управление эмоциями (актуализация или сдерживание) в современных социальных интеракциях играют большую роль, нежели прямое убеждение собеседника, что тем самым позволяет добиться в общении с другой стороной более ощутимого эффекта.

Операциональный аспект работы с чувствами самого работника, равно как и с чувствами его собеседника, требует наличия определенных навыков, для формирования которых у конкретного человека должны быть не только задатки, но и мотивация.

В настоящее время эмоциональный труд становится все более привлекательным на рынке труда и всё более весомым компонентом интересубъективности внутри социальной реальности, при этом управление эмоциональными компонентами деятельности своих подчиненных со стороны руководства должно быть как тактическим (ситуативным), так и стратегическим (перспективным).

Новой «экономике впечатлений» потребуются новые (содержательно и структурно) модели бизнеса, сосредоточенные на удовлетворении клиента и его потребностей, поскольку данный принцип безусловно следует отнести к системообразующим.

Новая экономическая культура общества переживаний должна перестать быть пассивно-созерцательной, напротив, должна возобладать активная и непосредственная иммерсия клиентов, превращаемых в участников действия.

Все неповторимое и незабываемое, возведенное затем в статус уникального внутри личного эмоционального универсума каждого из участников процесса соз-

дания впечатлений, может быть плодом взаимодействия только в ходе реализации их совместной работы и приложения ими встречных взаимных усилий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоулмэн Д. Emotional Intelligence (Эмоциональный интеллект). Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022, 544 с.
2. Хохшильд А. Управляемое сердце. Коммерциализация чувств. М.: Дело, 2020. 392 с.
3. Юдакова М.А. Управляемое сердце. Секретарь и эмоциональная работа // Секретарь-референт. 2021. № 4. С. 21 – 29.
4. Кшеминский Г. Эмоциональный труд. // 4brain.ru (Электронный ресурс) – 2016. № 12. URL: <https://4brain.ru/blog/%D1B4/>
5. Полгин М. Эмоциональный менеджмент: что это и как ему научиться // 4brain.ru (Электронный ресурс). 2020. № 1. URL: <https://4brain.ru/blog/emotional-management/>
6. Карасева О. Все для тебя: что такое эмоциональный труд // Путеводитель по психике. 2022. Выпуск № 14. С. 11 – 14.
7. Джозеф Пайн Б., Гилмор Д. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Альпина Паблишер, 2019, 330 с.
8. Россмэн Р., Дердэн М. Дизайн впечатлений: Инструменты и шаблоны создания у клиента положительных эмоций от взаимодействия с компанией и продуктом. М.: Альпина Паблишер, 2021, 332 с.
9. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft: Kultursoziologie der Gegenwart. 2005. 612 p.
10. Лауденбах П. Производят впечатления (интервью с социологом Герхардом Шульце) // Pravilamag.ru (Электронный ресурс). URL: <https://www.pravilamag.ru/archive/2104-events/>
11. Лобанова Ю.В., Михайлова С.П. Эмоциональные ожидания радости и удовольствия в процессе выбора профессии: мифология и реальность // Мanuscript. 2024. Т. 17, № 4. С. 686-691.
12. Кортунов В.В., Саенко Н.Р. Новые модусы эмоций в современной культуре // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Т. 6, № 3. С. 53-67.

© Михайлова Светлана Петровна (babochkina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕЙРОПЛАСТИЧНОСТЬ И КОГНИТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ: ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРЕВОГИ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ

NEUROPLASTICITY AND COGNITIVE CONTROL: INTEGRATING SELF-REGULATION TECHNIQUES TO OVERCOME ANXIETY IN PUBLIC SPEAKING

**E. Nikiforova
A. Shcheglova
D. Yagudin**

Summary: Public speaking (PS) remains one of the most common social fears, having a significant negative impact on professional implementation and personal well-being. Traditional treatment approaches often focus on symptomatic treatment, not always considering the underlying neurobiological mechanisms of anxiety and the potential for self-regulation. This study is a comprehensive approach that integrates modern ideas about neuroplasticity and cognitive control with the practice of specific self-regulation methods aimed at modulating the functional state of the body. The study was carried out using the OMEGA System for a comprehensive computer study of the functional state of the human body, which provides an objective assessment of psychophysiological parameters. The key element of the intervention was the method of neurodynamic recovery (NDR), which showed pronounced effectiveness in reducing anxiety, increasing energy resource, improving emotional background and, as a result, unlocking performing abilities (including vocal data) in the context of PS. The results demonstrate that directed activation of neuroplastic processes through NDR and related techniques can significantly increase cognitive control over anxiety responses, creating a stable internal resource for confident and effective performance even under stressful conditions.

Keywords: neuroplasticity, cognitive control, self-regulation method, anxiety, public speaking, neurodynamic recovery.

Никифорова Алёна Александровна

Врач, Психолог, Аспирант, Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Славяно-Греко-Латинская Академия»

Щеглова Анна Петровна

Психолог, Аспирант, Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Славяно-Греко-Латинская Академия»

Ягудин Дмитрий Рустамович

Доктор психологических наук, клинический психолог,
Председатель правления НКО «Единство»
dr.yagudin@mail.ru

Аннотация: Публичные выступления (ПВ) остаются одним из наиболее распространенных социальных страхов, оказывая значительное негативное влияние на профессиональную реализацию и личное благополучие. Традиционные подходы к коррекции часто фокусируются на симптоматическом лечении, не всегда учитывая глубинные нейробиологические механизмы тревоги и потенциал саморегуляции. Данное исследование представляет комплексный подход, интегрирующий современные представления о нейропластичности и когнитивном контроле с практикой специфических методов саморегуляции, направленных на модуляцию функционального состояния организма. Исследование проводилось с использованием Системы комплексного компьютерного исследования функционального состояния организма человека «ОМЕГА», обеспечивающей объективную оценку психофизиологических параметров.

Ключевым элементом вмешательства выступил метод нейродинамического восстановления (НДВ), показавший выраженную эффективность в снижении тревожности, повышении энергетического ресурса, улучшении эмоционального фона и, как следствие, разблокировке исполнительских возможностей (включая вокальные данные) в контексте ПВ. Результаты демонстрируют, что направленная активация нейропластических процессов через НДВ и сопутствующие техники позволяет значительно повысить когнитивный контроль над тревожными реакциями, создавая устойчивый внутренний ресурс для уверенного и эффективного выступления даже в стрессогенных условиях.

Ключевые слова: нейропластичность, когнитивный контроль, метод саморегуляции, тревога, публичные выступления, нейродинамическое восстановление.

Введение

Страх публичных выступлений (глоссофобия) представляет собой широко распространенный феномен, затрагивающий значительную часть населения независимо от профессионального статуса. Его проявления – от легкого волнения до панических атак – существенно ограничивают коммуникативный потенциал, карьерный рост и личностное развитие. Патофизиологической основой глоссофо-

бии является гиперактивация лимбической системы (прежде всего миндалевидного тела) в ответ на воспринимаемую социальную угрозу, сопровождаемая дефицитом нисходящего когнитивного контроля со стороны префронтальной коры (ПФК). Это приводит к каскаду вегетативных реакций (тахикардия, тремор, гипергидроз, изменение дыхания, мышечные зажимы, в том числе в голосовом аппарате), субъективно переживаемых как интенсивная тревога и мешающих свободному самовыражению.

Современная нейронаука, опираясь на концепцию нейропластичности – фундаментального свойства мозга изменять свою структуру и функциональные связи в ответ на опыт, обучение и целенаправленное воздействие, – открывает новые перспективы для коррекции тревожных расстройств. Ключевым звеном становится когнитивный контроль – совокупность высших психических процессов (внимание, рабочая память, ингибиторный контроль, когнитивная гибкость), опосредованных дорсолатеральной и вентролатеральной префронтальной корой (ДЛПФК, ВЛПФК), передней поясной корой (ППК) и теменными областями. Его усиление позволяет модулировать активность миндалины, ослабляя эмоциональный ответ и облегчая адаптивное поведение.

Цель исследования: заключается в разработке методов, способных целенаправленно стимулировать нейропластические изменения в нейронных сетях когнитивного контроля и ослаблять патологически усиленные связи в «тревожных» контурах.

Методы саморегуляции, такие как модифицированная дыхательная гимнастика, направленная визуализация, осознанная работа с телесными ощущениями (body scan), когнитивное реструктурирование и специализированные техники типа нейродинамического восстановления (НДВ), представляют собой неинвазивные инструменты для такого воздействия. Они позволяют индивиду активно влиять на свое психофизиологическое состояние, изменяя паттерны активации мозга и вегетативного баланса. В данном исследовании мы фокусируемся на интеграции таких методов, с особым акцентом на НДВ, и объективной оценке их эффективности для преодоления тревоги ПВ с использованием аппаратно-программного комплекса «ОМЕГА» [6].

Материалы и методы

1. Участники: В исследовании приняли участие 45 человек (женщины в возрасте 35-52) испытывающих выраженные трудности при ПВ (оценка по шкале самоотчета PSPS > 20). Все участники были разделены на основную группу (n=30), прошедшую курс интервенции, и контрольную группу (n=15), не получавшую вмешательства [6].

2. Интервенция: Комплексная программа саморегуляции включала:

- Нейродинамическое Восстановление (НДВ): Специфический метод, направленный на оптимизацию нейродинамических процессов в ЦНС через комбинацию.
- Дыхательных паттернов: ритмичное диафрагмальное дыхание с акцентом на удлиненный выдох, синхронизированное дыхание.
- Двигательных микропрактик: мягкие, осознанные

движения, снимающие патологическое мышечное напряжение, особенно в зонах хронических зажимов (плечевой пояс, челюстно-лицевая область, диафрагма).

- Фокусированного внимания: концентрация на внутренних ощущениях потока энергии, тепла, легкости в теле.
- Активации ресурсных состояний: визуализация состояний уверенности, спокойствия, легкости и их «якорение» через телесные ощущения.

3. Методы оценки: субъективные: опросник выраженности страха публичных выступлений (PSPS). Шкала тревоги Спилбергера-Ханина (STAI). Визуальная аналоговая шкала (ВАШ) для оценки уровня тревоги и уверенности до, во время и после модельного выступления. Самоотчеты участников о переживаемых состояниях, ресурсности, физических ощущениях. Объективные (с использованием системы «ОМЕГА»): Система «ОМЕГА» предоставляет комплексную оценку функционального состояния организма на основе регистрации и анализа: Электроэнцефалограммы (ЭЭГ): Топографическое картирование мощности ритмов (дельта, тета, альфа, бета, гамма) в состоянии покоя и при когнитивной нагрузке (подготовка к выступлению). Особое внимание уделялось соотношению тета/бета ритмов (показатель когнитивного напряжения/тревоги) и фронтальной асимметрии альфа-ритма (индикатор эмоционального состояния: относительное преобладание левой ДЛПФК связано с позитивным/подходящим аффектом). Психометрических показателей: Оценка скорости сенсомоторных реакций, устойчивости внимания, уровня психоэмоционального напряжения [8].

Результаты и обсуждения

На этапе T0 все участники проходили комплексное обследование на «ОМЕГА» и заполняли опросники. Основная группа приступала к курсу интервенции. На этапе T1 (после 4 недель) и T2 (после 8 недель) проводилось повторное обследование на «ОМЕГА» и заполнение опросников. Модельное публичное выступление (5-минутная презентация на заданную тему перед аудиторией 10-15 человек) проводилось на этапах T0 и T2 с синхронной регистрацией ВСП и субъективных оценок. Для участников основной группы с вокальной специализацией дополнительно оценивалось качество голоса (диапазон, сила, стабильность, тембр) в условиях стресса до и после курса.

Статистический анализ: использовался пакет SPSS 26.0. Применялись: описательная статистика, t-критерий Стьюдента для зависимых и независимых выборок, дисперсионный анализ с повторными измерениями (ANOVA), корреляционный анализ (Пирсон). Уровень значимости $p < 0.05$ [7].

Результаты

1. Субъективные показатели:

Тревога (PSPS, STAI): В основной группе выявлено статистически значимое ($p < 0.001$) снижение показателей по шкалам PSPS и STAI (состояния) на этапах T1 и T2 по сравнению с T0. Снижение на T2 составило в среднем 42% по PSPS и 38% по STAI. В контрольной группе значимых изменений не наблюдалось.

Уверенность и тревога во время выступления: При выполнении модельного выступления на T2 участники основной группы демонстрировали значительно ($p < 0.001$) более низкие показатели ситуативной тревоги (ВАШ-тревога) и более высокие показатели уверенности (ВАШ-уверенность) по сравнению с T0. Уровень тревоги в момент выступления снизился (диаграмма 1) [8].

Также перед началом исследования все испытуемые прошли диагностику у врача фониатора, и получили следующие рекомендации (к сожалению в рамках научной статьи мы не можем перечислить все рекомендации): Дисфония мышечного напряжения, гипотонусная дисфония, фаринго-ларингеальный рефлюкс. Искривление перегородки. Железодефицитное состояние в состоянии коррекции. Гипотонусная дисфония. Фаринго-ларингеальный рефлюкс, хронический пост нагрузочный

ларингит, капилляроэктазии голосовых складок [6].

Участники основной группы единодушно отмечали следующие ключевые эффекты практики НДВ и программы в целом: разгрузка от напряжения: «появляется ощущение сброса тяжести», «мышечные зажимы уходят, особенно в шее и челюсти», прилив энергии и ресурсности: «чувствую прилив сил, желание действовать», «появляется внутренняя 'пружина' для движения вперед», снижение фоновой тревожности: «общий уровень беспокойства стал значительно ниже», «перестал постоянно прокручивать в голове сценарии провала», изменение эмоционального фона: «стал(а) более спокойным(ой), позитивным(ой)», «появилась внутренняя уверенность, не зависящая от внешней оценки», возможность действовать несмотря на страх: «страх остается, но он не парализует», «появляется способность делать действие с удовольствием, даже если внутри есть волнение в моменте», уменьшение физических проявлений: «перестал(а) дрожать голос и руки», «исчезли 'ком в горле', сухость во рту», «дышать стало легче и глубже», снижение гипер контроля аудитории и себя: «перестал(а) постоянно анализировать реакцию каждого слушателя», «стало проще сосредоточиться на сути выступления, а не на своих возможных ошибках», «ушли претензии к себе за «неидеальность».

2. Объективные показатели (Система «ОМЕГА»): Вари-

Результат сессий НДВ

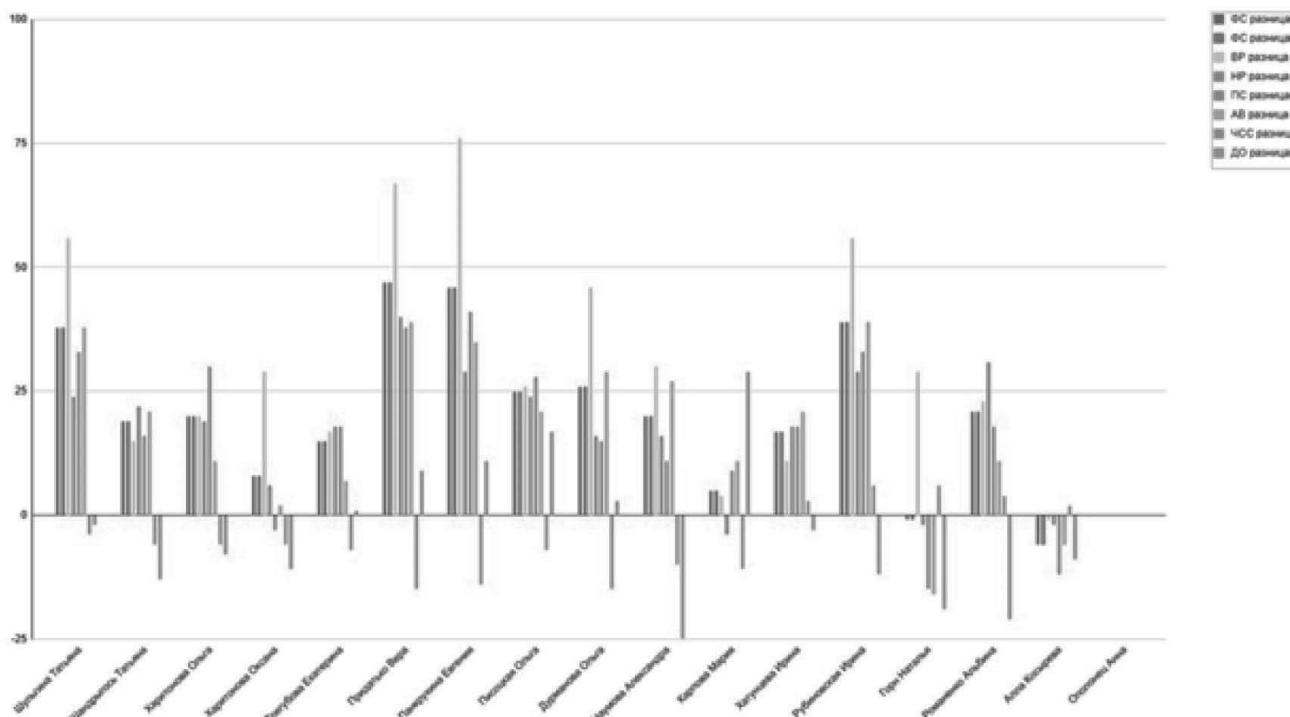

Диаграмма 1.

абельность сердечного ритма (BCP): У основной группы выявлено достоверное ($p < 0.001$): Снижение Индекса Напряжения (ИН) на 35-40%, что указывает на снижение общего стрессового напряжения регуляторных систем. Увеличение мощности высокочастотного компонента (HF) на 50-60%, отражающее значительную активацию парасимпатического отдела ВНС («тормозной» системы, отвечающей за отдых и восстановление). Увеличение общей мощности спектра (TP) на 30%, свидетельствующее о повышении общего адаптационного ресурса организма. Эти изменения были особенно выражены во время модельного выступления на T2, демонстрируя повышение стрессоустойчивости в реальных условиях ПВ.

3. Электроэнцефалография (ЭЭГ): Уменьшение соотношения тета/бета ритмов в лобных отведениях (особенно в Fz, F3, F4) на 25% ($p < 0.01$) в состоянии покоя и при когнитивной нагрузке, что интерпретируется как снижение когнитивного напряжения и тревожной ригидности. Увеличение мощности альфа-ритма (особенно в теменных и затылочных областях) на 20-25% ($p < 0.05$) в покое, что коррелирует с состоянием расслабленного бодрствования. Сдвиг фронтальной асимметрии альфа-ритма в сторону относительного увеличения активации левой ДЛПФК (уменьшение альфа-мощности слева) на 15% ($p < 0.05$) в состоянии покоя и после практики НДВ. Это является нейрофизиологическим маркером сдвига эмоционального состояния в сторону большего позитивного аффекта и поведенческого подхода.

4. Психомоторные показатели: Улучшение показателей устойчивости внимания (на 18%, $p < 0.05$) и скорости сенсомоторных реакций (на 12%, $p < 0.05$) в условиях когнитивной нагрузки (имитация подготовки к выступлению). Зафиксировано достоверное ($p < 0.001$) улучшение ПФС на 32% в основной группе к этапу T2, что комплексно отражает повышение уровня адаптации, снижение напряжения и рост резервных возможностей организма. В контрольной группе динамика ПФС была статистически незначимой.

У участников, чья деятельность была связана с пением или ораторским искусством, зафиксировано объективное улучшение вокальных параметров в условиях стресса (модельное выступление): увеличение силового и динамического диапазона на 15-20%, повышение стабильности тона на 25%, улучшение тембральных характеристик (снижение «дрожания», «закатости» голоса). Субъективно это описывалось как «разблокировка голоса», «появилась свобода и объем звука, которые раньше были недоступны при волнении».

Обсуждение

Полученные результаты предоставляют убедительные доказательства высокой эффективности интегри-

рованной программы саморегуляции с ключевой ролью метода Нейродинамического Восстановления (НДВ) для преодоления тревоги публичных выступлений. Данные, зарегистрированные системой «ОМЕГА», объективно подтверждают субъективные ощущения участников и рисуют целостную картину нейрофизиологических и психофизиологических изменений [6, 7, 8].

Нейропластичность как основа изменений: Наблюдаемые сдвиги в паттернах ЭЭГ (снижение тета/бета, увеличение альфа-мощности, сдвиг фронтальной асимметрии) являются прямыми индикаторами нейропластической перестройки. Регулярная практика НДВ и сопутствующих техник выступает в роли тренировочного стимула для нейронных сетей когнитивного контроля (ДЛПФК, ВЛПФК, ППК). Это приводит к усилению их функциональных связей и повышению эффективности в подавлении гиперактивности миндалины и связанных с ней структур «тревожного контура». Увеличение мощности альфа-ритма, особенно после практики, свидетельствует о формировании навыка осознанного вхождения в состояние спокойного бодрствования – оптимального для когнитивной деятельности и противостояния стрессу. Сдвиг фронтальной асимметрии влево отражает нейропластическую адаптацию, ведущую к преобладанию позитивного аффекта и мотивации к действию (подход), что напрямую коррелирует с субъективными отчетами об улучшении эмоционального фона и способности действовать «с удовольствием, даже если страшно» [6, 7, 8].

Когнитивный контроль и модуляция вегетатики: Усиление нисходящего когнитивного контроля проявляется не только на уровне ЭЭГ, но и в выраженной модуляции вегетативной нервной системы. Значительное увеличение HF-компонента BCP и снижение ИН однозначно указывают на усиление парасимпатического тонуса и общее снижение стрессовой нагрузки на организм. Это обеспечивает физиологическую основу для субъективно переживаемой «разгрузки от напряжения», снижения тревожности и повышения энергетического ресурса. Возможность поддерживать более сбалансированный вегетативный статус во время самого выступления (что подтверждается данными BCP во время модельного ПВ на T2) является ключевым фактором успеха. Стабильная работа ВНС предотвращает «вегетативную бурю», лежащую в основе многих физических симптомов страха (тремор, потливость, тахикардия, спазм голосовых связок).

Механизм действия НДВ: Нейродинамическое Восстановление выступает мощным катализатором описанных изменений. Его комплексное воздействие:

Дыхание: Ритмичное диафрагмальное дыхание с удлиненным выдохом напрямую стимулирует блуждающий нерв (вагус) – главный проводник парасимпатической системы, немедленно снижая ЧСС и артериальное давле-

ние, вызывая чувство успокоения. Синхронизация дыхания с движением и вниманием усиливает этот эффект и способствует синхронизации нейронных ансамблей.

Двигательные микропрактики: Осознанное снятие мышечных зажимов прерывает порочный круг «тревога-мышечное напряжение-усиление тревоги». Особенно важна работа с зонами, связанными с речью и дыханием (челюсть, горло, диафрагма, плечи), что напрямую объясняет уменьшение физических проявлений страха и «разблокировку» голоса. Движение также способствует выработке нейротрофических факторов (например, BDNF), поддерживающих нейропластичность.

Фокусировка внимания: Тренировка концентрации на внутренних ощущениях («внутреннем потоке», тепле, легкости) развивает навык интроцептивной осознанности и переключения внимания с внешних угроз на внутренние ресурсные состояния. Это напрямую тренирует сети когнитивного контроля (особенно ВЛПФК), ответственные за ингибирование отвлекающих стимулов и эмоциональную регуляцию.

Активация ресурсных состояний: Визуализация и «якорение» состояний уверенности и спокойствия создают новые позитивные нейронные ассоциации с ситуацией ПВ. Это опирается на механизм синаптической пластичности – «нейроны, которые возбуждаются вместе, связываются вместе» (правило Хебба). Повторная активация этих состояний через якоря во время практики и перед/во время выступления облегчает доступ к ним в стрессовой ситуации.

Объективное и субъективное улучшение вокальных параметров у соответствующей подгруппы участников является прямым следствием описанных нейрофизиологических и психофизиологических сдвигов. Снятие мышечных зажимов в речевом аппарате (челюсть, гортань, диафрагма), нормализация дыхания (глубина, ритм), стабилизация вегетативного фона (устранение тремора, сухости во рту) и главное – снижение когнитивной нагрузки от тревоги и гиперконтроля – создают оптимальные условия для свободного и технически полноценного использования голоса. Нейропластические изменения в сетях, отвечающих за моторный кон-

троль и координацию дыхания, фонации и артикуляции, также вносят вклад в этот эффект. Тревога буквально «сжимала» голосовой аппарат и блокировала доступ к естественному звучанию; снятие этого блока позволяет проявиться истинным вокальным данным.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует высокую эффективность интегративного подхода к преодолению тревоги публичных выступлений, основанного на целенаправленной активации нейропластических механизмов для усиления когнитивного контроля и вегетативной регуляции. Метод Нейродинамического Восстановления (НДВ), выступающий ядром программы, доказал свою действенность как инструмент саморегуляции, обеспечивающий:

Механизм действия программы реализуется через стимуляцию нейропластических изменений в нейронных сетях префронтальной коры и связанных с ней структур, ответственных за когнитивный контроль и эмоциональную регуляцию. Это приводит к усилению нисходящего тормозного влияния на гиперактивную лимбическую систему и стабилизации вегетативного баланса в сторону парасимпатического доминирования. Система комплексной оценки «ОМЕГА» доказала свою незаменимость как инструмент объективного мониторинга функционального состояния и эффективности интервенции.

Таким образом, предложенная интегративная программа, центрированная на НДВ, представляет собой научно обоснованный, неинвазивный и высокоэффективный метод преодоления тревоги публичных выступлений. Она не просто снимает симптомы, а формирует устойчивый внутренний ресурс – состояние нейродинамического баланса, – позволяющее трансформировать страх в энергию для уверенного, свободного и подлинного самовыражения перед любой аудиторией. Полученные результаты открывают перспективы для широкого внедрения подобных программ в практику психологической подготовки специалистов, чья деятельность связана с публичной коммуникацией, а также для терапии социальной тревожности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь, Л.С. Физиологические и психофизиологические процессы формирования эмоций / Л.С. Бондарь, К.Б. Богрова // Вестник психофизиологии. – 2018. – № 4. – С. 15-21.
2. Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований / С.Н. Костромина, Н.В. Бордовская, Н.Н. Искра, и др. // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36, № 4. – С. 61-70
3. Павлов, И.П. Физиология. Избранные труды / И.П. Павлов. — 2-е изд., стер. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 402 с.
4. Щеглова А.П. Оценка влияния нейродинамического восстановления на физическое состояние и работоспособность // International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2024. Т. 7, № 7. – С. 87-91.

5. Ягудин, Д.Р. Метод нейродинамического восстановления как эффективный способ возвращения человеку отфильтрованных нейронов восприятия / Д.Р. Ягудин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 1. – С. 57-59
 6. [file:///C:/Users/Adel/AppData/Local/Temp/Rar\\$Dla8364.35055/116.pdf](file:///C:/Users/Adel/AppData/Local/Temp/Rar$Dla8364.35055/116.pdf)
 7. [file:///C:/Users/Adel/AppData/Local/Temp/Rar\\$Dla8364.38072/117_ph.pdf](file:///C:/Users/Adel/AppData/Local/Temp/Rar$Dla8364.38072/117_ph.pdf)
 8. <https://rutube.ru/video/ffa37cce5e1cce23eb4d7925b1cee24a/>
 9. https://vk.com/wall-86104001_686?z=photo-86104001_457240304%2Fwall-86104001_686
-

© Никифорова Алёна Александровна, Щеглова Анна Петровна,
Ягудин Дмитрий Рустамович (dr.yagudin@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF SUICIDE RISK IN ADOLESCENCE AND ADOLESCENCE

I. Romanova
T. Yumatova

Summary: This article is devoted to an overview of myths and facts about suicide, outlines the basic concepts and examines the key suicidal behavior. The classification of the main motives is presented and the factors contributing to the formation of suicidal risk are highlighted. A psychological portrait of adolescent and adolescent suicidal people has been formed and risk groups have been identified. The study of these issues highlights the need for early detection of adolescents at risk. This will further allow the development of preventive techniques and effective preventive correction programs.

Keywords: suicidal behavior, suicidal risk, predictors of suicidal behavior.

Романова Ирина Викторовна

канд. биол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, (г. Екатеринбург)
vir-futurum@mail.ru

Юматова Татьяна Александровна

Уральский государственный педагогический университет, (г. Екатеринбург)
yumatova_ta@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена обзору мифов и фактов о суициде, изложены основные понятия и рассмотрены ключевые суицидального поведения. Представлена классификация основных мотивов и выделены факторы, способствующие формированию суицидального риска. Сформирован психологический портрет суицидента подросткового и юношеского возраста и определены группы риска. Исследование данных вопросов подчёркивает необходимость раннего выявления подростков, находящихся в зоне риска. Это в дальнейшем позволит разработать превентивные методики и эффективные профилактические программы коррекции.

Ключевые слова: суицидальное поведение, суицидальный риск, предикторы суицидального поведения.

Феноменальная сущность проблемы самоубийства оказывает серьезное влияние на мировоззрение и формирование научно-практического подхода психологии, педагогики и медицины. Среди ученых нет единого мнения по данному вопросу. И.П. Красненкова предлагает рассмотреть суицид через призму судьбы, провидения. Одной из определяющих причин суицидального поведения по мнению А.В. Демичева является человеческий страх, а социологом Э. Дюркгеймом представлена позиция недостатка социальных отношений. В связи с опасностью данного явления Эрл Гроллман сделал акцент на необходимости своевременной профилактики суицидального поведения молодежи [12].

Негативное отношение субъекта к внешнему миру создает главную причинность суицидального поведения, трактуется в психоаналитической концепции З. Фрейда. Эту мысль продолжает в своих трудах Карен Хорни и подтверждает, что суицидальное поведение формируется в условиях внутриличностного конфликта человека. Особое значение придается роли тревоги и других эмоциональных переживаний в истоках суицидального поведения, как сообщают труды Р. Мэй и К. Роджерса [12]. Научно обоснованная типология индивидов, склонных к суицидальному поведению была предложена Э. Шнейдманом и с Н. Фаберой. [12].

Погодиным И.А. предложен исследовательский материал в плоскости суицидального поведения в детском и под-

ростковом возрасте, где особое внимание уделяется неформированности понятия ухода из жизни у подростков в возрасте 11-14 лет. В этом возрасте наблюдается недостаточное понимание необратимости трагического финала и связанного с ним страха, что может приводить к неадекватной оценке опасности суицидальных действий. В результате этого цели, стоящие перед молодыми людьми, часто не совпадают со средствами, используемыми в суицидальном поведении. Согласно исследованиям, среди подростков девочки демонстрируют более высокую предрасположенность к суицидальному поведению по сравнению с мальчиками. Эта тенденция обусловлена опережающим психофизиологическим развитием девочек [10].

Недостаток жизненного багажа и незрелость психики подростков приводят к тому, что даже микроконфликт воспринимаются подростками как непреодолимое препятствие, что повышает вероятность риска фатального исхода. Дополнительным условием, способствующим к добровольному уходу из жизни, является отягощенный семейный анамнез, а также суицидогенные аспекты семейного воспитания, среди которых гиперопека, авторитарность и ригидные установки родителей, низкий уровень культуры и образования в семье. Важным обстоятельством, повышающим суицидальный риск, является отсутствие доверия и эмпатии в семье, а также их эмоциональная отстраненность и холодное безразличие, что создает условия для чувства изоляции и эмоциональной депривации у подростков [10].

К особенностям мотивации и динамики суицидального поведения авторы относят мозаичность и вариативность пресуицидального статуса, что создает значительные трудности в своевременном распознавании угрозы суицида. Важным фактором является скрытая депрессия, которая часто маскируется проявлениями гиперактивности и агрессивного поведения, что существенно осложняет ее диагностику. Подростки с высокими нравственными устоями и идеализацией любви и сексуальных отношений оказываются более уязвимыми к суицидальному поведению. Автором выделены мотивы суицидальных действий, среди которых основными являются: переживание одиночества, чувство стыда, недовольство собой, обида и протест [1, 11].

А.Е. Личко (1983) и В.Т. Кондрашенко (1988) выявили тесную связь суицидального поведения подростков с типом акцентуации характера. У подростков с истероидными, истероидно-неустойчивыми и гипертимно-истероидными типами чаще наблюдается демонстративное суицидальное поведение, в то время как реальные суицидальные попытки чаще совершают сенситивные и циклоидные типы [9].

Шизоидные черты характера встречаются у значительного числа подрастающего поколения, совершивших суицид В.Т. Кондрашенко. Психастенические и сенситивные подростки также обладают тенденцией к фатальным действиям, которые часто бывают продуманными и неожиданными для окружающих. Молодые люди истероидного типа привержены к демонстративным попыткам, а эмоционально-лабильные — к внезапным, но часто несерьезным попыткам. Данный тип девиантного поведения нетипичен для гипертимных и неустойчивых типов, хотя последние могут совершить суицид находясь под воздействием окружения. А.А. Султанов (1983) доказывает, что такие черты, как чувствительность, импульсивность и возбудимость, в содружестве с факторами повышают риск суицидального поведения. А.Г. Амбрумовой и Е.М. Вроно (1985) были предложены типы реакций, способных привести к самоубийству в подростковом возрасте: реакция депривации, эксплозивная реакция и реакция самоустранения [1].

Предлагаем систематизировать ключевые мотивы поведения подростков, формирующие суицидальный риск:

- постоянное чувство обиды, одиночества и непонимания;
- недостаток родительской любви, ревностные отношения;
- потрясения, связанные с уходом из жизни близких, разводом родителей, серьезной травмой и заболеванием;
- переживание вины, оскорбленного самолюбия, самообвинения, стыда;
- драмы на любовном фронте, сексуальные пробле-

мы, нежелательная беременность;

- вынашивание чувства мести, злобы, угрожающие действия;
- стремление привлечь к своей персоне внимание, вызвать жалость, избежать неприятных последствий.

Орешкина А.С. и Сенкевич Л.В. в своей монографии описали отечественные и зарубежные исследования данного феномена, выделяя основные особенности тенденций в суицидальном поведении [10].

В юном периоде жизни происходят физические и психологические изменения, формируется чувство взрослости и появляются образцы для подражания. Молодое поколение с социальной незрелостью, у которых процесс идентификации протекает с легкостью, восприимчивостью и открытостью к новым моделям поведения, более уязвимы к копируемым суицидам.

Юношеский возраст характеризуется рядом специфических особенностей, среди которых стремление к освоению социальных ролей, установлению близких межличностных отношений, эмоциональное отделение от родителей, а также процессы личностного и профессионального самоопределения.

Согласно И.С. Кону, данный период связан с активным формированием идентичности и поиском собственного «Я», что нередко сопровождается внутренними конфликтами, повышенной тревожностью и чувством неопределенности у молодых людей [7]. И. И. Чеснокова подчеркивает значимость долгосрочных дружеских связей в процессе становления идентичности, отмечая их роль в обеспечении эмоциональной поддержки и социальной интеграции [17].

Юношеский романтизм, проявляющийся в идеализации окружающего мира и собственных жизненных перспектив, может приводить к несоответствию между идеальными представлениями и реальностью, что в ряде случаев провоцирует девиантное поведение, включая суицидальные тенденции.

Как указывает Т.Л. Тетерина, в юношеском возрасте суицид зачастую воспринимается как более осознанный способ разрешения жизненных трудностей, в отличие от подросткового периода, для которого характерны элементы подражательности [14].

Российские исследователи, такие как А.Г. Амбрумова, В.Ф. Войцех, Е.В. Гальцев и Е.М. Вроно, особо подчеркивают роль эмоциональной неустойчивости и импульсивности как главных предикторов суицидального риска в данной возрастной категории [1,4,5].

Исследования П.Д. Большаковой выявили взаимос-

вязь между потребностью в поддержке со стороны близкого окружения, чувства одиночества и побуждения к суициду, при этом доминирующей стратегией совладания у молодежи является поиск социальной поддержки [2].

Эмпирические данные многих исследований свидетельствуют о наличии корреляции между суицидальным поведением и такими факторами, как трудности в учебе, личностные проблемы, переживание одиночества, утрата веры в себя, а также невозможность реализации желаемых планов и действий. Кроме того, исследователи выявили устойчивую взаимосвязь между суицидальным поведением и конфликтами со сверстниками, преподавателями и родителями, а также недостаточный уровень социальной адаптации.

Г.А. Бутрим рассматривает суицид как защитную реакцию, возникающую в ответ на неспособность преодолеть личностный кризис [3]. В.М. Кушнарёвым, Г.И. Семикиным, Е.Б. Любовым и другими авторами, была установлена устойчивая взаимосвязь между социальной дезадаптацией, состояниями депрессии и суицидальным поведением у молодых людей 18 - 23 лет. Главный акцент делается на незрелости механизмов психологической адаптации в данном возрасте, что обуславливает повышенное эмоциональное напряжение и делает молодых людей более уязвимыми к суицидальным наклонностям, а также к злоупотреблению психоактивными веществами [8].

Особое значение в формировании суицидальных намерений авторы придают значимым межличностным конфликтам, возникающим в общении с преподавателями, товарищами и родителями. В качестве группы высокого риска выделяются студенты, проживающие в общежитиях или находящиеся в неблагоприятном материальном положении, что дополнительно усугубляет их морально-психологическую уязвимость и способствует развитию дезадаптации поведения [11].

Ввиду реуенации суицидов в современном мире, на повестке становится важным изучение суицидального риска среди подрастающего поколения, выявление психологических предикторов, оказывающих существенное влияние на формирование суицидального поведения.

Для определения превентивных мероприятий необходимо выявлять ведущие факторы суицидального риска и идентифицировать группы риска [6].

Многие ученые могут с уверенностью заявить, что чаще всего суицидальный риск фиксируется у молодого поколения в состоянии депрессии; злоупотребляющие алкоголем и наркотиками; имеющие в анамнезе совершённую суицидальную попытку, являющиеся свидетелями суицид кого-то из членов семьи; одаренные подростки; девушки с незапланированной беременностью; подростки, которые плохо учатся, а также жертвы наси-

лия. Это вовсе не означает, что подросток может оказаться в зоне повышенного суицидального риска, столкнувшись с одной из ситуаций. Однако эти проблемы однозначно усложняют ему жизнь. В силу недостатка эмоциональных, умственных или физических сил противостоять каким-либо неприятностям молодой человек подросткового и юношеского возраста, оказавшегося под давлением одной из этих ситуаций, не всегда сможет справиться. В таком случае добровольный уход из жизни может стать для него единственным возможным выходом.

Исходя из этого, мы можем выделить следующие факторы и ситуации суицидального риска:

1. Психическое неблагополучие

Предшествующие попытки лишения себя жизни увеличивают риск повторного рецидива. Ведущий фактор - постоянные мысли о нанесении себе вреда и вынашивание плана доведения себя до убийства.

Расстройство личности. Импульсивность, агрессивность, негативизм, склонность к навязчивым состояниям - важные характерологические особенности.

Депрессивное состояние, эмоциональные, поведенческие и социальные проблемы, а также злоупотребление психоактивными веществами также увеличивают риск совершения попыток ухода из жизни.

В совершенных суицидах молодежи отмечается более высокий процент *психических заболеваний в семье*, суицидальные идеи или суицидальное поведение в прошлом, проблемы с соблюдением дисциплины или с правоохранительными органами.

2. Взаимоотношения в семье

Конфликтный потенциал в семейных отношениях, брак/разводный процесс родителей способны вызвать чувство беспомощности и отсутствия контроля над ситуацией. У подростка - жертвы жестокого обращения со стороны не только сверстников, но и взрослых суицидальные идеи и попытки самоубийства появляются гораздо чаще, чем у подростков в благополучной семейной атмосфере.

Симбиотические отношения между членами семьи, где подростки пытаются установить взаимоотношения вне семьи и при этом воспринимаются с враждебностью, негативизмом, обесцениванием.

3. События жизни

Переживание краха любовных отношений, низкая уверенность в себе, трудности усвоения учебной программы, абьюз и иные жизненные стресс-факторы - об-

стоятельные триггеры, способствующих личностной дестабилизации.

Немаловажным фактором риска для подростка становится уход из жизни известных людей или лиц, с которыми подросток был знаком лично. В частности, среди молодежи существует феномен самоубийства из подражания.

Обобщая результаты отечественных и зарубежных исследований, можно заключить, что возраст 11 – 23 является периодом высокого риска суицидального поведения. К основным негативным факторам, способствующим саморазрушающему поведению, относятся:

конфликтные отношения с значимыми людьми, недостаток социальной интеграции, сложности, связанные с переходом во взрослую жизнь, проблемы социально-психологической адаптации, употребление психоактивных веществ, депрессивные состояния и низкая удовлетворенность жизнью.

Мы находим, что подростковый и юношеский суицид рассматривается разными теоретическими исследованиями и каждое имеет свои объективные доказательства. На сегодняшний день важная задача стоит перед исследователями – создание эффективных превентивных методик, затрагивающие все сферы, касающегося воспитания подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрумова А.Г. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности / Актуальные проблемы суицидологии. — М.: Москва. НИИ психиатрии, 1978. — Т. 82. — С. 45 — 68.
2. Большакова П.Д. Взаимосвязь потребности в социальной поддержке с уровнем одиночества и суицидальной мотивацией у лиц юношеского возраста // IX Междунар. студ. науч. конф. «Студенческий научный форум» — М.: РГГУ, 2017. — URL: <http://scienceforum.ru/2017/article/2017035873>
3. Бутурич Г.А. Неадаптивные копинг-стратегии как факторы суицидального риска у молодых людей // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: сб. мат-лов междунар. науч. - практ. конф. ((Санкт-Петербург, 19 – 21 апреля 2012 г.) / СПбГИПСП; редкол.: Ю.П. Платонов и др. — СПб., 2012. — 778 с.
4. Войцех В.Ф., Гальцев Е.В. Нарушение адаптации и суицидальное поведение у молодежи // Социальная и клиническая психиатрия. — 2009. — № 2. — С. 17 – 25.
5. Вроно Е.П. Предотвращение самоубийства: руководство для подростков. — М.: Академический проект, 2001. — 240 с.
6. Климов В.М., Айзман Р.И. Анализ факторов суицидального риска у студентов вуза // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2017. — Т. 7. №5. — С. 55 – 66.
7. Кон И.С. Психология ранней юности: книга для учителя. — М.: Просвещение, 1989. — 255 с.
8. Кушнарёв В.М., Семикин Г.И., Любов Е.Б., Гилов В.М., Миронов А.С., Пиканина Ю.М., Цупрун В.Е. Кабинет социально-психологической помощи в вузе // Суицидология. — 2015. — Т. 6. № 3 (20). — С. 61 – 67.
9. Личко А.Е. Психопатология и акцентуации характера у подростков. — СПб.: Крокус, 2005. — 256 с.
10. Орешкина А.С. Психовозрастная и поведенческая специфика суицидальной личности в юности, молодости, зрелости: монография / А.С. Орешкина, Л.В. Сенкевич; под науч. и общ. Ред. Д.А. Донцова. — М.: ФЛИНТА, 2023. — 256 с.
11. Погодин И.А. Суицидальное поведение: психологические аспекты: учеб. пособие / И.А. Погодин. — 3-е изд., стереотип. — М.: ФЛИНТА, 2021. — 333 с.
12. Романова И.В., Львовская Е.И. Динамика показателей липопероксидации симпатоадреналовой системы у школьников 9-11 классов как критерий формирования риска суицидального поведения // Вестник МАНЭБ. СПб. - 2011. - №23. - С.180.
13. Стрелкова О.В. Психологические факторы распознавания суицидального риска. Сценарии профилактических мероприятий: учебно-методическое пособие для специалистов, занимающихся воспитательной работой в образовательных учреждениях / О.В. Стрелкова, В.С. Стрелкова. — Калининград: Изд-во БГАРФ, 2021. — 153 с.
14. Тетерина Т.Л. Проблема суицида в юношеском возрасте // Школьный психолог. — 2007. — № 13. — С. 25 – 34.
15. Холмогорова А.Б., Воликова С.В. Основные итоги исследования факторов суицидального риска у подростков на основе психосоциальной многофакторной модели расстройств аффективного спектра // Медицинская психология в России. — 2012. — № 2 (13). — С. 4.
16. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Горшкова Д.А., Мельник А.М. Суицидальное поведение в студенческой популяции // Культурно-историческая психология. — 2009. — № 3. — С. 101 – 110.
17. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии / АН СССР, Ин-т психологии. — М.: Наука, 1977. — 144 с.
18. Chiu Y.-C., Tseng C.-Y., Lin F.-G. Gender differences and stage-specific influence of parent – adolescent conflicts on adolescent suicidal ideation // Psychiatry Research. — 2017. — Vol. 255. — P. 42 – 46.

© Романова Ирина Викторовна (vir-futurum@mail.ru), Юматова Татьяна Александровна (yumatova_ta@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЫБОРА БРАЧНОГО ПАРТНЕРА У МОЛОДЕЖИ ГУМАНИТАРНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Руновская Елена Геннадьевна

кандидат психологических наук, Ярославский
государственный университет им. П.Г. Демидова
psydek@uniyar.ac.ru

Ехтенкова Алина Александровна

Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова

THE VALUE GROUNDS FOR CHOOSING A MARRIAGE PARTNER AMONG YOUNG PEOPLE OF HUMANITIES AND TECHNICAL FACULTIES

**E. Runovskaya
A. Yekhtenkova**

Summary: The article presents the results of an empirical study aimed at studying the value bases of choosing a marriage partner among young people. The psychological profiles of values characteristic of students of humanities and technical faculties are identified and described. Modern youth are characterized by an altruistic orientation, they highly appreciate the social activity of their partner, the ability to show emotional and psychotherapeutic support, as well as personal identification. There are differences in the manifestation of the value of security: for students of the humanities, security consists in observing traditions and rules, belonging to a group, including a family; for students of technical faculties, security is formed by creating material security and their development in social roles. When choosing a marriage partner, young people from the humanities and technical faculties are guided by similarities with their own values. It is suggested that the resolution of intrapersonal conflict becomes an urgent topic in the work of a counseling psychologist on relationship issues and the choice of a marriage partner: coordinating an altruistic focus on solving universal human issues with the development of skills for accepting another person in their close environment.

Keywords: student values, family values, the choice of a marriage partner.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение ценностных оснований выбора брачного партнера у молодежи. Выявлены и описаны психологические профили ценностей, характерные студентам гуманитарных и технических факультетов. Для современной молодежи характерна альтруистическая направленность, они высоко ценят социальную активность партнера, умение проявлять эмоционально-психотерапевтическую поддержку, а также личностную идентификацию. Существуют различия в проявлении ценности безопасности: для студентов гуманитарного направления безопасность заключается в соблюдении традиций и правил, принадлежности группе, в т.ч. семье; для студентов технических факультетов безопасность формируется за счет создания материальной обеспеченности и своего развития в социальных ролях. Молодежь гуманитарных и технических факультетов при выборе брачного партнера ориентируется на сходство с собственными ценностями.

Сделано предположение, что актуальными темами в работе психолога-консультанта по вопросам взаимоотношений и выбора брачного партнера становится разрешение внутриличностного конфликта: согласование альтруистической направленности на решение общечеловеческих вопросов с развитием навыков принятия другого человека в своем близком окружении.

Ключевые слова: ценности студентов, семейные ценности, выбор брачного партнера.

Введение

В современных условиях подготовка молодежи к браку выступает одной из важных социальных проблем. Это связано с кризисом семьи, проявляющемся в неспособности семьи, как института, выполнять те роли и функции, которые она призвана реализовывать и с которыми она справлялась раньше. Этот кризис сопровождается брачно-семейные отношения вот уже на протяжении нескольких десятилетий и выражается в высоком проценте разводов (в 2024 году на 10 новых бракосочетаний приходилось порядка восьми разводов), снижении количества бракосочетаний, а также рождаемости. Н.Л. Антонова (2015) [1], С.В. Покровская, Н.А. Цветкова (2021) [9] фиксируют снижение уровня брачности, увеличение возраста вступления в брак и числа незарегистрированных брачных союзов, трансформации ролей внутри семьи. Вместе с этим, общество

заинтересовано в стабильности создаваемых семей и ее социальной эффективности.

Актуальным становится понимание глубинных причин выбора брачного партнера, анализ стратегий, критериев [2] и механизмов выбора, что позволит расширить методический инструментарий работы психолога-консультанта со студентами по вопросам гармонизации отношений в паре, профилактики социального неблагополучия.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 140 человек в возрасте от 18 до 25 лет – студенты бакалавриата и магистратуры ЯрГУ им. П.Г. Демидова, ЯГТУ, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, МФЮА, УРГЭУ: 70 студентов гуманитарных факультетов (40% - юноши, 60% - девушки) и 70 студентов технических факультетов (64% - юноши, 36% - девушки).

Методы исследования: методика «Рольевые ожидания и притязания» А.Н. Волковой; методика измерения ценностей Ш. Шварца; метод анкетирования.

Математико-статистические методы анализа и обработки эмпирических данных: непараметрический статистический U-критерий Манна-Уитни; непараметрический статистический критерий Хи-квадрат Пирсона; кластерный анализ.

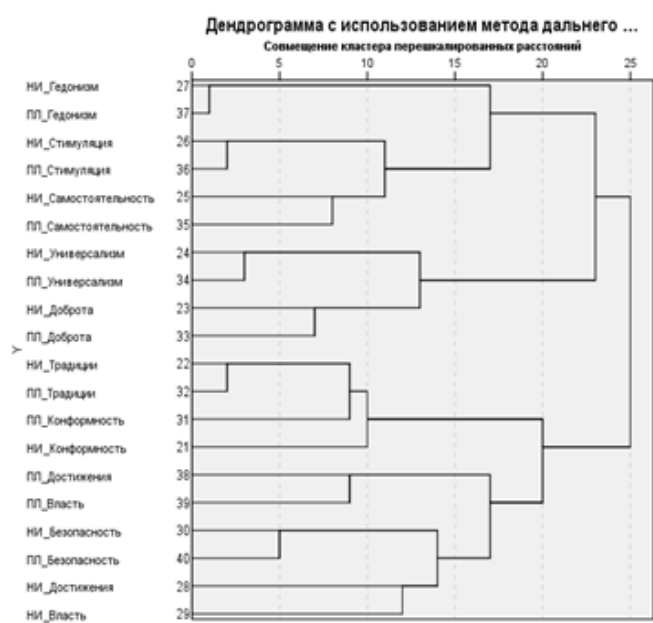
Результаты и обсуждения

Сравнительный анализ данных, полученных по шкалам семейных ценностей, не выявил статистически значимых различий. Качественный анализ профиля выраженности шкал показал, что для обеих групп студентов наиболее важными являются социальная активность партнера и личностная идентификация. Такие результаты подтверждаются исследованием Т.А. Висковой [5], Н.И. Курицыной и А.Ю. Калугиным [6], которые установили, что для студентов обеих профилей подготовки наиболее значимы ценности достижения, престижа, социальной контактности и развития себя.

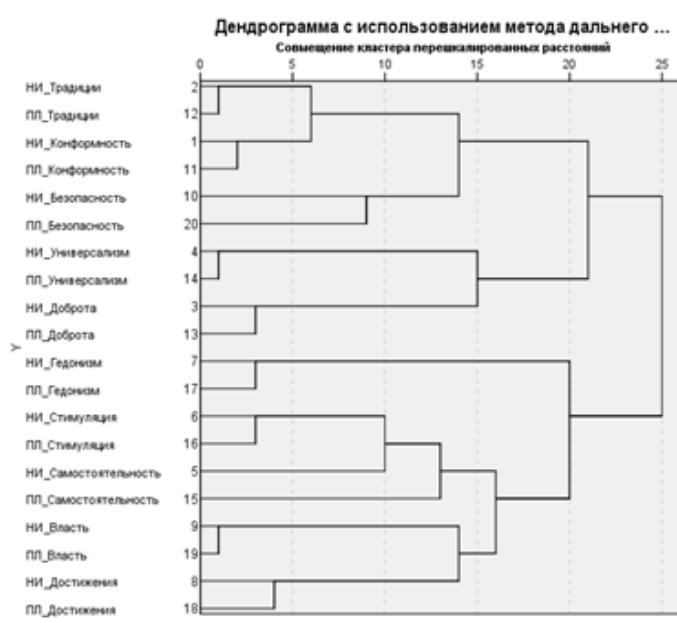
В проведенном ранее исследовании Ю.Н. Седых, С.Б. Дагбаевой [10] и С.Р. Петрухиной [8] отмечается значимость семейной жизни для студентов обеих групп. Полученные нами данные позволяют качественно конкретизировать выраженность профиля семейных ценностей. При выборе партнера в студенческом возрасте ими наиболее ценится умение оказывать эмоционально-психотерапевтическую поддержку друг другу, а наименее выраженной является интимно-сексуальная сфера.

Исследование ценностей по методике Ш. Шварца у молодежи технических и гуманитарных факультетов показало, что для всех студентов ведущими ценностями выступают: достижения, доброта и самостоятельность. Существуют статистические различия по ценности безопасности (уровень нормативных идеалов, $p \leq 0,01$), которая выше выражена у молодежи гуманитарных факультетов. Ценность безопасности включает в себя многие аспекты, в том числе удовлетворенность жизнью, положительные эмоции, здоровье, материальное благополучие и пр. Полученные результаты согласуются с результатами других исследований. В исследовании Е.А. Балдановой [3] были выявлены достоверно значимые различия по ценности «здоровье», которая более значима для студентов гуманитарного вуза. Седых Ю.Н. и Дагбаевой С.Б. [10] были получены статистически значимые результаты, которые показывают, что студенты гуманитарного факультета имеют наибольшую направленность на материально обеспеченную жизнь.

Также был проведен кластерный анализ исследуемых ценностей. Через описание дендрограммы (Рис.1) дадим характеристику ценностной сферы студентов гуманитарных и технических факультетов. В каждой группе выделяются по четыре кластера. Одинаковым для обеих групп является кластер, в который входит универсализм и доброта, что говорит о наличии у современной молодежи идеи всеобщей заботы и уважения к каждому человеку, вне зависимости от его индивидуальных особенностей, признание равенства всех людей перед общечеловеческими ценностями и нормами морали, основанными на доброте и сострадании. В обеих выборках существуют самостоятельные кластеры разделение ценностей семьи и работы, личных достижений

Студенты технических факультетов

Студенты гуманитарных факультетов

Рис. 1. Кластеры ценностей у студентов технических и гуманитарных факультетов

Наиболее интересным является рассмотрение кластеров, включающих ценность безопасности. Для студентов гуманитарного направления безопасность заключается в соблюдении традиций и правил, принадлежности группе, в т.ч. семье. Для студентов технических факультетов безопасность включена в кластер вместе с властью и достижениями, что свидетельствует о стремлении формирования материальной обеспеченности за счет своего развития в социальных ролях.

Это можно объяснить через разницу типов мышления [4]. У студентов гуманитарных факультетов – художественный тип мышления, при котором характерна эмоциональная направленность восприятия безопасности через сохранение семьи, традиционных ролей мужчины и женщины. У студентов технических факультетов – технический и теоретический тип мышления. У них преобладает рациональный способ отношения к жизни, связанный с достижениями, властью, контролем, что обеспечивает материальную базу.

Проведенное анкетирование позволило выявить характеристики, которые описывают черты будущего брачного партнера, иными словами, что я ожидаю от своего(ей) супруга(и). Такими категориями ценностей стали:

1. *личностные качества* (честность, верность, преданность, ответственность, надёжность, уверенность в себе, уравновешенность, принципиальность, смелость, скромность и др.);
2. *интеллектуальные качества* (ум, интеллект, любознательность, стремление к знаниям, мудрость, опыт, саморазвитие, эрудиция, начитанность и др.);
3. *коммуникативные качества* (умение договариваться, открытость в общении, честная и уважительная коммуникация, умение вести диалог, чувство юмора и др.);
4. *семейные установки и ориентация на отношения* (стремление создать семью, любовь к детям, ориентация на воспитание, верность семье, семейные ценности, общие взгляды на жизнь и будущее, умение принимать решения в интересах семьи, готовность работать над отношениями и др.);
5. *хозяйственно-бытовые и практические качества* (умение обустроить быт, участие в домашних делах, умение планировать, навыки тайм-менеджмента, забота о комфорте и уюте и др.);
6. *внешние и поведенческие признаки* (внешняя при-

влекательность, ухоженность, спортивное телосложение, приятный голос, мягкость, теплота, наличие харизмы);

7. *индивидуальность и самодостаточность* (наличие увлечений и интересов, самостоятельность, независимость, готовность к изменениям, личностная автономия и др.);
8. *психологическая совместимость, чувство надёжности* («как за каменной стеной», чувство безопасности (физической, эмоциональной, финансовой), психологическая устойчивость партнёра, лидерство с уважением к мнению другого, «свой человек», «лучший друг»);
9. *эмоционально-психологическая зрелость и поддержка* (забота, поддержка в трудные моменты, умение выслушать, эмпатия, чувствительность, понимание и принятие, внимание к эмоциям и потребностям, готовность говорить и обсуждать, эмоциональная зрелость).

Выявлены статистически значимые различия: студенты гуманитарных факультетов чаще подчёркивают ожидание от партнера эмоциональной близости и поддержки ($\chi^2 = 4,055$, $p \leq 0,05$) у своего партнера. Е.А. Балданова [3], Е.Ю. Макарова и Н.А. Цветкова [7] в своих исследованиях также отмечают, что студенты гуманитарных факультетов в большей степени ориентированы на взаимодействие с другими, характеризуются более высокой эмпатией, тогда как студенты технических направлений более прагматичны.

Заключение

Таким образом, для современной молодежи характерна альтруистическая направленность. Молодежь гуманитарных и технических факультетов при выборе брачного партнера ориентируется на сходство с собственными ценностями: студенты гуманитарных факультетов ориентированы на выполнение психотерапевтической функции партнером, студенты технических факультетов ценят в партнере саморазвитие, личностный рост. Актуальными темами в индивидуальном консультировании и консультировании пары по вопросам взаимоотношений становится разрешение внутриличностного конфликта: согласование альтруистической направленности на решение общечеловеческих вопросов с развитием навыков принятия другого человека в своем близком окружении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Н.Л., Щербакова М.В. Брачный выбор молодежи: стратегии и факторы / Н.Л. Антонова Н.Л., Щербакова М.В. // Перспективы науки. – Тамбов: ТМБпринт – 2015. – №3 (66). – С. 52-56.
2. Балакирева, М.А. Значимость критериев выбора брачного партнёра при создании брачных отношений / М.А. Балакирева // Психология личностного взаимодействия в современном обществе: Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Армавир, 12 апреля 2022 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. – С. 79-85.

3. Балданова Е.А. Особенности ценностных ориентации студентов технического и гуманитарного вузов / Е.А. Балданова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 339-344.
4. Березина П.С. Эмпирическое исследование учебных стилей и типов мышления студентов технического и гуманитарного направлений / П.С. Березина, Н.В. Попова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12, № 2. – С. 57.
5. Вискова Т.А. Особенности ценностных ориентаций студентов технического и гуманитарного профилей подготовки: сборник трудов конференции. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: сборник статей VI Междунар. конф. профессорско-преподавательского состава (Казань, 18 марта 2022 г.) / редкол.: Е.А. Астраханцева [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2022. – С. 23-28.
6. Курицына Н.И., Калугин А.Ю. Особенности ценностно-смысловой сферы личности студентов гуманитарных и технических специальностей // ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». – 2018. – 83 с.
7. Макарова Е.Ю., Цветкова Н.А. Особенности психологической готовности к браку студенческой молодежи разной направленности образования // Проблемы современного образования. – 2022. – №6. – С. 32-47.
8. Петрухина С.Р. Особенности ценностных ориентаций студентов различных профилей профессиональной подготовки // Психолог. – 2017. – №4. – С. 10-20.
9. Покровская С.В., Цветкова Н.А. Молодая семья: особенности ролевых ожиданий и притязаний супругов // МНИЖ. – 2021. – №11-4 (113). – С. 58-62.
10. Седых Ю.Н., Дагбаева С.Б. Ценностные ориентации студентов разных факультетов в условиях социально-духовного кризиса // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2020. – 8 с.

© Руновская Елена Геннадьевна (psydek@uniyar.ac.ru), Ехтенкова Алина Александровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ ВНЕДРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF THE CORPORATE VALUES IMPLEMENTATION PROGRAM

**I. Shavkin
R. Kupriyanov**

Summary: In the conditions of growing uncertainty and competition for qualified personnel, corporate culture becomes a strategic resource of the organization. The article considers corporate culture as a system of values and norms that determine the organizational behavior of employees. An approach to assessing the effectiveness of the corporate values implementation program through quantitative measurement of the strength of corporate culture is described. An integral indicator of the strength of corporate culture is proposed, which takes into account two parameters: the proportion of employees aware of corporate values, and the proportion of employees who have integrated these values into their personal value attitudes. The methodology makes it possible to track the dynamics of the formation of corporate values, assess the effectiveness of the corporate values implementation program and adjust it in a timely manner.

Keywords: organization, corporate culture, corporate values, personal value systems, the power of corporate culture.

Шавкин Игорь Валерьевич

Аспирант, ФГБОУ «Казанский национальный
исследовательский технологический университет»;
Директор по разработкам и развитию ООО «ЦКР
«Персонал-Профи»
pprofy@mail.ru

Куприянов Роман Владимирович

Кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Казанский национальный исследовательский
технологический университет»
kroman1@mail.ru

Аннотация: В условиях нарастающей неопределенности и конкуренции за квалифицированный персонал корпоративная культура становится стратегическим ресурсом организации. В статье рассматривается корпоративная культура как система ценностей и норм, определяющих организационное поведение сотрудников. Описан подход к оценке эффективности программы внедрения корпоративных ценностей через количественное измерение силы корпоративной культуры. Предложен интегральный показатель силы корпоративной культуры, который учитывает два параметра: долю сотрудников, осведомленных о корпоративных ценностях, и долю сотрудников, интегрировавших эти ценности в личные ценностные установки. Методика дает возможность отслеживать динамику формирования корпоративных ценностей, оценивать эффективность программы внедрения корпоративных ценностей и своевременно корректировать ее.

Ключевые слова: организация, корпоративная культура, корпоративные ценности, личные ценностные установки, сила корпоративной культуры.

Введение

Чем больше растёт неопределённость и непредсказуемость среды, в которой существует организация, тем больший интерес лидеры компаний проявляют к корпоративной культуре, рассматривая её как стратегический ресурс, позволяющий достигать амбициозные цели, сохранять целостность и жизнеспособность организации, привлекать, сохранять и вовлекать в деятельность квалифицированных специалистов. Одним из значимых факторов среды, который приходится учитывать руководителю – это конкуренция за персонал с другими компаниями, вызванная его дефицитом¹ и сменой представлений о справедливом социальном контракте со стороны специалистов, их готовность чаще менять место работы [9]. При этом корпоративная культура и корпоративные ценности, как неотъемлемая ее часть, влияют на привлекательность компании в глазах аппликантов и успешность адаптации новичков. Это влияние может быть как положительное, так и отрицательное [4], так Т. Дил и А.

Кеннеди говорят о том, что «культурный шок» может стать причиной плохой адаптации в коллективе и низкой эффективности сотрудника при переходе из одной организации в другую [12]. Отмечено влияние корпоративной культуры на оценку профессионального благополучия участников управленческого взаимодействия, как руководителя, так и подчинённого, через согласованность ценностей его участников [7], что соответственно сказывается на величине текучести персонала.

Таким образом построение корпоративной культуры, направленной на сохранение и развитие организации, относится к персональной зоне ответственности руководителя. По мнению Э. Шейна: «...важной, проблемой руководителя является задача создания культуры и управления ею, талант же руководителя определяется его способностью понять культуру и работать с ней» [11]. Для управления процессом построения корпоративной культуры, важно сделать этот процесс измеримым. В данной статье мы предлагаем подход к диагностике и коли-

1 Мануйлова А. В нашей стране больше никогда не будет дешевой рабочей силы//Газета «Коммерсантъ» №173/П от 23.09.2024, стр. 2

чественному измерению силы корпоративной культуры.

Корпоративные ценности в культуре организации

Под корпоративной культурой понимается «система ценностей и норм, которые разделяются сотрудниками социальной организации и определяют их организационное поведение»². В данном определении важной составляющей частью корпоративной культуры указываются её ценности. Под корпоративными ценностями мы понимаем морально-нравственные ориентиры, принятые в компании, на основании которых принимаются решения и даётся оценка случившемуся [5]. При этом ценности есть как у компании, так и у сотрудника в связи с чем встаёт вопрос о том, как они согласованы, как они соотносятся между собой, как ценности компании интегрированы в личностные ценностные установки её сотрудников. Под «интеграцией ценностей» в данном случае понимается степень совпадения личных ценностей сотрудников с корпоративными ценностями компании, а под «личностными ценностными установками» понимается система ценностей, сформировавшаяся у личности в ходе её жизненного опыта, образования и развития [2]. На основании личностных ценностных установок происходит выбор цели и средства её достижения, даётся оценка событиям, которая в свою очередь определяет эмоциональный отклик на них. Личностные ценностные установки не являются неизменными и могут меняться в ходе профессиональной деятельности, таким образом, корпоративные ценности могут стать частью личностных ценностных установок сотрудников [1, 2, 3]. Корпоративные ценности, после их интеграции в личностные ценностные установки сотрудников будут отражаться в их поведении и ценностях создаваемого ими продукта. Таким образом, успешность программы внедрения корпоративных ценностей можно оценить через наблюдение за поведением сотрудников организации. В частности, была показана возможность оценки эффективности программы внедрения корпоративных ценностей в личностные ценностные установки сотрудников через контент-анализ отзывов клиентов [10]. Однако этот метод не лишен недостатков, он не позволяет оценивать динамику формирования корпоративной культуры на начальном этапе внедрения программы.

Методика оценки эффективности программы внедрения корпоративных ценностей через силу корпоративной культуры

Существует много различных классификаций корпоративной культуры по разным основаниям [6]. Одна из классификаций подразделяет корпоративную культуру на «сильную» и «слабую» в зависимости от степени совпадения корпоративных ценностей в личностных ценностных

установках сотрудников. В связи с этим следует дать определение конструкту «сила корпоративной культуры». Под силой корпоративной культуры в нашей статье понимается степень осознания и принятия персоналом организации ключевых ценностей, провозглашаемых руководством [8]. В соответствии с данным определением, чем больший процент сотрудников осведомлён о ценностях, провозглашаемых руководителем, понимает их смысл, воспринимает их как часть корпоративной культуры, интегрировал их в свои личностные ценностные установки – руководствуется ими при совершении поступков и оценке событий, тем сильнее корпоративная культура организации, тем большим ресурсом она служит руководителю для достижения поставленных им целей. Таким образом по степени принятия ключевых ценностей, корпоративную культуру можно отнести либо к категории «Сильной» – ключевые ценности разделяются всеми членами организации, либо к «Слабой» – общие ценности отсутствуют [8].

Корпоративная культура организации закрепляет в себе ценности и нормы поведения, показавшие себя полезными для выживания организации и её членов. Корпоративные ценности, закрепившиеся в культуре, становятся базовыми представлениями членов коллектива [11], которые являются для них одинаково очевидными, принимаются безоценочно, ими они руководствуются при совершении поступков и оценке случившегося. Таким образом корпоративная культура определяет направленность групповых усилий сотрудников, при этом эта направленность может как совпадать с замыслами руководителя так может и не совпадать, т.е. корпоративная культура имеет вектор. Для лидера компании важно, чтобы нормы и ценности корпоративной культуры были направлены на достижение определяемых им стратегических целей, а не подпитывали собой групповое сопротивление в их достижении. Исходя из этого задача руководителя – определить и внедрить в культуру компании ценности, которые способствуют целостности, выживанию и успешности компании. Такие корпоративные ценности являются стратегическим ресурсом организации. При этом внедряемые ценности не должны противоречить личностным ценностным установкам лидера компании, т.к. это противоречие будет снижать эффективность программы формирования корпоративной культуры.

Решать эту задачу надо последовательно и системно, управляя этим процессом. Для управления процессом важно выделить значимые факторы, влияющие на него, установить их взаимосвязь, начать измерять их и вносить по итогам анализа результатов измерения корректировки в реализуемый план действий. В нашем случае, для управления процессом укоренения в корпоративной культуре провозглашаемых руководителем ценностей, перевода их с поверхностного-декларативного

2 Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколов. О.В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003.

уровня корпоративной культуры на глубинный [5], нужно измерять такие значимые факторы, как:

1. степень осознания сотрудниками декларируемых ценностей, как части уникальной культуры компании;
2. степень интеграции ценностей компании в личностные ценностные установки сотрудников.

Для оценки эффективности внедрения корпоративных ценностей мы предлагаем использовать интегральный показатель силы корпоративной культуры, для которого разработали методику его расчёта.

Это показатель учитывает два параметра: долю сотрудников, осведомленных о корпоративных ценностях ($R_{осв}$), и долю сотрудников, интегрировавших эти ценности в личностные ценностные установки ($R_{лич}$). Исходя из определения силы корпоративной культуры оба эти параметра одинаково значимы. В идеальном случае каждая корпоративная ценность должна быть как известна сотруднику, так и интегрирована в его ценностные установки. Поэтому для расчёта этого показателя оптимально подходит среднее геометрическое, т.к. оно отражает взаимосвязь между этими двумя показателями. Таким образом, если один параметр стремится к нулю, то коэффициент будет также стремиться к нулю. Если оба параметра примерно равные, тогда коэффициент будет стремиться к среднеарифметическому значению. Следовательно, формула расчёта интегрального показателя коэффициента силы корпоративной культуры будет выглядеть следующим образом:

$$СК = \sqrt[2]{\frac{\sum_{i=0}^n R_{осв} * R_{лич}}{n}}$$

где,

СК – коэффициент силы корпоративной культуры (от 0 до 1).

n – количество оцениваемых корпоративных ценностей

$R_{осв}$ – доля персонала от общей численности персонала осведомлённая о данной корпоративной ценности;

$R_{лич}$ – доля персонала от общей численности персонала указывающая корпоративную ценность, как свою личную ценность, которой они руководствуются при совершении поступков.

Так как сильной культурой считается культура, в которой подавляющее большинство сотрудников осознаёт и принимает ценности, провозглашаемые руководителем, то, по нашему мнению, оба этих параметра должны быть выше 0,6, что соответствует 2/3 коллектива или подавляющему большинству. В этом случае можно сделать вывод об успешности программы внедрения декларируемых руководителем ценностей в корпоративную культуру. Также кроме успешности программы в целом, по данному показателю можно оценивать динамику укоренения в корпоративной культуре, провозглашаемых руководителем ценностей, оценивать эффективность реализуемых мероприятий и в случае необходимости вносить коррективы в реализуемый план действий.

Выводы

На основании проведённого теоретического анализа научной литературы можно сформулировать следующие выводы:

1. Корпоративная культура является сложным многокомпонентным социально-психологическим феноменом, который выступает стратегическим ресурсом организации в условиях нарастающей неопределённости внешней среды. Ключевым элементом корпоративной культуры являются ценности, которые определяют организационное поведение сотрудников и задают вектор групповых усилий. Процесс формирования корпоративной культуры находится в зоне персональной ответственности руководителя и требует системного, последовательного управления.
2. Предложен количественный способ оценки силы корпоративной культуры, учитывающий два параметра: долю сотрудников, знающих и воспринимающих, декларируемые руководителем ценности, как корпоративные ценности, и долю сотрудников, в чьи личностные ценностные установки интегрированы декларируемые руководителем ценности. Данная методика может быть использована для диагностики корпоративной культуры в различных типах организаций.

Перспективы дальнейших исследований видятся в апробации методики в различных отраслевых и организационных контекстах, разработке дополнительных методов валидации и стандартизации предложенного инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалова, И.В. Ключевая роль аксиологического аспекта в формировании профессиональной культуры / И.В. Беспалова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1878.
2. Брызгалина, Е.В. Воспитание как образовательный результат: ценностноориентированный подход к оцениванию в системе общего образования / Е.В. Брызгалина, С.В. Станченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 574-588. – DOI

- 10.22363/2313-2302-2021-25-4-574-588.
3. Зинькина, Ю.В. Универсальные эффекты влияния формального образования на ценностные установки в кроссрегиональной перспективе / Ю.В. Зинькина, С.Г. Шульгин, К.Е. Новиков, А.В. Коротаев, // Социологические исследования. – 2021. – № 9. – С. 64-70. – DOI 10.31857/S013216250014147-4.
 4. Коновалова, В.Г. Когда корпоративная культура может стать проблемой: проявления и причины «токсичности» / В.Г. Коновалова // Вестник университета. – 2019. – № 6. – С. 11-18. – DOI 10.26425/1816-4277-2019-6-11-18. – EDN OPUCRI.
 5. Куприянов, Р.В. Формирование организационной культуры в органах государственной власти в современных социо-экономических условиях / Р.В. Куприянов, И.В. Шавкин // Человеческий капитал. – 2024. – № 2(182). – С. 168-175. – DOI 10.25629/НС.2024.02.16.
 6. Палевская, С.А. Классификации типов корпоративной культуры организации (исторические аспекты) / С.А. Палевская, М.В. Боброва // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2019. – № 3-4. – С. 65-76. – DOI 10.25742/NRIPH.2019.03.008.
 7. Рябов, В.Б. Сила культуры управленческого взаимодействия как детерминанта профессионального благополучия / В.Б. Рябов // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2019. – Т. 4, № 3. – С. 128-149. – EDN PTUFNO.
 8. Слинкова, О.К. Управление организационной культурой / О.К. Слинкова, Е.Г. Грудистова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2009. – № 21(154). – С. 64-74.
 9. Тощенко, Ж.Т. Общие и специфические критерии precarious занятости // Социологические исследования - 2020. – №9. – С.90-102.
 10. Шавкин, И.В. Технология формирования корпоративной культуры (опыт ООО «Центр кадровых решений «Персонал Профи») / И.В. Шавкин, Р.В. Куприянов // Шакуровские чтения: II Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов, Казань, 17 мая 2024 года. – Казань: КНИТУ, 2024. – С. 39-42.
 11. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. – СПб: Питер, 2002. – 336 с.
 12. Schwartz, T.P. Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Corporate Life / Schwartz, T.P., Deal, T.E., & Kennedy, A.A. // Contemporary Sociology. – 1983. – 12(5), P.566. – DOI 10.2307/2068737.

© Шавкин Игорь Валерьевич (rprofu@mail.ru), Куприянов Роман Владимирович (kroman1@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ОБРАЗА ОТЦА

THE RESILIENCE OF A PERSON WITH DIFFERENT CHARACTERISTICS OF THE FATHER'S IMAGE

V. Shamilova
M. Ragulina

Summary: The article investigates the relationship between the image of the father and the level of personality resilience in the conditions of modern social changes. The purpose of the study was to determine the influence of the quality of paternal involvement on psychological adaptation and the ability to constructively overcome life difficulties. Using the Parental Attitude Questionnaire (PBI), the S. Muddy resilience test and the projective technique "My father..." a comparative and correlational analysis of groups with and without a father present was conducted. The results showed that a positive image of the father, characterized by high levels of acceptance and low levels of hypercare, correlates with increased involvement and general adaptability. At the same time, the differences between the father and non-father groups were not statistically significant, emphasizing the importance of the internal image of the father, shaped by emotional perception and cultural norms. The obtained data substantiate the need for targeted psychological work on the quality of the father's image in programs aimed at developing resilience and personal growth.

Keywords: resilience, father's image, system approach, acceptance, hyperprotection, involvement, parental attitude.

Шамилова Валерия Витальевна

Тихоокеанский государственный университет,
(г. Хабаровск)
2021100890@togudv.ru

Рагулина Марина Владимировна

кандидат психологических наук, доцент, Тихоокеанский
государственный университет, (г. Хабаровск)
ragulina@inbox.ru

Аннотация: В статье исследуется взаимосвязь между характеристиками образа отца и уровнем жизнестойкости личности в условиях современных социальных изменений. Цель исследования заключалась в изучении жизнестойкости личности и определении влияния качества отцовского участия на психологическую адаптацию к стрессам и способность конструктивно преодолевать жизненные трудности. С использованием опросника родительского отношения (PBI), теста жизнестойкости С. Мадди и проективной методики «Мой отец...» проведён сравнительный и корреляционный анализ групп с отцом и без присутствующего отца. Результаты показали, что позитивный образ отца, характеризующийся высокими уровнями принятия и низкой гиперопекой, коррелирует с повышенной вовлечённостью и общей способностью к адаптации. При этом различия между группами, имеющими и не имеющими отца, не оказались статистически значимыми, что подчёркивает важность внутреннего образа отца, сформированного под влиянием его эмоционального восприятия и культурных норм. Полученные данные обосновывают необходимость целенаправленной психологической работы над качеством отцовского образа в программах, направленных на развитие жизнестойкости и личностного роста.

Ключевые слова: жизнестойкость, образ отца, системный подход, принятие, гиперопека, вовлечённость, родительское отношение.

Введение

Современный мир характеризуется динамичными социальными изменениями, несущими эмоциональный и информационный стресс, отчего проблема изучения и жизнестойкости личности приобретает особую значимость. Жизнестойкость психологи определяют как способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, в стрессовых ситуациях действовать эффективно и превращать жизненные трудности в возможности для саморазвития.

Сальвадор Мадди впервые рассмотрел феномен жизнестойкости и определил ее как «совокупность внутренних убеждений человека о себе, окружающем мире и своём месте в нём». Он предложил трёхкомпонентную структуру жизнестойкости: вовлечённость, контроль и принятие риска. Вовлечённость – это активное участие в происходящих событиях и деятельности, которое приносит радость и удовлетворение. Когда этот элемент

отсутствует, человек чувствует себя оторванным от жизненного потока и, как будто находится в стороне от событий. Контроль работает как установка на борьбу и усилия, которые приводят к желаемым результатам, что противопоставляется ощущению беспомощности. Принятие риска представляет собой уверенность в том, что все происходящее способствует развитию личности, позволяет извлекать уроки из предыдущего опыта и использовать его для достижения новых высот [7].

Согласно исследованиям Рассказовой Е.И. жизнестойкость представляет собой сложную систему психологических установок, направленных на осмысленное преобразование негативного опыта в ресурс для дальнейшей личностной эволюции [11].

Особое внимание в контексте развития жизнестойкости уделяется роли семьи, а именно отцовской фигурой, в формировании устойчивых психологических стратегий ребёнка. Родительское отношение отца и его влия-

яние на развитие ребёнка изучены в гораздо меньшей степени, чем данные вопросы в контексте проблем материнства. Влияние отца на развитие ребёнка является предметом исследований таких учёных как А. Адлер, Н. Аккерман, Ж. Александер, Б. Беттельхейм, Ф. Дольто, Р. Дрейкурс, И.С. Кон, Р.В. Овчарова, К. Роджерс, В. Сатир, К. Сэрдер, А. Эллис, А. Фромм, Э. Эриксон и др.

Для психологического благополучия и развития личности имеют значение не только реальные взаимодействия между отцом и ребёнком, но и представление о родителе, т.е. «внутренний отец», образ которого формируется в психике под влиянием множества факторов. Этот образ отца выступает как значимая структура, определяющая психическое развитие как девушек, так и юношей, при этом его формирование начинается с момента рождения и продолжается под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. В конструкцию образа отца включаются различные атрибуты – физические, интеллектуальные, эмоциональные [5]. Определяя образ отца как динамично формирующуюся структуру, исследователи О.Г. Калина и А.Б. Холмогоров пришли к выводу, что в его развитии существенную роль играют как внутренние, так и внешние детерминанты. К внутренним факторам можно отнести половозрастные установки, ситуативные проекции и фантазии ребёнка, тогда как внешние детерминанты охватывают социокультурные стереотипы, особенности общения в рамках детско-родительских отношений и опыт непосредственного контакта ребёнка с образом отца [8].

Согласно выводам В.А. Осинской, образ отца является важным фактором, оказывающим влияние на способность личности раскрывать свой внутренний потенциал и стремиться к саморазвитию и самореализации, либо, наоборот, способствующим остановке в развитии и проявлению психологического регресса [9].

Многочисленные эмпирические исследования убедительно демонстрируют, что отцы вносят уникальный вклад в развитие своих детей, подчеркивая значимость отцовской роли в формировании адаптивных стратегий и психологической устойчивости подрастающего поколения [13].

В статье Гофман О.О. и коллег раскрывается, что на пренатальном этапе уже начинается эмоциональная связь между родителями и ребёнком, где прикосновения отца могут оказывать позитивное воздействие на психическое развитие малыша [4]. Это подчеркивает важность участия отца с самого начала жизни ребёнка.

Согласно исследованию Васыгиной Н.Н. и Ельцовой И.В., образ отца обладает важным местом в структуре образной сферы, влияя на прохождение всех стадий психического развития. Отцы выступают как централь-

ные фигуры, способствующие раскрытию внутреннего потенциала человека, стимулируя стремление к самопознанию, развитию и самореализации. В этом контексте, положительные качества, такие как мудрость, мужественность, доминирование, уверенность в себе, играют ключевую роль в укреплении положительного образа отца [3]. Дети, чьи отцы активно участвуют в их жизни, демонстрируют более высокий уровень интеллектуального развития и более сбалансированную эмоциональную сферу [2]. Напротив, недостаток внимания со стороны отца может привести к развитию проблем в области самооценки, зависимости от внешних оценок и трудностям в межличностных отношениях.

Когда отец строго контролирует каждый шаг ребёнка, лишая его возможности самостоятельно принимать решения и учиться на своих ошибках, это приводит к развитию у ребёнка страха перед новыми ситуациями и снижению его способности адаптироваться к жизненным переменам [1].

Отец оказывает всеобъемлющее влияние на личность. Так, Зотова подчёркивает, что поведение и отношение отца к своему ребёнку влияют на следующие аспекты:

- формирование уверенности в себе и ощущения личной безопасности;
- развитие навыков установления и сохранения личных границ, то есть понимание того, какое поведение других людей является допустимым, а какое – нет;
- процессы самоидентификации и формирования самооценки, включая вопросы: «Кто я?» и «Какой я?», что приводит к принятию или неприятию себя;
- моделирование сценариев межличностных отношений, как в контексте мужско-женских, так и детско-родительских связей;
- содействие в процессах самореализации, способствующих проявлению инициативы, творческому самовыражению, готовности к риску, обретению самостоятельности и прохождению жизненных кризисов;
- установление отношений с социумом, включая понимание структур, иерархий, властных отношений, развитие чувства личной ответственности и способность занять достойное место в социальной среде [6].

Не смотря на растущее признание роли отца в развитии ребёнка, в психологии все еще недостаточно исследований этого вопроса, особенно в контексте влияния отца на жизнеспособность личности. В настоящее время существует не так много статей, посвященных влиянию отцовской фигуры на формирование личностных характеристик человека. В то время как материнство и родительство в целом более изучено, что, вероятно, связано

с близостью матери с ребенком. Однако в свете изменения половых ролей и семейных структур в современном обществе, важность осмысления этого вопроса только возрастает. Сейчас наблюдается активный переход от традиционной семьи к семье с партнерским типом взаимоотношений, при этом наблюдается переход от концепции «традиционного отца», ограничивающегося только материальным обеспечением, к модели «нового отца», который разделяет бытовые обязанности и равноправно участвует в заботе о ребенке [10]. Вследствие данной трансформации возрос интерес к исследованию влияния отцовской фигуры на детское развитие, что стимулировало появление новых эмпирических работ. Кроме того, парадигма оценки участия отца также претерпевает существенные изменения: акцент смещается с количественных характеристик (например, количество проведенного времени с ребёнком) на качественные аспекты взаимодействия, такие как проявление тепла, заботы и эмоциональной поддержки. Эмпирические исследования подтверждают критическую важность качества отцовского участия для общего благополучия и развития детей, показывая, что установление позитивных отношений между отцом и ребенком способствует снижению выраженности поведенческих проблем, рисков правонарушений в подростковом возрасте и употребления психоактивных веществ [13]. Однако многие вопросы остаются недостаточно изученными, а выдвинутые гипотезы и концепции требуют дополнительного эмпирического подтверждения. Однако всё еще многие вопросы недостаточно изучены, а у выдвинутых гипотез и концепций еще нет эмпирического подтверждения. Это обуславливает необходимость проведения комплексного исследования, направленного на выявление взаимосвязей между характеристиками отцовского образа и способностью личности сохранять эмоциональную устойчивость в условиях жизненных трудностей.

Материалы и методы

Целью нашего эмпирического исследования стало изучение жизнестойкости у личности с разным представлением об отце.

В исследовании приняли участие 50 человек (8 мужчин, 42 женщин), в возрасте от 17 до 44 лет (средний возраст 27,9 лет). Из них 10 испытуемых (20%) не воспитывались отцами.

В соответствии с целью исследования нами был подобран следующий диагностический инструментарий: Опросник Юношеский отчет о родительском отношении PBI (Parental Bonding Instrument, Parker, G., Tupling, H., & Brown, L.B.) в адаптации Тихомирова Т.Н. [12], который проходили только 40 участников, имеющих опыт воспитания отцом, тест жизнестойкости С. Мадди, адаптация: Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова [11], проективная мето-

дика 10 высказываний «мой отец...», которая является модификацией методики «20 высказываний» Куна и методики «незаконченные предложения».

Результаты и обсуждение

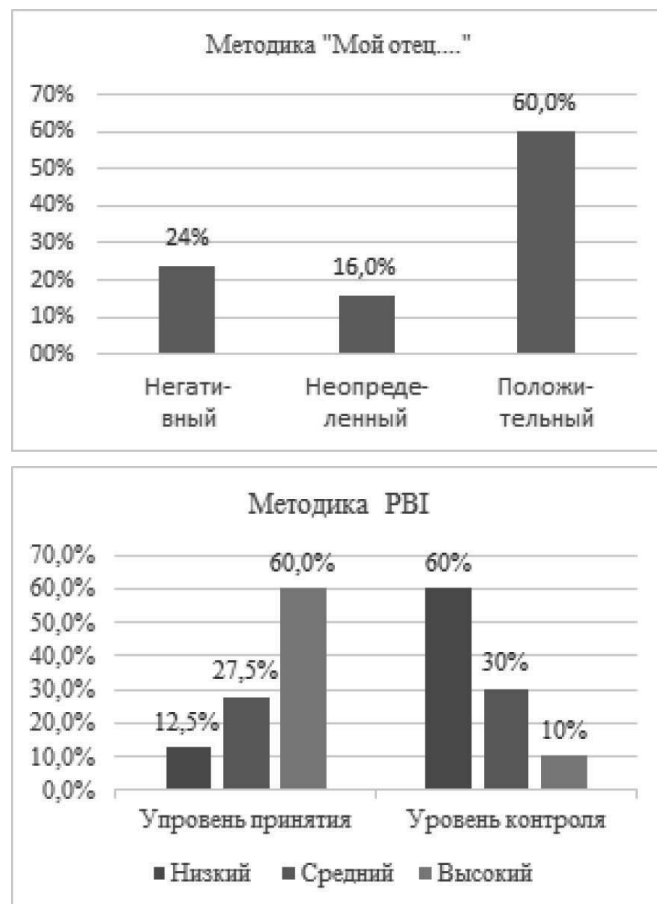

Рис. 1. Результаты оценки образа отца

Результаты оценки образа отца по методике 10 высказываний «Мой отец...» и опросника юношеский отчет о родительском отношении (PBI) в адаптации Тихомирова Т.Н. представлены на рисунке 1.

Результаты методик демонстрируют преобладание положительного образа отца (60%), что говорит об общей позитивной оценке.

Негативный образ отца определяется у 24 % испытуемых, а у 16 % образ отца не определен, так меньшинство опрошенных не смогли однозначно оценить фигуру отца. Образ отца им видится чаще амбивалентным, в других случаях нейтральным.

Значительная часть выборки (60 %) оценивает отношения высоким уровнем принятия со стороны отца, что, вероятно, обусловлено его безусловной поддержкой, адекватной заботой и возможностью открыто обсуждать проблемные ситуации. Одновременно в этой группе ре-

спондентов наблюдается низкий уровень гиперопеки, что свидетельствует об отсутствии чрезмерного контроля со стороны отца и наличии доверия к возможностям его ребенка.

В группе респондентов со средним значением по шкале «принятия» выявлено (27,5%) совпадает и среднее значение по шкале «гиперопека».

Низкий уровень принятия отцами отмечен (12,5%) у большинства респондентов этой группы высоким уровнем гиперопеки. Из чего следует, что отцы чрезмерно контролируют жизнь своих детей, не доверяют им, а также не поддерживают их. (Рисунок 2.)

Исходя из полученных результатов, можно сказать, что большинство респондентов демонстрируют средний уровень жизнестойкости и ее составляющих.

Далее для сравнения групп, имеющих и не имеющих отцов, по уровню жизнестойкости, использовался критерий Манна-Уитни для независимых выборок (таблица 1).

Так как асимметрическая значимость по всем шкалам больше 0,10, то различий между участием отца в воспитании и его отсутствием по уровню жизнестойкости и ее компонентов, а также на сам образ отца не обнаружены. Поэтому мы можем предположить, что уровень жизнестойкости не зависит от факта наличия или отсутствия отца, а, вероятно, связан с тем, как именно ушел отец и как о нем отзывались родные и близкие (положительно или отрицательно).

Взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и образом отца мы определяли по 2 группам: вся выборка (N = 50) и группа с отцами (N=40). Для шкалы «принятие» и переменной «образ отца» применяется непараметрический коэффициент Спирмена, поскольку распределение по шкале «принятие» не является нормальным, а шкала «образ отца» имеет порядковый характер. Для шкалы «гиперопека» используется параметрический коэффициент Пирсона. (Таблица 2.)

Результаты анализа на уровне всей выборки (N = 50).

- Вовлеченность: $r = 0,26$; $0,05 \leq p = 0,07 \leq 0,10$;
- Общая жизнестойкость: $r = 0,25$; $0,05 \leq p = 0,09 \leq 0,10$, следовательно между образом отца и уровнем жизнестойкости и вовлеченности есть связь близкая к значимой.

Результаты анализа для группы с отцом (Группа 1, N = 40).

А. Корреляция между шкалой «принятие» и жизнестойкостью.

- Вовлеченность и жизнестойкость: $r = 0,35$; $p = 0,03 \leq 0,05$ –присутствует значимая прямая связь между принятием отцом своего ребенка и уровнем вовлеченности и жизнестойкости.
- Принятие риска: $r = 0,27$; $0,05 \leq p = 0,10 \leq 0,01$ – наблюдается тенденция к связи, но значимость не подтверждена.

В. Корреляция между шкалой «гиперопека» и жизнестойкостью.

Принятие риска: $r = -0,30$; $0,05 \leq p = 0,06 \leq 0,10$ ука-

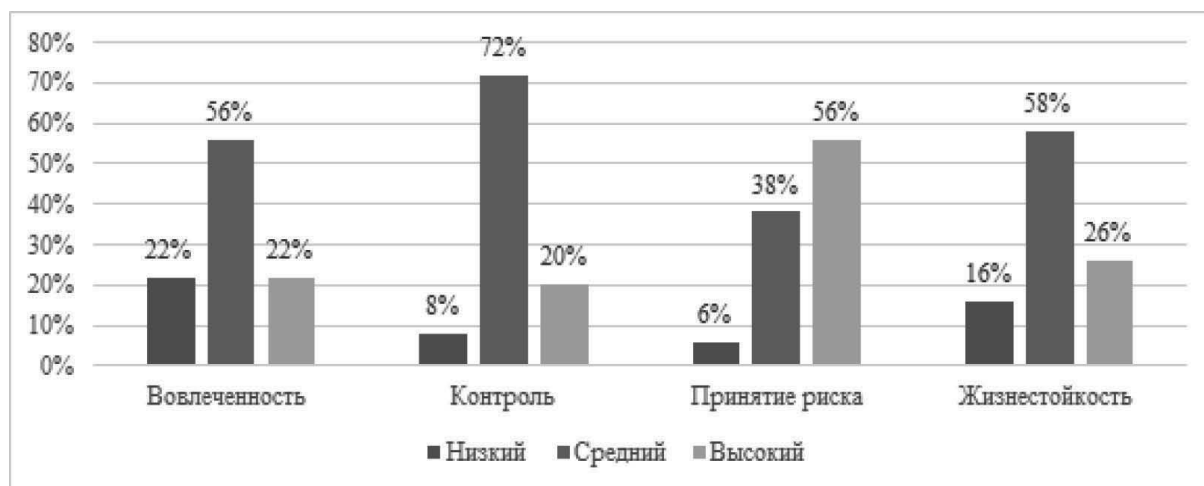

Рис. 2. Результаты методики жизнестойкости по общей выборке

Таблица 1.

Результаты статистического сравнения двух независимых выборок (наличие/отсутствие отца).

	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость	Образ отца
U Манна-Уитни	173,5	156,5	136	159,5	165
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,52	0,29	0,12	0,33	0,33

Таблица 2.

Результаты корреляционного анализа характеристик образа отца и установок жизнестойкости.

		Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость
Вся выборка (N=50)					
Образ отца	Коэффициент корреляции Спирмена	0,26	0,16	0,22	0,25
	Знач. (двухсторонняя)	0,07	0,27	0,13	0,09
Группа 1 (есть отец; N=40)					
Принятие	Коэффициент корреляции Спирмена	0,35	0,23	0,27	0,35
	Знач. (двухсторонняя)	0,03	0,16	0,10	0,03
Гиперопека	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,19	-0,16	-0,30	-0,22
	Знач. (двухсторонняя)	0,24	0,34	0,06	0,17
раОбраз отца	Коэффициент корреляции Спирмена	0,33	0,26	0,18	0,31
	Знач. (двухсторонняя)	0,04	0,11	0,27	0,05

зывает на обратную связь близкую к значимой, т.е. с увеличением гиперопеки происходит снижение готовности принимать риск.

С. Корреляция между «образом отца» и жизнестойкостью.

- Вовлеченность: $r = 0,33$; $0,05 \leq p = 0,04 \leq 0,10$ – значимая прямая связь;
- Общая жизнестойкость: $r = 0,31$, $0,05 \leq p = 0,05 \leq 0,10$ – значимая прямая связь, следовательно, можно сказать, что чем положительней образ отца, тем выше уровень вовлеченности в деятельность и жизнестойкости.

Заключение

Проведенное исследование эмпирически подтверждает взаимосвязь между характеристиками образа отца и уровнем жизнестойкости личности, обосновывая позитивный отцовский образ в качестве важного условия системы жизнестойкости. Установлено, что ключевым фактором, способствующим развитию личности, выступает не столько факт физического присутствия отца, сколько качество сформированного внутреннего образа и характер отцовского отношения. Значимая связь обнаружена

между принятием со стороны отца (безусловной поддержкой, заботой, открытостью) и такими компонентами жизнестойкости, как вовлеченность и общая способность к адаптации. Также в группе испытуемых, воспитывавшихся отцами, положительный образ отца коррелирует с высоким уровнем общей жизнестойкости и вовлеченности в деятельность, что показывает важность этого внутреннего образа как психологического ресурса. Однако, если рассматривать всю выборку, эта связь становится менее выраженной. Кроме того, выявлена тенденция к обратной связи между гиперопекой (чрезмерным контролем) и готовностью личности к принятию риска. Отсутствие различий в уровне жизнестойкости между группами, воспитывавшимися с отцом и без него, указывает на приоритетную значимость качества образа отца, формируемого под влиянием рассказов близких, культурных норм и личного осмысления, над фактом его физического присутствия. Полученные результаты обосновывают необходимость целенаправленной психологической работы с образом отца и стилем отцовского воспитания в программах поддержки, направленных на развитие жизнестойкости и способности конструктивно преодолевать жизненные трудности. В дальнейшем требуется более подробное исследование данной взаимосвязи на более репрезентативных выборках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликин, М.И. Связь жизнестойкости и отношений с родительской семьей у юношей-студентов / М.И. Аликин // Студент года 2020: сб. ст. XII Междунар. науч.-исслед. конкурса, Пенза, 05 марта 2020 г. / ред. кол.: Г.Ю. Гуляев [и др.]. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – с. 135–139.
2. Антипова, О.Л. Психология отцовства: тенденции исследования роли отца в родительстве / О.Л. Антипова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Образование и здравоохранение. – 2019. – № 1–2 (5–6). – с. 27–31.
3. Васягина, Н.Н. Особенности отражения образа отца в современной российской ментальности / Н.Н. Васягина, И.В. Ельцова // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 5. – с. 137–145.
4. Гофман, О.О. Роль отца в психологическом становлении и развитии ребенка: от рождения до юности / О.О. Гофман, К.У. Азимова, Е.П. Ванюкова, А.В. Воронов // Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Ханты-Мансийск, 17 нояб. 2022 г. – Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, 2022. – с. 261–264.

5. Гоффе, Н.В. Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах: монография / Н.В. Гоффе, Г.А. Монусова. – Москва: ИМЭ-МО РАН, 2020. – 164 с.
6. Зотова, Ю. Всё дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании / Ю. Зотова, М. Летучева. – М.: Независимая фирма «Класс», 2019. – 344 с.
7. Комарова, О.Н. Семья как ресурс жизнестойкости в подростковом возрасте / О.Н. Комарова, А.Л. Рассказова // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. – 2025. – № 1(70). – с. 5–17.
8. Корчуганова, В.Ю. К вопросу об образе отца у подростков / В. Ю. Корчуганова // Наука и социум: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – 2021. – № XII. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obraze-ottsa-u-podrostkov>.
9. Осинская, С.А. Проективные методы исследования Я-образа отца / С. А. Осинская // Актуальные вопросы современной науки. – 2012. – № 24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektivnye-metody-issledovaniya-ya-obraza-ottsa>.
10. Рагулина, М.В. Основы психологии семьи и семейного консультирования: учеб. пособие / М.В. Рагулина [и др.]; под общ. ред. М.В. Рагулиной; науч. ред. Е.Н. Ткач; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2022. – 187 с.
11. Рассказова, Е.И. Жизнестойкость и ее диагностика / Е.И. Рассказова, Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2016. – 159 с.
12. Тихомирова, Т.Н. Адаптация русскоязычной версии опросника «Юношеский отчет о родительском отношении» / Т.Н. Тихомирова, Д.А. Гайсина, С.Б. Малых // Сибирский психологический журнал, 2021. №81, с. 126-142.
13. Jeynes, W.H. A meta-analysis: The relationship between father involvement and student academic achievement / W.H. Jeynes // Urban Education. – 2015. – Vol. 50. – P. 387–423.

© Шамилова Валерия Витальевна (2021100890@togudv.ru), Рагулина Марина Владимировна (ragulina@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БОЕВОЙ СТРЕСС В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ

Юсипова Александра Борисовна

Докторант, Международный институт
психологии Smart
yusipovaab@mail.ru

COMBAT STRESS: SYSTEM ANALYSIS OF KEY FACTORS

A. Yusipova

Summary: The subject of the study is modern combat stress factors. The article presents a comprehensive analysis of modern combat stress factors that affect the psychophysiological state of military personnel in the context of current forms of military conflicts. Both traditional and new determinants (cyber threats, information overload) are considered. As a result, the need for an expanded classification and grouping of combat stress factors based on the hybrid stress paradigm, the principle of neurocyphic convergence (considering digital and biological stressors as an interconnected system) and a multilevel stress response model has been identified. The author proposes the concept of a three-dimensional model of the cumulative effect of combat stress factors. The main conclusion is the substantiation of the position that modern research on combat stress requires interdisciplinary interaction of specialists in various fields, which will increase the effectiveness of measures to preserve the mental health of not only military personnel, but will also be important for society as a whole.

Keywords: combat stress, stress factors, modern military conflicts, new threats, systemic approach, mental health, three-dimensional model concept, social stability.

Аннотация: Предметом исследования являются современные факторы боевого стресса. В статье представлен комплексный анализ современных факторов боевого стресса, оказывающих влияние на психофизиологическое состояние военнослужащих в условиях актуальных форм военных конфликтов. Рассматриваются как традиционные, так и новые детерминанты (киберугрозы, информационная перегрузка). В результате выявлена необходимость в расширенной классификации и группировке факторов боевого стресса, базирующейся на парадигме гибридного стресса, принципе нейроцифровой конвергенции (рассмотрение цифровых и биологических стрессоров как взаимосвязанной системы) и модели многоуровневой стресс-реакции. Автором предложена концепция трехмерной модели совокупного влияния факторов боевого стресса. Основным выводом является обоснование положения о том, что современные исследования боевого стресса требуют междисциплинарного взаимодействия специалистов в различных областях, что позволит повысить эффективность мер по сохранению психического здоровья не только военнослужащих, но и будет иметь важное значение для общества в целом.

Ключевые слова: боевой стресс, стрессовые факторы, современные военные конфликты, новые угрозы, системный подход, психическое здоровье, трехмерная концепция модели, социальная стабильность.

Введение

В современном мире, где характер военных конфликтов претерпевает радикальные изменения, проблема факторов боевого стресса выходит на новый уровень значимости. Глобальная цифровизация, трансформация методов ведения войны и усложнение информационной среды создают качественно новые формы стрессового воздействия и беспрецедентные вызовы для психики военнослужащих, которые еще недостаточно изучены специалистами. Остроту проблеме добавляет наблюдаемый рост различных симптомов посттравматических стрессовых расстройств. Все это свидетельствует о необходимости пересмотра существующих подходов к пониманию природы боевого стресса и разработке методов его профилактики.

Основные результаты

Научное сообщество сегодня стоит перед необходимостью создания комплексной концепции боевого стресса, которая бы адекватно отражала реалии современных гибридных конфликтов. От решения этой

задачи зависит не только эффективность системы психологической помощи военнослужащим, но и в целом боеспособность армий в условиях новых вызовов. Исследования в данной области приобретают особую значимость, так как его результаты могут лечь в основу принципиально новых подходов к подготовке личного состава, ротационной службы и послебоевой реабилитации. Особую социальную значимость проблеме придает тот факт, что последствия боевого стресса в его современных проявлениях выходят далеко за рамки военной сферы, влияя на общественное здоровье и социальную стабильность. В этом контексте изучение факторов боевого стресса представляет собой не только узковоенную, но и общегуманитарную задачу, имеющую важное значение для национальной безопасности и устойчивого развития общества в условиях геополитической турбулентности.

Столь масштабные изменения в природе современных военных конфликтов и их психологических последствий закономерно ставят вопрос о необходимости переосмысления всей системы факторов боевого стресса.

К классическим элементами боевого стресса относятся: эмоциональные факторы (угроза, страх смерти и повреждений, потеря сослуживцев, постоянный гнев, ярость, разочарование и т.д.), когнитивные (необходимость принятия жизненно важных решений в условиях дефицита времени); средовые (проживание в тяжелых условиях, экстремальные температуры, шумы, взрывы, ограниченный обзор и т.д.); физиологические (хроническое недосыпание, усталость, ранения и т.д.) [4].

Схожую концепцию классификации стрессоров предложили и американские исследователи, связав их с внешними и внутренними факторами. Они определили, что к внешним стрессовым факторам, связанным с боевыми действиями, относятся: членовредительство, убийство комбатантов, наблюдение за гибелью людей, потеря сослуживцев, травмы, приводящие к потере конечности, экстремальные условия жизни, снижение ее качества, а к ментальным (внутренним) отнесли: требования и ожидания, трудные решения, динамика и изменения, изоляция, одиночество, религиозная конфронтацию, виктимизацию, семейные проблемы и т.п. [8].

Как отмечает А.М. Резник, стрессоры военного времени не ограничиваются прямой угрозой жизни и утратой близких. Они характеризуются высокой частотой повторения, экстремальной эффективностью и продолжительностью, а также необычно сочетаются с тяжелым физическим и психическим истощением. Нередко их воздействие усугубляется полученными ранениями, явными или субклиническими черепно-мозговыми травмами. Помимо этого, военные конфликты сопровождаются множеством неблагоприятных факторов, включая суровые климатические условия и социально-стрессовые воздействия [6].

В тоже время, Д. Стюарт, в своем исследовании, посвященном предикторам и последствиям травмы, делает акцент на том, что существует такой фактор, как буллинг в армии, который является особенно важной проблемой, учитывая уникальную среду, в которой это происходит [9].

В связи с тем, что технический прогресс последних лет внес существенные коррективы в стратегию и тактику ведения боевых действий, наблюдаются значительные изменения в структуре боевых стрессоров, обусловленные, во-первых, усилением угрозы со стороны дистанционных систем вооружения (БПЛА и др.), а, во-вторых – психологическими последствиями использования новейших образцов боевой экипировки и средств индивидуальной защиты» [5].

Индийский военный психолог, Ритеш Кумар Саини, считает, что операторы дронов могут страдать от эмоционального отстранения, психического и физи-

ческого истощения, выгорания и тревожащих образов смерти и разрушений в связи с необходимостью работы на длительных интервалах и с повышенной бдительностью [10].

На наш взгляд, современный боевой стресс требует междисциплинарного синтеза с учетом нейрофизиологических (реакции мозга), техносоциальных (влияние цифровых систем), культурно-экологических факторов, что исключает редукцию к какому-либо одному аспекту. В этой связи, принципиально важным представляется учет системных закономерностей.

Этот аспект получает развитие в работах А.Г. Караяни, где автор обращает внимание на то, что участник боевых действий испытывает на себе многомерное стрессовое воздействие, включающее: непосредственно боевые факторы, эмоциональные нагрузки, физиологические ограничения, когнитивные перегрузки, которые порождают конфликтующие побудительные тенденции, проявляющиеся на разных уровнях функционирования организма и психики. В то же время, авторы отмечают, что операторы беспилотников сталкиваются с сильнейшими операциональными стрессорами, выражающимися в опасности для жизни, бедности сенсорной информации, сложности дистанционного управления аппаратом [2,3].

Тем не менее, исследователи расходятся в оценке стрессоров, воздействующих на операторов БПЛА и боевых пилотов. Одни из них утверждают, что различия в негативных последствиях операторов БПЛА и боевых пилотов практически отсутствуют, и такие состояния развиваются под воздействием неудобного графика работы, неудобного интерфейса, а не боевых стрессоров. Другие, напротив, отмечают трагический характер картин и время их наблюдения операторами БПЛА [3].

Мы считаем, что в условиях цифровизации войны, традиционные факторы стресса (физические перегрузки, страх смерти и т. д.) дополняются принципиально новыми угрозами, такими как: кибернетизация (дистанционное управление боем — эмоциональная отчужденность, перегрузка от одновременной работы с различными электронными системами), автоматизация (принятие решений искусственным интеллектом – потеря контроля), виртуализация (смещение реального и цифрового пространств), имеющими нефизические (дипфейки, мемы), непрерывные и персонализированные измерения. Таким образом, любой «классический» стрессор имеет цифровой аналог, усиливающий его воздействие. В результате возникает парадокс: чем совершеннее технологии на поле боя, тем сложнее психофизиологическая адаптация военнослужащего к боевой среде.

В данном контексте представляется возможным рассмотрение всей системы факторов боевого стресса через призму их принадлежности к различным, но взаимосвязанным уровням воздействия. Такой подход позволяет не только систематизировать имеющиеся знания, но и выявить новые, ранее не учитывавшиеся взаимозависимости между различными аспектами боевого стресса в современных условиях. В этой связи мы предлагаем расширенную классификацию и группировку факторов боевого стресса, базирующуюся на парадигме гибридного стресса, принципе нейроцифровой конвергенции (рассмотрение цифровых и биологических стрессоров как взаимосвязанной системы) и модели многоуровневой стресс-реакции. (Таблица 1.)

В результате экспертного опроса, исследователями были выявлены основные неблагоприятные факторы: недостаток сна и отдыха, неблагоприятны полевые условия, выполнение обязанностей в ночное время, нервно-психическое напряжение, физические нагрузки (Таблица 2)

Неблагоприятные условия (например, плохая ос-

вещенность, шум) могут усугубляться техногенными факторами – влиянием технических и технологических условий на выполнение задач (оборудование, эргономика, условия среды). Физические нагрузки также могут быть усилены неэргономичным снаряжением или отсутствием поддержки.

Недостаток сна и отдыха, нервно-психическое напряжение снижают индивидуальную устойчивость, а групповая динамика влияет на распределение нагрузок при длительной работе.

Ночное время работы и длительная непрерывная работа нарушают циркадные ритмы, соответственно, при данной экспозиции наступает кумулятивный эффект от нагрузок.

Таким образом, проведенный нами анализ современных факторов боевого стресса позволяет сделать вывод о том, что современный боевой стресс требует системы оценки, учитывающей такие критически важные аспекты, как: технологическая сложность (степень цифро-

Таблица 1.

Группировка стрессовых факторов в зоне боевых действий.

Категория	Подкатегория	Примеры конкретных факторы
Физиологические	Физические нагрузки	Длительное отсутствие сна, переутомление и т.д.
	Травмы и ранения	Болевой шок, контузия, потеря конечностей, хронические боли и т.д.
Психологические	Угроза жизни	Постоянные обстрелы, риск плена, внезапные атаки и т.д.
	Моральные дилеммы	Необходимость убивать, гибель товарищей и т.д.
Социальные	Групповая динамика	Конфликты в подразделении и т.д.
	Разлука с близкими	Отсутствие связи с семьей, чувство одиночества и т.д.
Экологические	Условия среды	Антисанитария, химические, биологические заражения и т.д.
	Климатические	Жара, холод, влажность и т.д.
Информационные	Когнитивная перегрузка	Большой поток данных, неопределенность и т.д.
	Дефицит информации	Неясность обстановки, слухи и т.д.
Техногенные	Оружие массового поражения	Угроза ядерного/химического удара, дроны-камикадзе и т.д.
	Технические сбои	Отказ оружия, GPS-глушение и т.д.
Психо-информационные стрессоры цифровой среды	Цифровое утомление	Мультизадачность в связи с количеством цифровых интерфейсов, противоречивость данных и т.д.
	Киберпсихологические атаки	Доксинг семей военнослужащих, дипфейк-команды и т.д.
	Цифровая идентичность	Конфликт реальной и цифровой личностей, кибербуллинг из-за «цифрового следа» и т.д.
	Мематическое воздействие	Троллинг, воздействие военных мемов и т.д.
Климатически-эргономические	Экипировка	Дисбаланс микроклимата, тактильные нарушения, ограничения подвижности в утепленной экипировке и т.д.
Постконфликтные	Возвращение к мирной жизни	Проблемы адаптации, посттравматическое стрессовое расстройство, чувство вины и т.д.
	Юридические последствия	Расследования военных преступлений, давление средств массовой информации, судебные иски и т.д.

Источник: составлена и предложена автором

Таблица 2.

Ранжирование и оценка наиболее значимых неблагоприятных факторов операторами БПЛА.

Значимость	Наименование фактора	Баллы
1	Недостаток сна и отдыха	$7,79 \pm 2,15$
2	Неблагоприятные полевые условия	$7,27 \pm 2,23$
3	Выполнение обязанностей в ночное время	$6,93 \pm 1,85$
4	Нервно-психическое напряжение	$6,82 \pm 2,24$
5	Физические нагрузки	$6,68 \pm 1,92$
6	Длительная непрерывная профессиональная деятельность	$5,4 \pm 1,86$

Источник: [1]

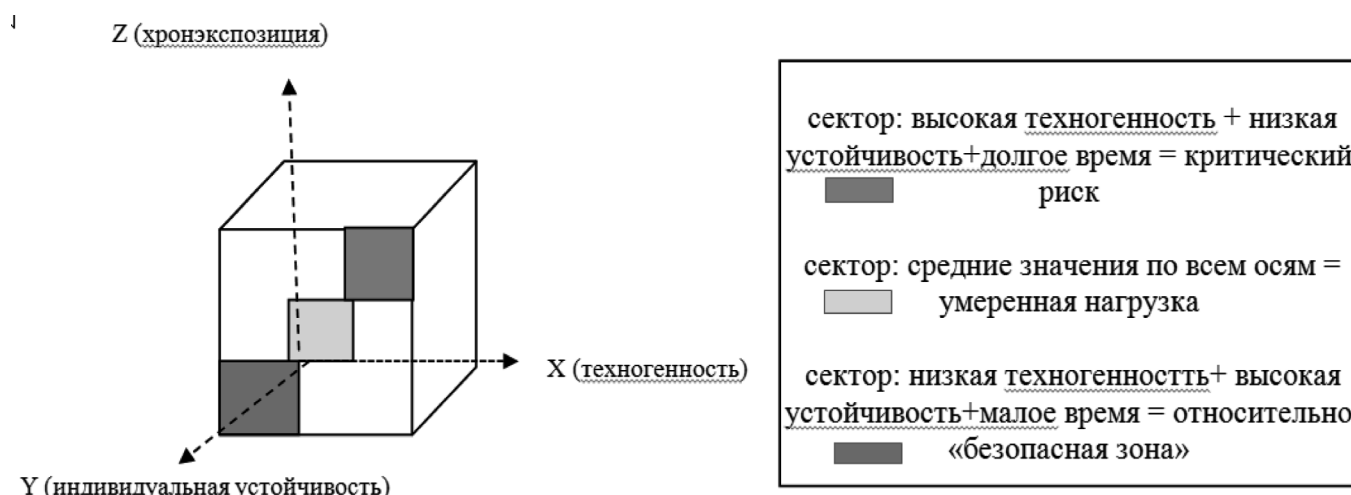

Рис. 1. Концепция трехмерной модели совокупного влияния факторов боевого стресса «ТИХо»

Источник: составлена и предложена автором

визации боевых задач), психологическая уязвимость (индивидуальная устойчивость) и продолжительность воздействия стрессоров. В этой связи, мы предлагаем концепцию трехмерной модели совокупного влияния факторов боевого стресса, где каждый фактор представляет отдельную ось. (Рисунок 1.)

В данной концепции, каждая ось отвечает за ключевой параметр стресса: ось X (техногенность) – отражает уровень цифровизации боя (дроны, кибератаки и т.д.), ось Y (индивидуальная устойчивость) – психофизиологические резервы комбатанта (опыт, стрессоустойчивость и т.д.), ось Z – хронэкспозицию (длительность воздействия). Каждый фактор боевого стресса можно «расположить» внутри куба, оценив его по трем осям. Чем ближе к вершине, тем опаснее комбинация. Условно, сложная техника – правая сторона, новобранец – ближний край, работает сутки – верх куба, итог – красная зона. Модель позволяет визуализировать взаимовлияние ключевых параметров, может быть использована как инструмент для оценки комплексного воздействия, понимания, какие именно комбинации наиболее опасны для психики и где можно вмешаться, чтобы снизить риск боевого стресса, а также для обучения, анализа и прогноза степени воздействия стрессоров. Такой подход позволяет си-

стемно управлять рисками, учитывая ключевые факторы.

Выводы

Проведенное нами исследование современных факторов боевого стресса подтверждает необходимость дальнейших изысканий в данной области, включая разработку новых подходов к диагностике, коррекции и предупреждению боевого стресса с учетом стремительно меняющихся реалий вооруженных конфликтов. Решение этой задачи требует междисциплинарного взаимодействия специалистов различных областях, что позволит повысить эффективность мер по сохранению психического здоровья военнослужащих, но и будет иметь важное значение для общества в целом. Последствия боевого стресса не ограничиваются военной сферой – они оказывают глубокое влияние на социальную стабильность, психическое здоровье семей ветеранов, а также на экономические и демографические процессы. Таким образом, изучение современных факторов боевого стресса остается актуальным направлением, от развития которого зависит не только индивидуальная устойчивость военнослужащих и эффективность выполнения боевых задач, но и психологическое благополучие общества в условиях современных вызовов и угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Е.А., Калик В.В. К вопросу о физических и психологических нагрузках операторов беспилотных летательных аппаратов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2023. – №1. – С. 189–192. DOI: 10.34835/isnn.2308-1961.2023.01.p189-193.
2. Караяни А.Г. Боевой стресс: проблемы определения и классификации // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 1. – С. 254–264. – DOI: 10.24412/2073-0454-2024-1-254-264. – EDN: WPMCBW.
3. Караяни А.Г., караваев А.Ф. Психологические и психофизиологические особенности деятельности операторов боевых беспилотных летательных аппаратов // психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – №1 (84) – С. 6 – 15. DOI: 10.24412/1999-6241-2021-1-84-6-15.
4. Литвинцев С.В., Снедков Е.В., Резник А.М. Боевая психическая травма: руководство для врачей. – Москва: Медицина, 2005. – 430 с. – ISBN 5-225-04063-2.
5. Малюченко Г.Н. Влияние технических инноваций на боевые стрессоры и психологические реакции участников СВО // Российский военно-психологический журнал. – 2024. – №4. – С. 36 – 43. DOI: 10.25629/RMPJ.2024.04.04
6. Резник А.М. Обзор исследований внешних факторов и генетических предпосылок боевого посттравматического стрессового расстройства // Вестник Медицинского института непрерывного образования – 2022. –; №4. –С. 46-54. – DOI: 10.46393/27821714_2022_4_46
7. Ушаков И.Б., Бубеев Ю.А. (ред.). Боевой стресс: механизмы стресса в экстремальных условиях: сборник научных трудов симпозиума. – Москва: Истоки, 2005. – 184 с. – ISBN 5-88242-430-5.
8. Rivera A.C., LeardMann C.A., Rull D.R., Cooper A, Warner S., Faix D., Deagle E., Neff R., Caserta R., Adler B.A. Combat exposure and behavioral health in U.S. Army Special Forces. // PLoS ONE – 2022. – №4 (6). – P. 1–17. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0270515>
9. Stuart J. Bullying in the military: A review of the research on predictors and outcomes of bullying victimization and perpetration. // Military behavioral health. – 2020. – №9 (4). – P. 1–12. DOI: 10.1080/21635781.2020.1864527
10. Saini R.K. Cry in the sky: psychological impact on drone operators. // Industrial Psychiatry Journal. – 2021. – №30 (1). – P. 15–19. DOI: 10.4103/20972 – 6748.328782

© Юсипова Александра Борисовна (yusipovaab@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«НАЧАЛА И ПРЕДЕЛЫ» В «ТЕОГОНИИ» ГЕСИОДА КАК ПРЕДПОСЫЛКА КРИТИКИ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ФИЛОСОФИИ ГЕРАКЛИТА И КСЕНОФАНА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Богомолов Алексей Владимирович

кандидат философских наук ФГБОУ ВО «Нижегородский
государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина»
ensestens@mail.ru

**"SOURCES AND EXTREMITIES"
IN HESIOD'S THEOGONY
AS A PREREQUISITE FOR CRITICISM
OF TRADITIONAL RELIGIOUS IDEAS
IN THE PHILOSOPHY OF HERACLITUS
AND XENOPHANES: HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

A. Bogomolov

Summary: The article focuses on the presence in the "Theogony" of references to "sources and extremities", which differ from the mythological images of the gods. The article substantiates the position that "sources and extremities", which "even the gods are afraid of", are prerequisites for the formation of a non-mythological understanding of the explanation of the origin. Such changes are possible with the gradual abandonment of mythological representations. Critics of traditional religious beliefs in early Greek philosophy were, in particular, Heraclitus and Xenophanes. The article shows the relationship of this aspect of "Theogony" with the teachings of Heraclitus and Xenophanes in the context of the transition from myth to logos.

Keywords: Hesiod, Heraclitus, Xenophanes, arche, negative theology, philosophical apophaticism.

Аннотация: В статье делается акцент на наличии в «Теогонии» упоминаний о «началах и пределах», которые отличаются от мифологических образов богов. Обосновывается положение о том, что «начала и пределы», которых «боятся даже боги», являются предпосылками формирования не мифологического понимания первоначала. Такие изменения возможны при постепенном отказе от мифологических представлений. Критиками традиционных религиозных представлений в ранней греческой философии были, в частности, Гераклит и Ксенофан. В статье показана взаимосвязь указанного аспекта «Теогонии» с учениями Гераклита и Ксенофана в контексте перехода от мифа к логосу.

Ключевые слова: Гесиод, Гераклит, Ксенофан, архэ, негативная теология, философская апофатика.

В историко-философской науке утвердилась позиция, согласно которой досократики Гераклит Эфесский и Ксенофан Колофонский являлись едва ли не самыми яркими критиками Гомера, Гесиода и традиционной религиозных представлений греков в целом. И этот факт, как представляется, трудно поставить под сомнение, учитывая, что на это прямо указывают фрагменты, передающие учение и Гераклита, и Ксенофана. Можно согласиться со следующим утверждением: «критическое отношение к религии со стороны софистов и представителей ранней эллинистической философии не могло возникнуть на пустом месте» [2. С. 20]. Иными словами, значимым является вопрос о предпосылках подобного отношения к религиозным воззрениям. Вместе с тем не менее важной видится и проблема хронологических границ такого поиска. Так, можно отметить позицию, согласно которой исток критики религиозных воззрений обнаруживается в учениях представителей Милетской

школы [2]. Однако мы полагаем, такие предпосылки наличествуют уже в «Теогонии», отсюда и наше предположение о возможной взаимосвязи между мифологией Гесиода и учениями Гераклита и Ксенофана, о чем в специальной литературе практически не упоминается. Именно вопросу о взаимосвязи мифологии Гесиода и воззрений Гераклита и Ксенофана посвящена настоящая статья.

Основной контекст «Теогонии» – систематизация образов греческих богов, и один из ключевых аспектов – соотношение трех «первичных богов» – Хаоса, Геи и Эроса. В этой связи интересна позиция Дж. Буссанича, который подчеркивал не просто их значимость, но и акцентировал внимание на том, что Хаос, Гея и Эрос – это «архэ» богов [8. Р. 213]. Такой подход позволяет предполагать, что остальные боги происходят именно от этих трех. Далее, в контексте вопроса о происхождении

богов особое внимание уделяется роли Хаоса. В частности, рассмотрения заслуживает положение «Теогонии», согласно которому первым зародился Хаос [3. С. 24]. Данное утверждение часто интерпретируется как то, что Хаос, появившись первым, является и порождающим началом. Однако, на наш взгляд, это не так, поскольку остальные боги появляются не из Хаоса, а после него. В переводе В. Вересаева: «Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом // Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный...» [3. С. 24]. Кроме того, вне зависимости от того, является ли Хаос первопричиной, важным также является и вопрос об онто-эпистемологическом статусе Хаоса. В самом деле, ведь традиционно само это понятие трактуется как бездна, пустота и пр. В частности, есть мнение, согласно которому Хаос есть «качественное Ничто» [10. С. 30]. Но Хаос признается возникшим и существующим, ввиду этого само его существование как таковое очевидно, хотя, вполне вероятно, его можно рассматривать как мифологическую предпосылку понятий «небытие»/«ничто». Мы полагаем, и проблема соотношения трех «первичных» богов, и особая роль Хаоса, и онто-эпистемологический статус Хаоса являются важными аспектами реконструкции теогонии Гесиода и эти вопросы рассматриваются и представлены в специальной литературе.

В контексте реконструкции мифологических представлений Гесиода мы полагаем важным также обратить внимание на упоминания в «Теогонии» так называемых «концов и начал» («πληαὶ καὶ πείρατ'»). В частности, в строках 736-745 «Теогонии» находим: «Там и от темной земли, и от Тартара, скрытого в мраке, // И от бесплодной пучины морской, и от звездного неба // Все залегают один за другим и концы и начала, // Страшные, мрачные. Даже и боги пред ними трепещут. // Бездна великая. Тот, кто вошел бы туда чрез ворота, // Дна не достиг бы той бездны в течение целого года: // Яркие вихри своим дуновением его подхватили б, // Стали б швырять и туда и сюда. Даже боги боятся // Этого дива. Жилища ужасные сумрачной Ночи // Там расположены, густо одетые черным туманом» [3. С. 42-43]. Очевидно, «концы и начала» не соответствуют мифологическим образам «Теогонии» уже хотя бы ввиду того, что они не персонифицированы. Кроме того, не указывается их число, не приводятся сведений об их происхождении. Этот, последний, момент особенно интересен ввиду того, что, как мы помним, даже Хаос зародился, а «концы и начала» будто есть и всегда были. В целом о них неизвестно практически ничего, кроме того, что их боятся даже боги. Но что тогда они собою представляют? Еще раз подчеркнем, в самом тексте «Теогонии» ответ на этот вопрос в общем-то отсутствует. А при интерпретации, как представляется, следует учитывать, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, учение Гесиода, с одной стороны, является мифологией, но, с другой, уже приближено к досокра-

тическим учениям ввиду того, что пусть и в мифологических образах, но речь идет о поиске первоначала, т.е. речь о соотношении трех «первичных богов». И здесь опять-таки следует акцентировать внимание на Хаосе, поскольку он появляется первым, и, несмотря на наличествующие противоречия в трактовках, приближен к досократическим архэ. Очевидно, Хаос отличен и от Геи, и от Эроса. Основное отличие – это неопределенность, т.к. у Хаоса нет очевидных «положительных» характеристик, и в «Теогонии» о нем сказано крайне мало. Такая неопределенность позволяет говорить о, своего рода, абстрактности Хаоса, приближающей его к понятию «архэ». Во-вторых, следует учитывать указание, согласно которому даже боги боятся «начал и пределов». Исходя из этих двух моментов, можно предположить, что автором «Теогонии» угадывается неизбежность смены мировоззренческих установок. Миф, разумеется, останется в греческой культуре, но, очевидно, что он перестает удовлетворять мировоззренческим запросам и формируется некая новая модель объяснения космоса, человека, т.е. философия. Однако даже если в «Теогонии» наличествует такой посыл, то, конечно, ее автор не может знать о том, что придет на смену мифу, отсюда и столь скудное описание «концов и начал». И, конечно, пусть и косвенным, но подтверждением данной гипотезы является как раз тезис о страхе богов перед «концами и началами», т.е. в поэтической форме, при помощи мифологических, разумеется, образов говорится, что боги должны будут уступить место чему-то новому [1].

Однако как же этот аспект «Теогонии» связан с критикой традиционных религиозных представлений в учениях Гераклита и Ксенофана? Прежде всего, выделим несколько фрагментов, свидетельствующих о критике Гераклитом Гесиода. В частности, согласно Диогену Лаэртскому: «Многознание уму не научает, а не то научило бы Гесиода и Пифагора...» [5. С. 195]. Или, к примеру: «Учитель большинства – Гесиод: про него думают, что он очень много знает – про того, кто не знал [даже] дня и ночи! Ведь они суть одно» [5. С. 214]. Сами религиозные представления критикуются в нескольких аспектах. Например, критикуется антропоморфизм: «Бог совершенно не похож на человека ни природой, ни движением, ни искусством, ни силой...но скорее во всем весьма отличается и особенно не похож и отличен своими делами» [5. С. 239]. В критике антропоморфизма учения Гераклита и Ксенофана, конечно, схожи.

Теология и Гераклита, и Ксенофана принципиально отлична от антропоморфизма и, не менее важно, монотеистична. Обратимся прежде к учению Гераклита. Полагаем, нет надобности пересказывать известные фрагменты, в которых Гераклит говорит о том, что бог один. Акцентируем внимание на вопросе об имени божественного. Очевидно, во фрагментах, передающих

учение эфесца, нет единого имени бога. Упоминаются, в частности, Логос, Огонь, Одно, Зевс, Борьба и др. [7]. И в контексте проблематики нашей статьи обратим внимание на следующий фрагмент: «Одно-единственное Мудрое [Существо] называться не желает и желает именем Зевса» [5. С. 239].

В указанном фрагменте речь не о том, что есть несколько имен (собственно, указывается только одно – Зевс) а, возможно, как раз о моменте, в своем роде, перехода от устоявшихся в религиозных, мифологических представлениях греков о богах к иному пониманию, а, значит, к иным выражениям в языке. Рассмотрим это предположение подробнее. Итак, суждение о том, что «одно единственное мудрое хочет и не хочет называться именем Зевса» стилистически близко ко многим фрагментам Гераклита, на основании которых мы говорим об учении о противоположностях. Но тогда, что в этой связи означают утверждения во фрагменте? Их, очевидно, два: «одно единственное мудрое хочет называться именем Зевса» и «одно единственное мудрое не хочет называться именем Зевса». В первом случае полагаем следующее. Именованье бога «Зевсом», как представляется, есть ничто иное как отсылка к той самой традиционной религии и мифологии, которые и критиковались Гераклитом, о чем говорилось выше. И то, что «одно единственно мудрое» именуется как «Зевс», просто указывает на заблуждение большинства людей, т.е. это некая констатация существующего положения вещей, против которого и выступал философ. Здесь интересно отметить мнение А. Дроздека: «Зевс, отец богов и людей, самое могущественное божество, которое правит богами и людьми, является верховным олимпийским богом» [9. Р. 38]. И – особенно важно – говорится, что имя Зевса «в максимальной степени воплощает божественные атрибуты, принадлежащие Одному» [9. Р. 38]. Иными словами, по Дроздеку, имя Зевса в данном фрагменте ни что иное как аналогия, раскрывающая суть того, чем бог, по мнению Гераклита, является. Далее, но, поскольку устоявшиеся верования Гераклитом не принимаются и осуждаются, а кроме того, у эфесца есть свое учение о боге, своя теология, то этим объясняется и то, что «одно единственное мудрое не хочет называться именем Зевса». Бог, таким образом, не есть Зевс в том смысле, что бог – иное по отношению к антропоморфным богам.

Кроме того, именно данный фрагмент и позволяет предполагать также и определенную взаимосвязь с «началами и пределами» у Гесиода. Гесиод систематизирует мифологические представления о богах, выстраивает их иерархию, т.е. в некотором отношении тоже «фиксирует» место и роль богов в космологии, космогонии, а в конечном счете – мировоззрении греков. Кроме того, мы упоминали, что «начала и пределы» – указание на интуитивное пред-обозначение ἀρχή. Иными словами,

Гесиод также говорит о том, что есть, т.е. во что верят греки и вместе с тем предполагает наличие неких «начал и пределов», которых, как мы помним, «боятся даже боги». А начала и концы суть указание на неизбежность изменений в объяснении первоначала. В конечном счете это можно представить как один из элементов трактовки тезиса «от мифа к Логосу». Гераклит же, предлагая свое учение о боге, оформляет неопределяемые у Гесиода представления о «πῦρ καὶ τεῖρατ'», радикально отвергая при этом учение Гесиода, но одновременно в указанном смысле развивая обозначенные автором «Теогонии» интенции. Иными словами, и Гесиод, и Гераклит, описывая то, во что верят греки, говорят об изменениях в подходе к объяснению первоначала. Делают они это, правда, с той очевидной разницей, что у Гесиода эти изменения только обозначены и, по сути, не имеют содержания, у Гераклита же есть свое учение об архэ и теология. В этой связи можно сказать, что то, чего боятся боги у Гесиода, находит свое выражение в философии Гераклита, который критикует мифологическое миропонимание, исходя из принципов своей философии.

В указанном контексте можно представить и учение Ксенофана Колофонского. В самом деле, у Ксенофана также бог вечен, един [4]. В своей философии Ксенофан «критикует антропоморфизм. Его апофатически описанный Бог не похож на греческих богов» [6. С. 233]. Приведем здесь следующий фрагмент: ««Истины точной никто не узрел, и никто не узнает // Из людей о богах и о всем, что я только толкую: // Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось, // Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает» [5. С. 166]. Учитывая применяемое здесь в переводе А.В. Лебедева множественное число, т.е. «богов», вполне вероятно предположить, что речь не о неспособности познать бога, о котором говорит сам Ксенофан, а его критику религиозных представлений. Иными словами, обнаружить подобные заблуждения относительно, в частности, антропоморфных богов оказался способен только сам Ксенофан. В целом, критикуя сложившиеся религиозные представления, и формируя собственную теологию, Ксенофан также как и Гераклит конкретизирует интуитивное пред-обозначение архэ, представленное в «Теогонии» как «πῦρ καὶ τεῖρατ'».

Таким образом, в «Теогонии» Гесиода содержится указание на наличие неких «начал и пределов». Они принципиально отличаются от мифологических образов, присутствующих в его учении. О них практически ничего неизвестно, основная характеристика – то, что их боятся боги. В этом можно видеть, своего рода, интуитивное понимание неизбежности перемен в мировоззрении греков, т.е. переход от «мифа к логосу». Вполне объяснима неопределенность Гесиода в понимании сути предстоящих изменений. Если Гесиод только предполагает и в

поэтической форме обозначает изменения, но при этом, разумеется, не критикует миф и религиозные представления, то и Гераклит, и Ксенофан, как раз отличаются резкой критикой традиционных религиозных взглядов и, что также важно, излагают свое философско-теологи-

ческое учение, содержащее указание на первопричину. Следовательно, в учении двух философов-досократиков мы обнаруживаем то, чего боятся боги в «Теогонии» Гесиода – иное, не мифологическое, понимание первоначала, иное понимание бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов А.В. Образ и негация: «протоапофатика» и проблема типологии негативности в «Теогонии» Гесиода / А.В. Богомолов // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 888-898.
2. Бровкин В.В. Ранняя греческая философия и традиционные религиозные представления. / В.В. Бровкин // Respublica Literaria. – 2022 – Т. 3. – № 3. – С. 19-33.
3. Гесиод Полное собрание текстов / Гесиод; вступительная статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. – Москва: Лабиринт, 2001. – 256 с.
4. Воробьев Д.В., Смирнова Е.В. Учение Ксенофана из Колофона и Парменида Элейского о временной и пространственной бесконечности // Вестник Мининского университета. – 2018. – Т. 6. – №4. – URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/896/698>. (Дата обращения: 20.04.2025).
5. Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов Часть I. От эпических космогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. – 576 с.
6. Мурский В.В. Взаимоотношения античной философии и богословия (языческого и христианского) / В.В. Мурский // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – № 3. – С. 231-234.
7. Светлов Р.В. Платонизм и происхождение «интеллектуализма» в понимании первоначала // URL: http://platoakademeia.ru/index.php/ru/academeia/item/4-academeia_1-02 (дата обращения: 09.04.2025).
8. Bussanich J. A Theoretical Interpretation of Hesiod's Chaos. Classical Philology. 1983. Vol. 78. № 3.
9. Drozdek A. Greek Philosophers as Theologians: the divine arche. Ashgate Publishing Ltd., 2007. – 275 p.
10. Gigon O. Der Ursprung der Griechischen Philosophie: von Hesiod bis Parmenides. Basel: Benno Schwabe & Co., 1945. – S. 291.

© Богомолов Алексей Владимирович (ensestens@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФИЗИКА КОММУНИЗМА-КАПИТАЛИЗМА: СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ КАК ВЫБОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

THE METAPHYSICS OF COMMUNISM-CAPITALISM: THE STRUCTURE OF CONSCIOUSNESS AS A CHOICE POLITICAL IDEOLOGY

V. Vinto

Summary: The article explores the ideologies of communism and capitalism as projections of two fundamental structures of consciousness. Capitalism is seen as a reflection of the idea of an individual, separate and independent consciousness, dominated by the categories of private, narrowly localized, competitive and autonomous. Communism, on the other hand, seems to be an expression of universal consciousness based on the principles of unity, collectivity and common interconnectedness. The author applies an interdisciplinary approach, combining philosophical analysis with the ideas of general, social and clinical psychology, revealing additional semantics to such aspects as private property, class inequality, labor motivation and some others.

Keywords: communism, capitalism, materialism, idealism, egoism, consciousness.

Винто Вадим Викторович

Преподаватель, Новосибирский институт изучения

сознания

Institute_sc@mail.ru

Аннотация: Статья исследует идеологии коммунизма и капитализма как проекции двух фундаментальных структур сознания. Капитализм рассматривается как отражение идеи индивидуального, узко локализованного, обособленного и независимого сознания, где доминируют категории частного, конкурентного и автономного. Коммунизм же представляется выражением универсального сознания, основанного на принципах единства, коллективности и общей взаимосвязанности. Автор применяет междисциплинарный подход, сочетая философский анализ с идеями общей, социальной и клинической психологии, раскрывая семантику таким аспектам как частная собственность, классовое неравенство, мотивация труда и некоторым другим.

Ключевые слова: коммунизм, капитализм, материализм, идеализм, эгоизм, сознание.

Введение

Усиление идеологических расколов Востока и Запада, и сохранение социально-экономического неравенства, мотивирует переосмыслить классический анализ основных политических идеологий Коммунизма и Капитализма. Новый научный взгляд на эти процессы поможет синтезировать более совершенную и эволюционную идеологию, избегая крайностей тоталитарного коллективизма, и потребительского (гедонистического) индивидуализма. Актуальность исследования определяется необходимостью более глубокого понимания корней данных идеологий, находящуюся далеко за вербальными рамками экономической и политической направленности.

Выбор политической идеологии не является сугубо рациональным решением, основанным на экономическом расчете. Он глубоко укоренен в психологических и метафизических установках личности и общества. Понимание того, как структура сознания (индивидуальная или универсальная) предопределяет склонность к той или иной идеологии, позволяет объяснить устойчивость определенных мировоззрений и сложность их трансформации. Особенно важно в контексте современных информационных войн и формирования обществен-

ного мнения [Kavtaradze, 2023; Johnson, 2002]. Актуальность исследования так же подчёркивается работами, ищущими пути примирения этих систем [Bannan, 2011] или переосмысления их через призму человеческого счастья [Vieira, 2024].

Данное исследование ставит задачу:

1. Выявить необходимую корреляцию между структурами сознания (индивидуальное/универсальное) и политическими доктринами.
2. Проанализировать философские и психологические основания этой связи через призму трудов различных исследователей.

Гипотеза: Холодная война была не только битвой идеологий, как борьба за мировое господство одного мировоззрения и доминантой конкретного алгоритма социального устройства общества, но и конфликтом двух способов восприятия реальности.

Методология исследования

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, синтезирующем элементы философии, психологии и социологии для анализа глубинных связей меж-

ду структурами сознания и политическими течениями.

1. Философско-концептуальный анализ

Основным методом является анализ философских концепций, лежащих в основе коммунизма и капитализма. Исследование прослеживает эволюцию взглядов от классического идеализма и материализма до современных перспектив, таких как квантовая теория сознания [Pereira Jr., 2024]. Метод помог выявить метафизические основания обеих идеологий и их связь с такими понятиями, как «индивидуальное» и «универсальное» бытие. Особое внимание уделяется работам мыслителей, таких как Адам Смит [Smith, 1776], Фридрих Хайек [Hayek, 1945], Карл Маркс, Джон Нэш [Nash, 1950] и Вильфредо Парето [Pareto, 1906], чьи теории формируют понятийный аппарат для осмысления как капиталистических, так и коммунистических парадигм.

2. Психологический анализ

Применяются подходы общей, социальной и клинической психологии для понимания того, как индивидуальные и коллективные психологические установки влияют на выбор и принятие политических идеологий. Исследуется роль эгоцентризма, альтруизма, эмпатии (как следствия работы зеркальных нейронов) и коллективного бессознательного (в контексте стремления к единому). Анализируется влияние психологических травм и коллективных исторических переживаний на формирование идеологических предпочтений, как это показано в работах, посвященных переходу от коммунизма к капитализму [Pashazade, 2024].

3. Сравнительный анализ доктрин.

Проводится систематическое сравнение коммунизма и капитализма, таких как частная/общественная собственность, конкуренция/коллективизм, свободный рынок/плановая экономика, неравенство/равенство доходов, материальная/идейная мотивация труда, роль государства и индивидуальная/коллективная ответственность.

Результаты исследования

Противостояние капитализма и коммунизма можно рассматривать не как борьбу за экономическое или политическое превосходство, но как столкновение двух фундаментально различных метафизических представлений о природе человека и его месте в мире.

Капитализм, с его акцентом на частную собственность, свободный рынок и конкуренцию, отражает идею обособленного индивидуального сознания [Smith, 1776; Hayek, 1945]. В этой парадигме индивид является автономной единицей, стремящейся к мак-

симизации собственной выгоды, гедонизму и росту потребления. Адам Смит, [Smith, 1776], указывает, что стремление каждого к личной выгоде через «невидимую руку» рынка приводит к общему благосостоянию. Данное представление базируется на идее, что человек по своей природе является эгоистичным существом, мотивированным личным интересом. Позднее, представители Австрийской школы экономики, в частности Фридрих Хайек [Hayek, 1945], развивали идею о децентрализованном знании, утверждающем превосходство индивидуальных решений в рыночных условиях над централизованным планированием.

С точки зрения психологии, капиталистическая модель больше соответствует эгоцентричному восприятию, внутренней картины личного «Я», направленного на самого себя и свои потребности. Крайняя форма индивидуализма которого, воспета в известном мифе о Нарциссе, анализ этого явления (единственный) философ-идеалист СССР, Лосев Ф.А. описал как: «небывалое общественное разложение - человек всецело охвачен иллюзией отрешенности от всего окружающего» [Лосев, 1957]. Концепции, связанные с теорией игр, где рациональные индивиды принимают решения [Nash, 1950; Cournot, 1838], для достижения максимальной личной выгоды, являются ярким отражением этого индивидуалистического подхода. Джон Нэш [Nash, 1950] в своих работах по теории некооперативных игр показал, что в условиях конкуренции каждый игрок выбирает наилучшую стратегию, исходя из ожидаемых действий других, что также подчеркивает фокус на индивидуальные блага.

С психологической точки зрения, коммунизм апеллирует к более высоким уровням сознания, преодолевающим узкоэгоистические установки. Он предполагает развитие эмпатии и альтруизма, где индивид осознает себя частью одного общего целого. Возможно, это сопоставить с концепцией коллективного бессознательного Карла Юнга, в том смысле, что существует некий общий архетип или стремление к единству.

Коммунизм в теоретическом виде - воплощение идеи универсального сознания, где акцент делается на коллективность, равенство и общие интересы. Важно учесть семантически схожие идеи (Буддистов, Гегеля, Лейбница и других) где концепция отдельной личности рассматривается весьма специфически – как «иллюзия обособленного Я», мелкая частица или аватар единого родительского универсума (глобальной сети или единого поля). Доказывая общую связанность и единство, Вильфредо Парето, в свою очередь, предложил понятие Парето-эффективности [Pareto, 1906], где оптимальное состояние системы достигается, когда невозможно улучшить положение одного индивида, не ухудшив положение другого участника. Так же указанием всеобъемлющего единства

и связанности для потомков, может служить инсайт М.В. Ломоносова **«Congruit universa»** - (всё согласуется со всем), как осознание великим Российским ученым, общей структуры связей между всеми явлениями окружающего мира [Ломоносов, 1950-1983].

Предполагается, что истинная природа человека проявляется в его связи с другими, а не в его обособленности. Карл Маркс, критиковал капитализм за эксплуатацию и отчуждение, призывая к созданию бесклассового общества. А идея коммунизма основывается на вере в то, что человечество может достичь гармонии и процветания через сотрудничество и отказ от частной собственности [Shubin, 2024].

Философская основа противостояния капитализма и коммунизма глубоко укоренена в дискуссии между материализмом и различными формами идеализма. Классический Марксизм, предполагает, что изменение материальных условий приведет к изменению сознания и формированию нового, коллективного человека. Коммунизм в «чистом» виде гораздо ближе к идеализму или даже Буддизму и Индуизму, где так же прослеживаются идеи слияния сознания, хотя сам Маркс и его единомышленники являлись диалектическими материалистами, в котором мышление и сознание являются высшей формой материи (первична), а не наоборот, когда весь материальный мир сам порожден сознанием (а сама концепция всеобщего равенства берет начало из восточных учений единого Атмана, Абсолюта, Логоса).

В противовес этому, капитализм часто связывается с материалистическими представлениями, где акцент делается на индивидуальную волю и получение материальных благ. Хотя капитализм не является философской системой, его сторонники часто апеллируют к принципам, потребления, владения и увеличения материальных благ, создают классовое разделение, выстраивают границы влияния и защищают частную собственность.

Современные философские и научные парадигмы, в частности квантовая теория, имеющие так же определенное сходство с древнейшими (Буддизм, Вадизм, Индуизм) предлагают новые перспективы для понимания связи между сознанием и реальностью, что может повлиять на наше восприятие этих идеологий. Квантовая механика, с ее принципами неопределенности [Гейзенберг, 1927] и наблюдения [Юнг, 1807], ставит под сомнение классический материализм, предполагая, что сознание может играть более активную роль в формировании реальности. Как отмечает А. Перейра-младший [Pereira Jr., 2024], обсуждает роль сознания как фундаментального аспекта бытия, выходящего за рамки традиционного материалистического понимания. Если сознание не просто пассивный продукт материи, а активный фактор или возможный актер материального, это может пошатнуть

многие устои современного общества, и усилить дискуссии о свободе выбора, столь важной для капиталистического мировоззрения.

В капитализме, частная собственность не просто экономическая категория, но и расширение индивидуально-го «Я» в материальном мире. Собственность дает индивиду автономию, независимость и возможность реализации своих уникальных планов. В этом контексте, владение имуществом становится символом свободы и самореализации. Хотя как отмечает Кристиан Фукс, в рамках цифрового капитализма, собственность становится все более виртуальной, но ее значение как расширения индивидуальной воли остается [Fuchs, 2023]. Для индивидуального сознания, частная собственность является способом защиты и проявления своей уникальности.

В коммунистическом мировоззрении, проявления частной собственности имеют другую смысловую нагрузку, и понимаются как источник неравенства, эксплуатации и конфликтов. Так отмена частной собственности и переход к собственности общественной, призваны устранить разделение между людьми (стирание границ и неравенства), формируя единое коллективное тело. Здесь собственность воспринимается как преграда для всеобщего единства, а ее обобществление – как путь к освобождению от эгоистических привязанностей и достижению общих целей. Опять обратим интенцию, на традиционные йогические и духовные концепции, манифестирующие возможность осознать себя - неотъемлемой частью коллективного энергетического начала, через отказ от материальных благ и привязанностей [Айенгар, 2014]. То есть, с точки зрения универсального сознания, частная собственность является не только выражением разобщенности и конфликта между людьми, но и преградой на пути эволюции личности.

Говоря о классовом неравенстве, которое является неотъемлемой частью капиталистической системы, укажем его источником конкурентную природу капитализма, где индивиды вынуждены соревноваться за ограниченные ресурсы. Капитализм не только допускает, но и поощряет неравенство, видя в нем стимул к развитию и инновациям. С этой точки зрения, неравенство является естественным следствием индивидуальных различий в способностях и усилиях, а также необходимым драйвером эволюции. Наджар и Билл [Najjar & Bill, 2025] исследуют, как классовая идеология и сознание формируются в литературных произведениях, отражая глубокие корни этого явления.

Коммунизм же стремится к устранению классового неравенства и созданию бесклассового общества. Такое стремление является прямым следствием принципов универсального сознания, где все люди рассматриваются как равные и взаимосвязанные части единого цело-

го. Идея классовой борьбы в марксизме направлена на уничтожение разделений, препятствующих достижению всеобщей гармонии. Попытки различных государств, таких как Китай, примирить коммунизм с элементами капитализма, сталкиваются с проблемой сохранения или нивелирования классовых различий [Bannan, 2011].

Исследуя мотивацию труда в капитализме, укажем, что она основывается на индивидуальной выгоде и конкуренции. Люди работают, чтобы заработать деньги, улучшить свое материальное положение, достичь социального статуса. Здесь страх бедности и стремление к успеху являются мощными стимулами витального и экономического движения общества, как коннотация движения Фоми Аквинского [Pashazade, 2024].

В **коммунизме**, напротив, предполагается, что **мотивация труда** должна быть основана на коллективных интересах и осознании своей роли в построении общего блага. Идея **«труда на благо общества»** отражает совершенную психологическую зрелость человека и его стремление к альтруистической мотивации. Парадоксальный лозунг **«от каждого по труду, каждому по потребностям»** становится гармоничным, предполагая высокую степень развития сознания, когда каждый член общества приносит больше пользы другим, чем сам потребляет. То есть идея умеренности и практической необходимости при таком значении побеждает потребительство и гедонизм. Однако, как показывает исторический опыт, достижение такой мотивации в масштабах всего общества является крайне сложной задачей, часто требующей жесткого государственного контроля и подавления индивидуальных стремлений [Montgomery, 2024], что исторически приводит к обратному эффекту и разрушению системы.

Выбор политической идеологии не является исключительно рациональным процессом, так как он связан с индивидуальными психологическими структурами и доминирующими установками сознания.

С точки зрения психологии личности, люди с выраженными индивидуалистическими чертами характера, склонные к независимости, самодостаточности и конкуренции, естественным образом тяготеют к капиталистическим идеям. Для них капитализм предлагает систему, которая вознаграждает личные достижения и свободу выбора. Они могут воспринимать ограничения на личную свободу, характерные для коллективистских систем, как угрозу своему самоощущению.

Напротив, люди с более выраженными коллективистскими чертами, ориентированные на сотрудничество, всеобщее равенство и социальную справедливость, могут быть более восприимчивы к коммунистическим или социалистическим идеалам. Для них акцент на единство

и взаимопомощь соответствует их внутренним ценностям. Они могут видеть в капитализме значительную несправедливость и источник страданий.

Кроме того, психологические травмы и коллективные исторические переживания также могут формировать идеологические предпочтения. Например, опыт тоталитарных режимов, ассоциирующихся с коммунизмом, может вызывать отторжение этой идеологии, независимо от ее теоретических посылок. Исследование влияния ментальных моделей на переход от коммунизма к капитализму в Азербайджане и Польше [Pashazade, 2024] подчеркивает влияние исторических и психологических факторов на принятие идеологий. Аналогично, негативный опыт капиталистических кризисов и социального расслоения может способствовать росту антикапиталистических настроений.

Представление о связи между глубинными структурами сознания и выбором политических идеологий является одним из центральных тезисов в осмыслении феноменов коммунизма и капитализма. Следующие таблицы демонстрируют связь между доминирующими структурами сознания — индивидуальным и универсальным — и аспектами соответствующих политических доктрин, подчеркивая их метафизические основания. (Таб. 1.)

Представленная таблица 1 иллюстрирует, как основные аспекты капиталистической политической доктрины напрямую проистекают из индивидуального сознания и его основополагающих метафизических принципов. Каждый элемент капитализма, от механизмов рынка до роли государства, рассматривается не просто как экономическая или социальная категория, но как манифестация определенного способа восприятия реальности и самоощущения.

Частная собственность в этой таблице показана как фундаментальное выражение обособленности, автономии индивида и не просто владение вещами, а символическое расширение «Я», утверждение независимости личности от коллектива. Стремление к частной собственности отражает глубинную потребность в самодостаточности и контроле над собственным пространством и ресурсами индивидуалистического мировоззрения.

Конкуренция, неотъемлемый атрибут капитализма, интерпретируется как проявление эгоцентризма и стремления к самореализации. Она подчеркивает желание индивида превзойти других, достичь личного успеха и максимизировать собственную выгоду. В этом аспекте, конкуренция выступает как двигатель прогресса, стимулируя каждого к проявлению своих способностей и талантов в условиях предполагаемой свободы выбора.

Таблица 1:

Связь капитализма с индивидуальным сознанием.

Аспект политической доктрины (Капитализм)	Связь со структурой сознания	Объяснение
Частная собственность	Обособленность, автономия	Вытекает из стремления индивида к самодостаточности и контролю над личными ресурсами. Собственность становится продолжением «Я».
Конкуренция	Эгоцентризм, самореализация	Отражает желание индивида превзойти других, достичь личного успеха и максимизировать свою выгоду.
Свободный рынок	Свобода выбора, децентрализация	Предполагает, что индивиды, действуя в своих интересах, наиболее эффективно распределяют ресурсы.
Неравенство доходов	Естественный результат различий	Рассматривается как неизбежное следствие индивидуальных различий в способностях, усилиях и рисках.
Мотивация труда (материальная)	Личная выгода, поощрение успеха	Основывается на стремлении индивида к повышению своего благосостояния и статуса.
Государство (минимальное)	Ограничение автономии, независимость	Воспринимается как инструмент, обеспечивающий права и свободы индивида, но не вмешивающийся в его частную жизнь и экономическую деятельность.
Ответственность	Индивидуальная ответственность	Подчеркивается, что каждый индивид несет ответственность за свой успех или неудачу. Свобода воли и выбора.

Свободный рынок связан со свободой выбора и децентрализацией. Он предполагает, что наилучшее распределение ресурсов достигается тогда, когда каждый индивид, действуя в собственных интересах, принимает решения без централизованного диктата. Также отражает веру в рациональность индивидуального выбора и эффективность саморегулирующихся систем.

Неравенство доходов рассматривается как естественный результат различий между индивидами. В рамках капиталистической логики неравенство воспринимается как неизбежное следствие различных способностей, усилий, рисков и предпринимательской инициативы. Материальная мотивация труда напрямую связывается с личной выгодой и поощрением успеха. Она базируется на стремлении индивида к улучшению своего благосостояния, повышению социального статуса и удовлетворению личных потребностей. Этот вид мотивации является центральным для капитализма, поскольку он стимулирует производительность и инновации.

Наконец, минимальная роль государства (не вмешивающегося в частную жизнь и экономическую деятельность), в капиталистической доктрине объясняется желанием сохранить автономию человека и его независимость. Также соответствует метафизической идее о том, что свобода индивида является высшей ценностью. Индивидуальная ответственность завершает картину, подчеркивая, что каждый сам несет бремя своих решений и их последствий, будь то успех или неудача.

Капитализм, со всеми его составляющими, является не просто экономической моделью, но проекцией индивидуалистического сознания на социальную и политическую арену. (Таб. 2.)

Как видно из таблицы 2, основные принципы коммунистической политической доктрины являются прямым отражением универсального сознания. Каждый аспект коммунизма, от общественной собственности до роли государства, рассматривается как воплощение стремления к единству и коллективности. Общественная собственность в этой парадигме символизирует единство и целостность, устраняя разобщённость, порождаемую частным владением, и способствуя солидарности между людьми. Коллективизм подчёркивает взаимосвязанность и сотрудничество, утверждая, что благополучие каждого индивида неразрывно связано с благополучием окружающих и всего общества.

Плановая экономика отражает стремление к рациональному управлению и гармонии, предполагая централизованное распределение ресурсов для достижения общих целей и предотвращения экономических кризисов. Равенство является ключевым принципом, выражающим всеобщую справедливость и отсутствие классов, основываясь на убеждении в изначальном равенстве всех людей и их праве на равные возможности и доступ к благам.

Идейная мотивация труда смещает фокус с личной выгоды на труд во благо общества и альтруизм, побуждая индивидов осознавать свою роль в создании общего процветания. Наконец, ведущая роль государства в коммунизме подчёркивает его функцию как инструмента преобразования и координатора коллективных усилий в строительстве нового общества. Завершает картину коллективная ответственность, согласно которой общество в целом несёт ответственность за благополучие каждого своего члена.

Таким образом, коммунизм – не просто социально-

Таблица 2.

Связь коммунизма с универсальным сознанием.

Аспект политической доктрины (Коммунизм)	Связь со структурой сознания	Объяснение
Общественная собственность	Единство, общность	Отражает идею, что ресурсы принадлежат всем, устраняя разобщенность и способствуя солидарности.
Коллективизм	Взаимосвязанность, сотрудничество	Предполагает, что благополучие каждого зависит от благополучия всего общества.
Плановая экономика	Рациональное управление, гармония	Стремление к централизованному управлению ресурсами для достижения общих целей и избежания кризисов.
Равенство	Всеобщая справедливость, отсутствие классов	Базируется на убеждении, что все люди равны по своей сути и должны иметь равные возможности и доступ к благам.
Мотивация труда (идейная)	Труд на благо общества, альтруизм	Ориентирован на осознание своей роли в создании общего блага, а не на личное обогащение.
Государство (ведущая роль)	Инструмент преобразования, координатор	Воспринимается как ключевой актор в строительстве нового общества и координации коллективных усилий.
Ответственность	Коллективная ответственность	Предполагается, что общество несет ответственность за благополучие каждого своего члена.

экономическая система, а проекция универсального сознания, стремящегося к достижению гармонии, через понимание единства всего человечества, где знаменитый лозунг **«Пролетарии всех стран соединяйтесь»** можно трактовать как высшую метафизическую цель эволюции сознания.

Обсуждение

Выдвинутая гипотеза о том, что холодная война представляет собой конфликт не только идеологий, но и двух различных способов восприятия реальности, находит свое подтверждение в рассмотренных метафизических и психологических основаниях коммунизма и капитализма. Если традиционный взгляд на данное противостояние фокусируется только на экономическом соревновании и политическом влиянии, то предложенная перспектива существенно углубляет анализ идеологий, проецируя его на уровень структуры сознания.

Противостояние капитализма и коммунизма действительно можно интерпретировать как макросоциальное проявление внутренней дихотомии, присущей человеческому сознанию: между индивидуальным, обособленным стремлением и универсальным, коллективным началом. Раскрывая идею Платона о «мире идей и вещей», можем представить себе человека в виде моста, соединяющего в самом себе обе эти категории, как два берега.

Капиталистическая система, по сути, институционализирует индивидуалистический способ восприятия реальности. Здесь мир видится как арена для личных достижений, конкуренции и накопления, где каждый субъект автономен и независим. Мировоззрение, в своей основе, является проекцией сознания, ориентированного

на собственное «Я» и его расширение через частную ответственность и личную выгоду. Таким образом, Холодная война с позиции капиталистического блока была борьбой за право индивида на самоопределение и свободу от коллективистского давления.

В свою очередь, коммунизм представляет попытку воплотить универсальный способ восприятия реальности, где доминируют идеи единства, взаимосвязи и общих интересов. Такая идеология апеллирует к стремлению человека быть частью чего-то большего, чем он сам, к преодолению эгоизма и достижению всеобщей гармонии. Холодная война для коммунистического лагеря была борьбой за освобождение человечества от эксплуатации и несправедливости, вызванных атомизацией общества и доминированием частных интересов. Также была попытка унифицировать сознание, привести его к коллективной гармонии, что часто на практике требовало подавления индивидуальных свобод.

Конфликт между этими двумя способами восприятия реальности проявлялся на всех уровнях: от экономической политики и социальных структур до культурных ценностей и психологических установок. Например, сепаратизм частной собственности в капитализме как расширения индивидуальной свободы противопоставлялась ее восприятию в коммунизме как источнику отчуждения. Аналогично, мотивация труда, основанная на индивидуальной выгоде в одном случае и на коллективном благе в другом, демонстрирует это глубинное различие.

Следовательно, Холодная война была не просто битвой за геополитическое превосходство или экономическую модель. Это был конфликт на уровне метафизики,

столкновение двух различных представлений о том, что значит быть человеком и как должно быть устроено общество. Попытка установить доминанту единого алгоритма социального устройства, будь то капиталистического или коммунистического, неизбежно приводила к напряженности, поскольку игнорировала внутреннюю двойственность человеческого сознания. Возможно, будущее развитие общества будет зависеть от нашей способности интегрировать эти два способа восприятия реальности, находя гармонию между индивидуальной свободой и коллективной ответственностью.

Заключение

Таким образом, противостояние капитализма и коммунизма выходит за рамки чисто экономических и политических доктрин, углубляясь в сферу психологии и метафизики сознания. Две идеологии можно рассматривать как макросоциальные проекции двух картин мира, фундаментальных способов бытия и восприятия реальности: веру в индивидуальное (обособленное) или уни-

версальное (коллективное) сознание.

Капитализм является экстериоризацией принципов индивидуализма, конкуренции и стремления к личной выгоде, отражая доминирование эгоцентрической структуры сознания. Он апеллирует к гедонизму, нашей потребности в автономии и самореализации. Коммунизм, в свою очередь, представляет попытку воплотить принципы единства, коллективности и всеобщей взаимосвязанности, стремясь к созданию общества, основанного на универсальном сознании. Он обращается к нашей потребности в принадлежности и справедливости.

Холодная война, таким образом, была не только борьбой за мировое господство, но и фундаментальным конфликтом между двумя структурами человеческого сознания. Понимание этого метафизического измерения, развивает визионерскую вариативность и дает возможность, переосмыслить причины и следствия идеологических столкновений, а также перспективы развития человеческого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего: великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи / Пер. с англ. Ильи Файбисовича. — Москва: Колibri, 2008. — 430, [1] с. — ISBN 978-5-389-00073-5.
2. Айенгар, Б.К.С. Йога-сутры Патанджали: Проявление / Б.К.С. Айенгар; пер. с англ. М.С. Гинзбург. - Москва: Альпина, 2014. - 364 с.
3. Гейзенберг, В. Über den anschaulichen Inhalt der quantentheoretischen Kinematik und Mechanik // Zeitschrift für Physik. - 1927. - Bd. 43. - S. 172-198.
4. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. / М.В. Ломоносов. - Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950-1983.
5. Лосев, А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. -Москва: Учпедгиз, 1957. - 620 с.
6. Юнг, Т. Курс лекций по натурфилософии и механическим искусствам: в 2 т. / Т. Юнг. - Лондон: J. Johnson, 1807.
7. Bannan, T. China's Experience with Reform and Modernization: The Problem of Reconciling Communism with Capitalism. Journal of King Abdulaziz University-Economics and Administration. 2011. 25. 231-293. 10.4197/Eco.25-1.5
8. Cournot, A.A. Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses. 1838.
9. Fuchs, Christian. (2023). Ibn Khaldûn and the Political Economy of Communication in the Age of Digital Capitalism. Critical Sociology. № 50. 10.1177/08969205231206488.
10. Hayek, Friedrich August. (1945). The use of knowledge in society. The American Economic Review, 35(4), 519–530.
11. Johnson, B. «A Whole Synthesis of His Time»: Political Ideology and Cultural Politics in the Writings of William Carlos Williams, 1929-1939. American Quarterly. 2002. Vol. 54. P. 179-215. 10.1353/aq.2002.0016.
12. Kavtaradze, E. (2023). To the question of political ideologies and their significance for the state. International Scientific Journal «The Caucasus and the World», (26). P. 1-8. <https://doi.org/10.52340/isj.2022.26.03>
13. Lestari, C. R., Effendi, B. (2021). the Role of the State in Tackling the Effort of Communist Ideology Through Books in Indonesia. 04(01), 55–67.
14. Lynch, Andrew. (2018). Catholicism and Capitalism: Ideology, Faith, and Power // In book: Global Catholicism in the Twenty-first Century. 2018. p. 61-69. Doi: . 10.1007/978-981-10-7802-6_5.
15. Montgomery, R.M. Wired Neuroscience Capitalism and Communism: Navigating Efficiency, Wastefulness, and Sustainability in the Context of Human Nature and Resource Scarcity. 2024. P. 1-22.
16. Najjar A., Bill A. (2025). Class, Ideology and Consciousness: Revisiting Dickens' Great Expectations and Mahfouz's The Cairo Trilogy from a Marxist Perspective. International Journal of English Literature and Social Sciences. Vol-10. Jan-Feb, 2025.
17. Nash, John Forbes. (1950). Equilibrium points in n-person games. Proceedings of the National Academy of Sciences, 36(1), 48–49.
18. Pareto, Vilfredo Federico Damaso. (1906). Manual of political economy. Oxford University Press. (Original work published in Italian).
19. Pashazade, N. (2024). The Impact of Mental Models on the Transition from Communism to Capitalism. The Comparative Case Study of Azerbaijan and Poland. Journal of Finance and Financial Law, 2(42), 7–39. <https://doi.org/10.18778/2391-6478.2.42.01>
20. Pereira Jr., A. Qualiomics: The metaphysics of consciousness. Forum for Philosophical Studies, 2024. 1(1), 489. <https://doi.org/10.59400/fps.v1i1.489>
21. Şahin S., Şahin E. (2023) The Concept of Ideology and the Struggle between Capitalism and Communism in Sezai Karakoç's Political Thought, Journal of Economics and Administrative Sciences, 24 (1): 50-59. doi. 10.37880/cumuiibf.1173450.

22. Shubin, A. (2024). Toward Communism Past Capitalism: From Marxist Theory to Communist Practice. Latin-American Historical Almanac. 43. 29-67. 10.32608/2305-8773-2024-43-1-29-67.
 23. Smith, Adam. (1776). An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London: W. Strahan and T. Cadell.
 24. Vieira, Pedro. (2024). Capitalism, Communism, and Human Happiness. University of Porto. 2024. P. 1-25. 10.13140/RG.2.2.20762.76484.
 25. Yuniarti, Endah. (2024). The Communism as Forbidden Ideology. Journal of Innovation in Teaching and Instructional Media. 2024. Vol. 4(2). P. 135-144. 10.52690/jitim.v4i2.751.
-

© Винто Вадим Викторович (Institute_sc@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«МЕТОД НЕЙРОГРАФИКА» В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: СЕМАНТИКА И МЕТАДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

Пискарев Павел Михайлович

Д.псих.н., профессор, Институт психологии творчества

Павла Пискарева (г. Санкт-Петербург)

p.piskarev@mail.ru

"METHOD OF NEUROGRAPHICS" AS A PART OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE: SEMANTICS AND METADISCIPLINARITY

P. Piskarev

Summary: Context and relevance. The contemporary stage of development sets new demands on the acquisition of knowledge, including scientific knowledge, which permeates all areas of life, integrates into daily existence, and is consequently perceived as ordinary, thus establishing the importance of scientific verification. **Objective.** Systematization of scientific knowledge of the Neurographic Method. **Hypothesis.** Metadisciplinarity is a complexly integrated set of scientific knowledge of supradisciplinary order, which determines a different approach to understanding the category of «method». **Results.** The paper describes the place and role of the category «method» in the system of scientific knowledge. A distinction is made between the concepts of «interdisciplinarity», «transdisciplinarity» and «metadisciplinarity». The «Neurographic Method» is considered as a metadisciplinary construct, as it integrates knowledge, principles and approaches of psychology, psychophysiology, anthropology, phenomenology and graphic design; it is based on basic algorithms, each stage of which is accompanied by introspection techniques. The role of the irrational, sensory, and artistic knowledge in solving problems in any field is substantiated. Rationalist concepts are considered from the perspective of their limitations in explaining the value-meaning sphere of human. **Conclusions.** The metadisciplinary framework of the «Neurographic Method» system offers broad opportunities for solving a significant spectrum of tasks. At this stage of scientific thought development, it focuses on addressing challenges in the areas of psychology, creative cognition, reflection, and individual experience, providing a comprehensive approach to working with one of the most intricate systems – the human being.

Keywords: «Neurographic Method», interdisciplinarity, metadisciplinarity, multidisciplinary approach, transdisciplinarity, personal development, spiritual development, scientific cognition.

Аннотация: Контекст и актуальность. Современный период развития диктует новые требования к получению знания, в том числе научного, которое распространяется на все сферы жизни, интегрируется в повседневную жизнь, из-за чего воспринимается как обыденное, обуславливая актуальность научной верификации. **Цель.** систематизация научного знания «Метода Нейрографика». **Гипотеза.** Метадисциплинарность является сложноинтегрированной совокупностью научных знаний наддисциплинарного порядка, что обуславливает иной подход к пониманию категории «метод». **Результаты.** В работе описывается место и роль категории «метод» в системе научного знания. Проводится различие между понятиями «междисциплинарность», «трансдисциплинарность» и «метадисциплинарность». «Метод Нейрографика» рассматривается как метадисциплинарная конструкция, поскольку интегрирует знания, принципы и подходы психологии, психофизиологии, антропологии, феноменологии и графического проектирования; строится на базовых алгоритмах, каждый этап которого сопровождается приемами интроспекции. Обосновывается роль иррационального, чувственного, а также художественного знания в решении задач любой сферы. Рационалистские концепции рассмотрены с точки зрения их ограничений в объяснении ценностно-смысловой сферы человека. **Выводы.** Метадисциплинарность системы «Метод Нейрографика» обладает широкими возможностями в части решения значительного спектра задач. На данном этапе развития научной мысли он направлен на решение проблем в области психологии, творческого познания, рефлексии, индивидуального опыта, позволяя всесторонне работать с одной из самых сложных систем – человеком.

Ключевые слова: «метод Нейрографика», междисциплинарность, метадисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность, личностное развитие, духовное развитие, научное знание.

Введение

Развитие информационных технологий и кратное увеличение объема знаний об окружающем мире выдвигают новые требования к методам получения и дальнейшему использованию нового знания, в том числе научного (Баранов, 2018). Результаты открытий, ранее доступные только профессиональному сообществу, теперь могут быть широко использованы в различных областях человеческой деятельности и интегрированы в систему повседневного познания (Доджикова, 2015). Это

имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Например, при популяризации науки фактологическая база часто искажается или упрощаются до потери смысла. С другой стороны, активное использование научного знания в повседневной жизни человека приводит к повышению мировоззренческой и ценностно-образующей роли открытий. Значительную роль играют не просто рациональное осмысление мира и объективная истина, а их субъективная рефлексия, творческое переосмысление и интеграция в картину мира отдельных людей. Если в XX веке эталонной наукой считали физику,

которая предполагала максимальное исключение личности автора из-за процесса исследования для получения объективных результатов, то сейчас в качестве эталонных скорее рассматриваются гуманитарные науки или новые дисциплины, возникшие на стыке естественных и гуманитарных наук (Черникова, 2010).

Еще одной тенденцией в познании окружающего мира является развитие так называемого междисциплинарного поля. Это объясняется, с одной стороны, усложнением стоящих перед исследователями задач, с другой – формированием новых подходов к получению знания и методик, которая одновременно относится к не только к разным предметным областям, но и к разным областям человеческой деятельности (Розин, 2015). Предмет или явления теперь воспринимаются как более сложные, в системе взаимодействий с другими предметами явлениями, а также с наблюдателем и его субъективным восприятием.

Повышение ценности гуманитарного (субъективного) подхода к новому знанию приводит к появлению так называемых интегральных методов, которые объединяют в себе несколько предметных областей. Одним из примеров является «Метод Нейрографика», основанный на знаниях из области психологии, нейрофизиологии, педагогики, философии, а также включающий в себя элементы творчества и процесс получения субъективного опыта. Он представляет собой, с одной стороны, синтез подходов и методов из разных областей человеческой деятельности, с другой, может быть применен в различных сферах жизни, а также как метод творческого, опытного, духовного, философского и научного познания (Канжюри, 2022). Это определяет особое место «Метода Нейрографика» в системе современной научной методологии, которое до сих пор не было описано в исследовательской литературе. В связи с этим, целью данного исследования является анализ положения «Метода Нейрографика» в системе научного знания.

Материалы и методы

Исследование выполнено при помощи анализа литературных данных и философских категорий «метод», «междисциплинарность», «метадисциплинарность», «интердисциплинарность».

Результаты

«Метод Нейрографика» как возможный ответ на кризис научного познания

Существует несколько способов получения нового знания, каждый из которых обладает своей спецификой (рис. 1). К особенностям научного познания можно отнести: стремление к объективности (исключение личности исследователя из процесса производства знания), воспроизводимость

результатов, использование стандартизированных методов, стремление к постижению истины как ключевая ценность (Черкасова, 2019). Часто научному познанию противопоставляют обыденное, или повседневное. Оно является субъективным, опирается на опыт и полученные человеком знания. В обыденном познании роли личности познающего очень велика, но на него также оказывает влияние развитие научного знания. Благодаря программам популяризации науки, а также тиражированию научной информации и некоторых методов и приемов проверки ее истинности, бытийное познание может опираться на данные научных исследований, превращая жизнь в своеобразное исследование. Смешение методологии научного и обыденного познания влияет на формирование картины мира у людей. Остается открытым вопрос, возможно ли обратное влияние, каковы его положительные и отрицательные стороны.

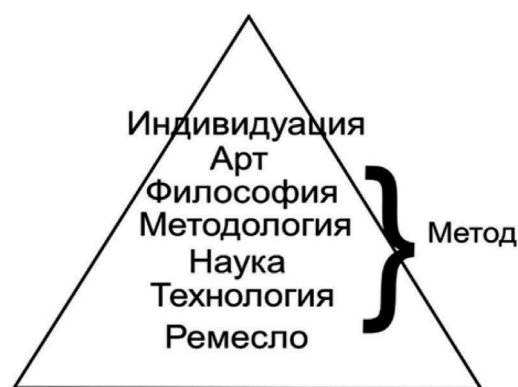

Рис. 1. Метод в системе деятельности и познания

В современном мире можно говорить о кризисе научного познания, который связан, прежде всего, с ограничениями, которые свойственны естественным наукам. Хотя по-прежнему декларируется ценность постижения истины, наибольшие ресурсы направлены на развитие тех научных направлений, которые занимаются обслуживанием нужд и потребностей практики, и зачастую фундаментальные исследования финансируются гораздо хуже, чем прикладные. При публикации результатов исследований предпочтение отдается тем материалам, которые описывают подтверждение научных гипотез, а не их опровержение. Роль и значительное влияние научных школ ограничивает возможность вовлечения в научную деятельность лиц, которые не связаны с теми или иными научными институтами. Таким образом нарушается основной принцип научного познания – непредвзятость. С другой стороны, в естественных науках постоянно практикуется принцип исключения личности исследователя, что можно описать как «познание происходит без познающего».

Ключевой особенностью научного познания является метод. Его роль подчеркивал еще академик И. Павлов, указывая, что именно от него зависит весь результат познания и «серьезность исследования», при этом таланты самого исследователя не важны. Научный метод

рассматривается как возможность решить определенную задачу, практическую или исследовательскую; это совокупность правил, приемов и последовательность определенных действий, которые приводят к предсказуемому и воспроизводимому результату (Никитин, 2021).

Такая стандартизация не всегда эффективна при работе со сложными системами, где ограниченность инструментов познания не позволяет создать объективную картину. Однако современные научные методы все же подвержены воздействию личности исследователя - даже если опустить тот факт, что некоторые из них требуют значительного уровня мастерства, а результаты отдельных, сверхсложных экспериментов повторить невозможно (Хайтун, 2019). В некоторых дисциплинах значительную роль играет так называемая профессиональная интуиция, которая, как показывают современные исследования в области психологии профессионализма, формируется только в результате значительного опыта исследователь (Стоцкая, 2019). Опора на собственный опыт является признаком не научного, а обыденного познания. Помимо этого, исключение о личности исследователя из научных методов, хотя оно и не происходит в полной мере, приводит к различным проблемам этического характера, а также исключает значительный объем субъективной информации, который представляет собой большую ценность в современной картине мира метамодерна (Аллахвердов, 2010).

Одним из ответов на кризис метода в естественных науках является развитие междисциплинарных методов, однако многие из них уже не являются научными в изначальном смысле этого слова. Так называемые универсальные методы научного познания - анализ и синтез - являются методами философии. Они позволяют преодолеть упомянутые выше ограничения, привлекая знания и способы их получения из смежных, а часто - и из значительно удаленных от научного способов познания (творчества, религии и т.д.) (Ляшко, 2024). Примером такого подхода является «Метод Нейрографика». С одной стороны, он соответствует некоторым критериям научного метода: наличие четкого алгоритма действий, предсказуемый результат в виде определенных реакций клиента, многократно описанный в различных научных исследованиях, воспроизводимость, решение практических задач. С другой стороны, он позволяет интегрировать личность клиента в процесс производства нового знания, обогащает его процесс обыденного познания, структурирует его. Спектр задач, который решается при помощи нейрографики, достаточно широк и не ограничивается конкретной сферой (Шатохина, 2023). В связи с этим, можно рассматривать этот метод как междисциплинарный.

Особенности методов, выходящих за рамки предметных областей

В зависимости от возможности применения метода

в одной или нескольких областях знания, предложена классификация, которая подразделяет научные методы на всеобщие философские, общенаучные, частнонаучные, дисциплинарные и междисциплинарные методы исследования (рис. 2). Считается, что наименее операционными (снабженными четким алгоритмом действий) являются всеобщие философские методы, наиболее операционный характер носят частнонаучные (Баскаков, Туленков, 2004).

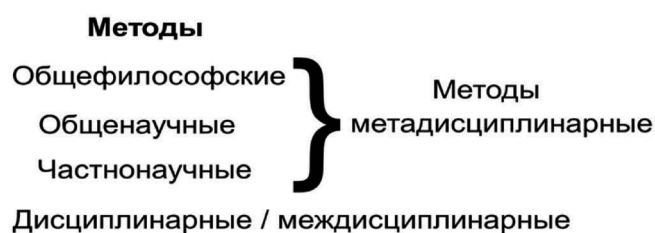

Рис. 2. Метадисциплинарность в системе научных методов

Междисциплинарные методы часто рассматриваются как совокупность инструментария из различных областей научного знания и позволяют описывать объект исследований с разных точек зрения. Такие методы являются сложноструктурированными и синтетическими, позволяя достичь максимальной экологичности результата (когда теоретическая модель очень точно описывает поведение и свойства оригинала) и диагностировать свойства и характеристики, недоступные при работе только частнонаучными методами. Отсюда междисциплинарность часто связывают с инновациями, повышают вероятность получения нового знания и способствуют развитию тех областей, которые касаются объекта исследования (Междисциплинарность..., 2010).

Инновационный аспект междисциплинарного исследования обнаруживается благодаря его мимолетному характеру, когда оно выполняет функцию открытия аномалии или контрпримера, в терминологии Т. Куна (Кун, 1975). Междисциплинарное исследование нередко приводит к формированию новой предметной области со своими методами, например, нанотехнологии и синергетика (Данилов, 2006). Междисциплинарная инновация, являясь продуктом не только научной кооперации, в большей степени, чем какая-либо другая, обладает социально-ориентированным характером, а также отличается высокой сложностью, неоднозначностью выводов и возможностью различных трактовок полученных результатов.

Возрастающее количество междисциплинарных исследований и проблематики ставит вопросы о возможности их классификации. Так, если в рассмотрении какого-либо объекта задействованы методы нескольких предметных областей, чтобы обеспечить разностороннее и наиболее соответствующее оригиналу описание, то такие исследо-

вания называются полидисциплинарными (Суслова, 2009). Если решение научной задачи, которая изначально относится к конкретной области знания, невозможно методами этой области знания, то такое исследование относится к интердисциплинарным (Исакова и др., 2023). Если для решения научной задачи необходимо выйти за рамки не только конкретной предметной области, но и самого научного познания, такие исследования называются трансдисциплинарными (Киященко, 2006). Если сам объект исследования по своей природе таков, что находится на границе нескольких областей знания, то его исследование будет называться междисциплинарным. Если результатом междисциплинарного исследования становится создание новой области знания, сквозной по отношению к нескольким другим (так называемый «выход на метауровень»), то такие исследования называют метадисциплинарными (Иванов, Лакербай, 2023). Стоит отметить, что данная классификация существует в различных вариациях и не является общепринятой, но в данном исследовании приводятся наиболее употребляемые значения указанных терминов.

Метадисциплинарность интегрирует не только отдельные области научного познания, но и различные методы познания. Благодаря этому инструменту удастся не только описать новые свойства реальности, но и решить научные задачи касательно сложных и динамичных систем, которые сейчас полноценно не могут быть описаны ни одним из существующих методов познания. Это достигается за счет преодоления ограниченности научных методов, вовлечение субъективного и иррационального знания в процесс осмысления тех или иных явлений или предметов (Александрова, 2018). Особую роль играет художественное знание, так как чувственность является не менее важной, нежели рациональность, а рационалистские концепции обладают серьезными ограничениями в объяснении ценностно-смысловой сферы человека.

Метадисциплинарность в исследовании человека состоит именно в том, что она позволяет установить «наднаучную» связь естественных, социально-гуманитарных и сфер духовной культуры. Именно в данном пространстве «наддисциплинарного» уровня создан «Метод Нейрографики», интегрирующий естественное, гуманитарное, обыденное, практическое и художественное знание. Он систематизирует в единый алгоритм психологический инструментарий, графические приемы, антропологические принципы и физиологические законы, способствуя личностному и духовному развитию через преобразование психического состояния личности как сложного интегративного проявления психики со всей совокупностью ее составляющих.

Особенности «Метода Нейрографики» как метадисциплинарного метода

Физиологические принципы «метода Нейрографики»

построены на учениях о взаимосвязи кистей рук с функционированием головного мозга. Феноменологические подходы позволяют оперировать единицами мышления, расщепляя и преобразуя в новую субъективную реальность. Графическое проектирование служит основанием для образного моделирования, реализуя естественнонаучный принцип о том, что любая задача имеет графическое решение. Принцип о том, что решение задач находится в области чувственного и иррационального синтезирует психологические, антропологические и физиологические подходы.

Процесс рисования каждого рисунка осуществляется в соответствии с базовым алгоритмом, сопровождаясь на каждом этапе данного алгоритма приемами интроспекции. То есть при постановке тех или иных задач у человека в результате активизации раздражителей возникают разные ощущения, состояния, переживания. Данные состояния, ощущения, переживания отслеживаются и преобразуются на следующих этапах алгоритма, а каждый рисунок – это полноценный и точно поставленный эксперимент.

Логическое структурирование чувственного опыта человека, его иррациональных интенций через творческое переосмысление ситуации запроса позволяет производить новое знание через инсайт, а также через нестандартный взгляд на ситуацию (Поддьяков, 2022). «Метод Нейрографики» способствует надсистемному взгляду на проблему, в результате чего человек обогащает свой арсенал методов познания новыми нестандартными подходами. Это позволяет эффективно решать задачи как в области личностного роста, так и в области рефлексии и саморазвития, профессионального роста, а также может способствовать преодолению сложностей в процессе научного познания.

Взаимосвязь нейрографики с другими областями человеческой деятельности показана на рисунке 3.

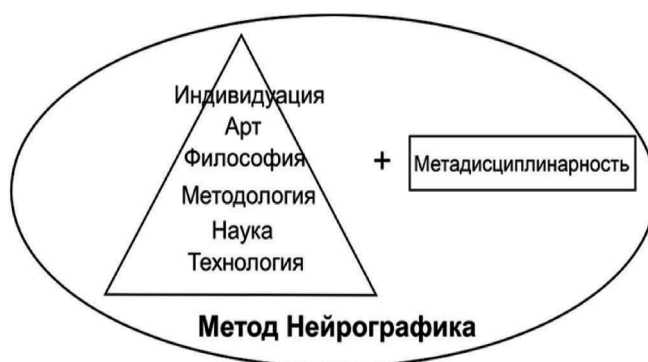

Рис. 3. Метод нейрографики в системе научного знания

Как и любой метадисциплинарный подход, нейрографика интегрирует индивидуальный опыт человека, творчество и искусство, философию, арсенал методов таких научных дисциплин, как психология и этология, имеет черты научного познания и является технологией по получению нового знания.

Заклучение

Познание, лежащее за пределами конкретных областей знания, а также подходов к его производству, позволяет добиться инновационных результатов, открывая новые направления развития не только науки, но и других областей человеческой деятельности. Задачи, решение которых находится вне компетенции существующих областей науки, одновременно являются наиболее сложными и перспективными в плане выполнения основной научной задачи - получения нового знания.

Метадисциплинарные направления деятельности дополнительно обогащают арсенал научных методов познания, позволяя интегрировать в него чувственный индивидуальный опыт. Это позволяет преодолеть кризис метода в естественных науках, который, в свою очередь, приводит к серьезным проблемам в гуманитарной

и этической сферах (Торосян, Дробязко, 2014). Кроме того, метадисциплинарные направления познания содержат в себе наиболее эффективные приемы описания и открытия новых свойств сложных систем, позволяя осмыслить их не в качестве абстрактной модели, а в совокупности характеристик и свойств.

«Метод Нейрографика» является одним из примеров метадисциплинарности, объединяя несколько способов познания. Это говорит в пользу его широких возможностей в части решения значительного спектра задач. На данном этапе развития научной мысли это продемонстрировано в связи с экстраполяцией этого метода с узкой задачи - эстетического коучинга - на решение проблем в области психологии, творческого познания, рефлексии, индивидуального опыта. Такой метод позволяет всесторонне работать с одной из самых сложных систем из известных - человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, Н.М. (2018) Метадисциплины в профессиональном образовании в области традиционного прикладного искусства. Традиционное прикладное искусство и образование, 1 (23), 1—9.
2. Аллахвердов, В.М. (2010) От «Методологического одичания» психологов к светлому теоретическому будущему. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 7 (4), 61—67.
3. Баранов, А.М. (2018) Кризис познания, метанаука и экзогуманитарная информация. Санкт-Петербургский образовательный вестник, 4-5 (20-21), 4—11.
4. Баскаков, А.Я., Туленков, Н.В. (2004) Методология научного исследования: Учебное пособие. К.: МАУП, 216 с.
5. Данилов, Ю.А. (1997) Роль и место синергетики в современной науке. Онтология и эпистемология синергетики. М.: ИФ РАН, с. 5—11.
6. Доджикова, Р.Н. (2015) Эволюция обыденного познания и некоторые проблемы постнеклассического образования. Вопросы философии, 3, 55—62.
7. Ляшко, И.А. (2024) Диалектика анализа и синтеза в наследии Э. В. Ильенкова как условие развития методологии науки. Наука. Искусство. Культура, 3 (43), 213—225.
8. Исакова, И.А., Петрова, И.Э., Ситникова, И.В. (2023) Интердисциплинарность vs междисциплинарность: возможности изучения креативности. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1 (173), 310—322.
9. Канжюри, Х. (2022) Диалектика разобщенности и целостности (в контексте психологии). Universum: психология и образование, 6 (96), 61—66.
10. Киященко, Л.П. (2006) Феномен трансдисциплинарности — опыт философского анализа. Santalka. Filosofija. Vilnius, 14 (1), 17—38.
11. Кун, Т. (1975) Структура научных революций. М.: Прогресс, 288 с.
12. Междисциплинарность в науках и философии. М.: ИФРАН, 2010. 205 с.
13. Никитин, В.И. (2021) Методы научного познания. Вестник НИЦ «Строительство», 1 (28), 142—150.
14. Поддяков, А.Н. (2022) Междисциплинарная позиция исследователя и системный инсайт: возможности и ограничения. Исследователь/Researcher, 3-4 (39-40), 20-24.
15. Розин, В.М. (2015) Комплексные науки и междисциплинарные исследования. Идеи и идеалы, 1 (26), 18—39.
16. Стоцкая, Т.Г. (2019) Проблема интуиции в научном познании. Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия, 1, 129—136.
17. Сулова, Т.И. (2009) Полидисциплинарность в гуманитарных науках. Современные проблемы науки и образования, 6-1. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=1358> (дата обращения: 20.03.2025).
18. Торосян, В.Г., Дробязко, Н.Е. (2014) Кризис науки или наука в кризисном социуме? Наука и современность, 30, 186—190.
19. Хайтун, С.Д. (2016) Кризис науки как зеркальное отражение кризиса теории познания. М.: Кризис науки, 456 с.
20. Черкесова, К.И. (2019) Об особенностях научного познания. Наука. Искусство. Культура, 4 (24), 208—211.
21. Черникова, И.В. (2010) О диалектике субъективного и объективного в научном познании. Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов, 316 (6), 82—88.
22. Шатохина, Я.А. (2023) Анализ способов и методов развития эмоционального интеллекта подростков. Вестник науки, 1, № 5 (62), 209—214.
23. Исакова, И.А., Петрова, И.Э., Ситникова, И.В. (2023) Интердисциплинарность vs междисциплинарность: возможности изучения креативности. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1 (173), 310—322.

© Пискарев Павел Михайлович (p.piskarev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В ЭВОЛЮЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ НОРМ И ПРАКТИК

Рябова Екатерина Юрьевна

Аспирант, ФГБОУ ВО Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
ryabova.katerinka@bk.ru

THE ROLE OF SOCIAL INNOVATIONS IN THE EVOLUTION OF SOCIOCULTURAL NORMS AND PRACTICES

E. Ryabova

Summary: The article focuses on the importance of social innovations in the context of the transformation of Russian society and their impact on the modification of socio-cultural norms. Leading researchers V.L. Inozemtsev, E.V. Popov and O.E. Shkaratan draw attention to the fact that social innovations play a decisive role in the process of society's adaptation to the rapidly changing conditions of modern life. These innovations act as a driving force for modernization, acting as a catalyst for improving the quality of life of the population and stimulating the development of the social sphere.

In addition, the authors emphasize that social innovations contribute to the transformation of existing regulatory frameworks, adapting them to new challenges of the external environment. They are a tool for revising traditional approaches to solving social problems, contribute to the actualization of new behavioral standards and active public discussion of outdated practices.

In general, such innovations not only act as an element of sustainability and cooperation within society, but also help to form more dynamic social structures.

Keywords: social innovation, transformation of society, socio-cultural norms, modernization, quality of life, social adaptation, regulatory framework, modern challenges, civil society, social sustainability.

Аннотация: Статья акцентирует внимание на значимости социальных инноваций в контексте трансформации российского общества и их влиянии на модификацию социокультурных норм. Ведущие исследователи В.Л. Иноземцев, Е.В. Попов и О.Е. Шкаратан обращают внимание на то, что социальные инновации играют решающую роль в процессе адаптации общества к стремительно изменяющимся условиям современной жизни. Эти инновации выступают в качестве движущей силы модернизации, действуя как катализатор улучшения качества жизни населения и стимулируя развитие социальной сферы. Кроме того, авторы подчеркивают, что социальные инновации способствуют трансформации существующих нормативных рамок, адаптируя их к новым вызовам внешней среды. Они являются инструментом пересмотра традиционных подходов к решению социальных проблем, способствуют актуализации новых поведенческих стандартов и активному общественному обсуждению устаревших практик.

В целом, такие инновации не только выступают элементом устойчивости и кооперации внутри общества, но и помогают сформировать более динамичные социальные структуры.

Ключевые слова: социальные инновации, трансформация общества, социокультурные нормы, модернизация, качество жизни, социальная адаптация, нормативные рамки, современные вызовы, гражданское общество, социальная устойчивость.

Современное общество переживает интенсивные трансформации, обусловленные, в том числе, активным внедрением социальных инноваций. Этот феномен, выходящий за рамки простых технических новшеств, оказывается определяющим фактором социокультурных изменений, влияя как на структуру, так и на содержание норм и практик, определяющих жизнедеятельность индивидов и социальных групп.

В условиях радикального усложнения общественных процессов и увеличения скорости изменений традиционные механизмы регулирования поведения и поддержания устойчивости социума становятся недостаточными для эффективного ответа на вызовы современной эпохи. Социальные инновации, в отличие от сугубо технологических преобразований, проникают в самые глубинные пласты общественной жизни, трансформируя устоявшиеся системы ценностей, способы общения, формы совместной деятельности и даже образы идентичности.

Появление новых социальных институтов, изменение форм социальной мобильности, внедрение альтернативных моделей образования и здравоохранения, развитие цифровых платформ для коммуникации и самоуправления — все это служит примерами того, как социальные инновации изменяют способы социального взаимодействия и самоорганизации. Эти процессы ведут к переосмыслению самих принципов общественного устройства, способствуя возникновению гибридных форм социальных норм, сочетающих элементы традиционного и инновационного мировоззрения [6, с.279].

Кроме того, под воздействием социальных инноваций пересматриваются критерии легитимности и справедливости, которые лежат в основе коллективных решений и общественной солидарности. В результате социальная ткань приобретает свойства гибкости и адаптивности: нормы и практики, ранее отличавшиеся устойчивостью и конформизмом, становятся более от-

крытыми для изменений, учитывающих разнообразие индивидуального и группового опыта. Таким образом, социальные инновации не только способствуют обновлению имеющихся форм общественной жизни, но и иницируют формирование новых направлений развития, раскрывающих дополнительные возможности для социальной динамики и культурной эволюции.

Социальные инновации представляют собой сложное и многогранное явление, находящееся на стыке социальных наук, управления и культуры. В самом общем виде социальные инновации понимаются как новые идеи, практики, технологии, институты или организационные формы, которые направлены на решение актуальных общественных проблем и приводят к качественным изменениям в жизни общества. Основная суть социальных инноваций заключается не только в обновлении средств и методов удовлетворения потребностей, но и в формировании принципиально новых моделей социального взаимодействия, способствующих развитию, социальной интеграции и устойчивости общества.

Среди зарубежных ученых важный вклад в теоретическое осмысление социальных инноваций внес Йозеф Шумпетер, выделявший инновации как ключевой источник развития и «созидательного разрушения» в социальной сфере. Он подчеркивал, что успех инноваций определяется способностью изменять традиционные структуры и нормы [12]. Питер Друкер рассматривал социальные инновации как движущую силу смены эпох, указывая на их важность в преобразовании институтов и социальных отношений [1]. Энтони Гидденс обращал внимание на роль социальных инноваций в процессе модернизации общества [11], а Мануэль Кастельс связывал появление новых социальных практик с развитием сетевых структур и коммуникационных технологий, подчеркивая их значение в эпоху информационного общества [7, с. 294].

В отечественной социологии и социальной философии вопросам социальных инноваций уделяли пристальное внимание такие исследователи, как В.Л. Иноземцев, отмечающий, что социальные инновации определяют перспективы модернизации российского общества и выступают механизмом его адаптации к меняющимся внутренним и внешним условиям. Работы Е.В. Попова анализируют влияние социальных инноваций на повышение качества жизни и развитие социальной сферы, а О.Е. Шкаратан выделяет их роль в формировании новых институтов солидарности, партнерства, диалога между различными социальными группами и государством [3, с. 31-32].

Социальные инновации отличает то, что они коренным образом трансформируют социокультурные нормы и ценности, способствуют пересмотру паттернов пове-

дения, созданию новых форм социальной интеграции и взаимодействия. Они становятся ответом на вызовы времени — социальное неравенство, культурная фрагментация, старение населения, новые способы коммуникации и организации труда.

Таким образом, по мнению как отечественных, так и зарубежных исследователей, социальные инновации — это не просто новые решения частных проблем, а фундаментальный фактор развития, обновления и повышения устойчивости общества в целом. Их внедрение способно созидать новые механизмы кооперации, обновлять нормы и институты, расширять возможности для самореализации и творческого участия граждан в жизни общества.

Социокультурные нормы выступают важнейшими инструментами социальной регуляции, закрепляя в обществе определённые стандарты поведения, ценности и ожидания. Несмотря на свою устойчивость и адаптивность, они обладают внутренней динамикой, позволяющей сообществу вовремя реагировать на внутренние и внешние вызовы. Значительную роль в трансформации социокультурных норм играют социальные инновации, которые встраиваются в ткань общественной жизни и запускают процессы переосмысления, обновления и перераспределения значимых стандартов и практик.

Исследователи выделяют несколько ключевых направлений влияния социальных инноваций на нормы, которые были освещены в трудах как отечественных, так и зарубежных авторов. Так, Э.Т. Парсонс в своих работах указывал, что устойчивость социальных систем во многом обеспечивается способностью к инновационным изменениям и адаптации на уровне норм и ролей. П. Бергер и Т. Лукман анализировали, как новые идеи сначала вызывают дискуссии и сопротивление, но затем, закрепляясь в повседневной практике, могут преобразовать нормативный порядок общества. Современный социолог Ульрих Бек отмечал «рефлексивную модернизацию», когда общество осознанно пересматривает свои традиции под влиянием новых вызовов, а Зигмунт Бауман писал о «жидкой современности», в которой нормы становятся все более гибкими и мобильными вследствие быстрого инновационного развития [8].

В отечественном научном поле этот же вектор прослеживается в работах И.М. Ильинского, подчеркивающего роль социальных инноваций в формировании гражданского общества. В.А. Ясвин акцентирует внимание на экологических инновациях, подчеркивая появление новых норм ответственного отношения к природе и ресурсам [13].

Воздействие социальных инноваций на нормы можно рассматривать в нескольких плоскостях:

— актуализация новых этических и поведенческих

стандартов. Социальные инновации вводят в обиход модели поведения и системы ценностей, соответствующие изменившимся социальным запросам. Например, распространение принципов устойчивого развития и идей «зелёного потребления» стало возможным благодаря инновациям в образовательных программах, городском планировании и корпоративной политике.

- критика и переосмысление традиционных норм. Новые социальные практики часто выступают критикой устоявшихся порядков. Это проявляется в усилении толерантности, равенства, солидарности и гражданской ответственности. Инновации в социальных технологиях стимулируют открытость, взаимодействие между разными группами и формируют платформы для обсуждения и пересмотра традиций.
- трансформация институтов и форм взаимодействия. Под влиянием социальных инноваций происходят институциональные изменения — пересматриваются форматы общественного участия, расширяются возможности диалога между гражданами и государством. Возникают новые формы общественной самоорганизации, такие как волонтерские движения, краудфандинг и кооперативные сети.

Яркие примеры подобных изменений можно наблюдать в различных сферах:

- в экологии формируются новые нормы экологически ответственного поведения и устойчивого развития.
- в потреблении усиливается переход к осознанному и этически обоснованному выбору товаров и услуг.
- на поле гражданских инициатив укрепляются самоуправление, волонтерство, благотворительность и кооперация.

Таким образом, социальные инновации не только модернизируют инструменты социального взаимодействия, но и могут стать триггером глубинных ценностных изменений, формируя обновленную картину общественных отношений, расширяя горизонты социальной ответственности и индивидуальной самореализации. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных учёных демонстрируют, что социальные инновации — это важнейший канал обновления норм, благодаря которому общество становится более гибким, открытым и солидарным.

В современной социологии практики рассматриваются как воспроизводимые, осмысленные и структурированные действия, посредством которых индивиды и группы реализуют социальные нормы и ценности в повседневной жизни. Эти практики не являются статич-

ными — они подвержены постоянным изменениям под влиянием различных факторов, среди которых ключевую роль играют социальные инновации [9, с. 17-18].

Влияние социальных инноваций на практики выражается в формировании новых форм деятельности, способов коммуникации и моделей взаимодействия между различными субъектами общества. Об этом писали Пьер Бурдьё, исследуя понятие «habitus» и подчеркивая значимость изменений в структуре повседневного опыта, а также Энтони Гидденс, обращая внимание на рефлексивность современных практик и их зависимость от социальных трансформаций [11].

Одним из ярких примеров изменений, вызванных социальными инновациями, является возникновение новых форм занятости. С развитием цифровых платформ появляются не только удаленная работа и гибкие графики, но и целые отрасли, основанные на фрилансе, микрозанятости и гибких проектных командах. Эти формы дают людям большую автономию, делают рабочие отношения более гибкими и способствуют возникновению новых профессиональных идентичностей. Современные исследования, в том числе работы Ч. Хескетта и Э. Коука, показывают, что новые трудовые практики влияют не только на структуру рынка труда, но и на социальную солидарность, институциональные механизмы поддержки работников и даже на баланс между профессиональной и личной жизнью.

Неотъемлемой частью инновационных социальных практик является переосмысление взаимодействия с государственными и негосударственными институтами. Современные граждане активнее вовлекаются в процессы принятия решений, используют электронные сервисы для общения с государством, выражения гражданской позиции, доступа к социальным услугам. Важное место занимают платформы электронного голосования, цифровые петиции, общественные консультации, что способствует развитию транспарентности, подотчетности и инклюзивности государственных процессов.

Существенное обновление происходит и в сфере самоорганизации, где социальные инновации порождают различные формы горизонтального сотрудничества. Активно развиваются кооперативные движения, инициативные группы, создаются сообщества практиков, способные самостоятельно решать локальные проблемы, обмениваться ресурсами и опытом. Примером служит развитие городских сообществ, объединяющихся для обустройства дворов, организации досуга, реализации экологических и образовательных проектов [10, с. 86].

Особого внимания заслуживает распространение платформенной экономики (sharing economy), радикально меняющей устоявшиеся хозяйственные и бы-

товые практики. Такие сервисы, как BlaBlaCar, Airbnb, YouDo и многие другие, предполагают не только новые технологические решения, но и формирование другой логики социализации — акцент на доверии между незнакомыми людьми, совместной ответственности, разделении ресурсов и снижении индивидуального потребления ради общего блага. Социальные инновации в этом секторе выступают драйверами формирования моделей, основанных на взаимопомощи, солидарности и открытости для новых форм партнерства [2, с. 114-115].

Кроме того, инновационные практики способствуют распространению принципов устойчивого развития, инклюзивности и социального предпринимательства, что открывает новые возможности для вовлечения различных групп населения в экономическую и общественную жизнь.

Таким образом, социальные инновации действуют не только на уровне ценностей и норм, но и непосредственно преобразуют рутинные действия, институты и способы взаимодействия людей. Это способствует формированию гибкого, адаптивного и инклюзивного общества, в котором новые практики становятся неотъемлемой частью социальной реальности, отвечая на современные вызовы и открывая пространство для дальнейшего развития.

Философское осмысление феномена социальных инноваций позволяет выйти за рамки прикладного анализа и поставить принципиальные вопросы о природе, границах и последствиях социальных изменений в структуре общества. Социальные инновации в контексте социальной и политической философии становятся предметом дискуссий не только как технологические или организационные новшества, но и как явления, меняющие саму ткань общественной жизни, отношения между индивидами и институтами, а также способы понимания ценностей и норм.

Один из важнейших вопросов — где проходят границы допустимых нормативных изменений. С одной стороны, внедрение новых практик и ценностей часто воспринимается как прогресс и движение к более справедливому, открытому обществу. С другой стороны, каждый такой сдвиг вызывает опасения относительно сохранения устойчивых устоев, традиций и моральных ориентиров, которые на протяжении долгого времени формировали коллективную идентичность и обеспечивали стабильность общества.

В философии неоднократно обсуждался вопрос о воспроизводстве устойчивых ценностей в условиях стремительных социальных трансформаций. Например, Юрген Хабермас подчеркивал необходимость достижения консенсуса в условиях плюрализма мнений и ценно-

стей, а Ганна Арендт обращала внимание на значимость публичного пространства для обсуждения новых норм и практик. В этом контексте социальные инновации выступают не только как источник обновления, но и как вызов способности общества к рефлексии, критическому переосмыслению традиций и формированию новых оснований коллективной моральности.

Еще один ключевой философский аспект — механизмы институционализации новых социальных практик. Практика становится значимой и устойчивой лишь в том случае, если она находит поддержку в институтах, приобретает легитимность и фиксируется в общественном сознании. Роль философии здесь — рефлексия о критериях, по которым новые практики интегрируются в общественный порядок: насколько они способствуют свободе, справедливости, солидарности, устойчивому развитию.

Примеры современности — институционализация прав человека, признание разнообразия семейных форм, развитие инклюзивных практик в образовании и на рынке труда.

Динамика норм и практик, вызванная социальными инновациями, указывает на множественность возможных сценариев развития общества. Она подчеркивает необходимость постоянного философского наблюдения и интерпретации происходящих изменений: как новые ценности влияют на представления о благе, достоинстве, ответственности; как соотносятся формальный правовой порядок и изменяющиеся культурные смыслы; в какой степени инновации могут быть подлинно этическими и ориентированными на общее благо.

Таким образом, философский взгляд на социальные инновации требует рассмотрения не только их утилитарной пользы или эффективности, но и анализа фундаментальных вопросов о сущности и целях человеческого общежития. Это требует открытости к дискуссиям, развитие критического мышления и готовности к сложным этическим выборам — ведь любые инновации несут как новые возможности, так и непредвиденные последствия, требующие вдумчивого философского осмысления и гражданской ответственности.

В результате рассмотрения феномена социальных инноваций становится очевидно, что они занимают ключевое место в процессе трансформации социокультурных норм и практик. Социальные инновации выполняют двойную функцию: с одной стороны, способствуют адаптации общества к изменяющимся условиям, вызовам и потребностям времени; с другой стороны — инициируют процессы опережающего развития, задают новые ориентиры и стимулируют переосмысление фундаментальных основ общественного устройства.

Значение социальных инноваций проявляется в их способности преодолевать традиционные барьеры, расширять горизонты возможностей для социальных групп и индивидов, способствовать формированию более инклюзивных, открытых и справедливых моделей взаимодействия. Наряду с этим, инновационные процессы в социальной сфере могут вызывать амбивалентные эффекты, порождать социальное напряжение, неравномерность распределения благ, увеличение рисков фрагментации и утраты ценностных ориентиров.

Глубокое и системное изучение социальных инноваций требует применения междисциплинарной перспективы: только сочетание социально-философского осмысления, культурологического анализа и политической рефлексии позволяет выявить всю сложность и многозначность этого явления. Такой подход создает условия для понимания не только конструктивных следствий внедрения новых практик, но и скрытых опасностей, которые могут сопровождать инновационные

трансформации.

В современных условиях быстро меняющегося мира возрастают требования к способности общества гибко реагировать на вызовы, балансировать между сохранением устойчивых принципов и открытостью к преобразованиям. В этой связи осмысление роли и последствий социальных инноваций становится особенно актуальным для теории и практики управления социальными процессами, выработки эффективной социальной политики и построения общества, ориентированного на устойчивое и справедливое развитие.

Итак, успешное и ответственное освоение потенциала социальных инноваций требует не только технических знаний и инструментов, но и глубокого философского понимания, позволяющего предвидеть как позитивные, так и двойственные последствия социальных изменений, а также формировать стратегии, учитывающие многообразие ценностей и интересов различных социальных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Друкер П. Бизнес и инновации / П. Друкер; [пер. с англ. К.С. Головинского]. – Москва: Изд. дом «Вильямс», 2007. – 432 с. – ISBN 978-5-8459-1195-7. – Текст: непосредственный.
2. Ивановский, Б. Г. Социальные инновации как фактор достижения устойчивого социально-экономического развития / Б.Г. Ивановский // Экономические и социальные проблемы России. – 2020. – № 1(41). – С. 104-126. – DOI 10.31249/espr/2020.01.05. – EDN TBDRJG.
3. Карачаровский, В.В. Когда благо блгу рознь: две грани социального выбора / В.В. Карачаровский, О.И. Шкартан // Социологические исследования. – 2020. – № 3. – С. 27-39. – DOI 10.31857/S013216250008810-4. – EDN GTNBLT.
4. Иноземцев, В.Л. Человек должен быть выше общества и государства / В.Л. Иноземцев // Мир перемен. – 2017. – № 4. – С. 108-111. – EDN ZVGTUD.
5. Кузьмин, В.П. Социальные инновации: учебное пособие / В.П. Кузьмин; В.П. Кузьмин; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Курский гос. медицинский ун-т Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию». – Курск: Изд-во Курского гос. медицинского ун-та, 2010. – 101 с. – ISBN 978-5-7487-1420-4. – EDN QUJBWB.
6. Кулешов, А.Э. Анализ понятия социальные инновации и сферы их применения / А.Э. Кулешов // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Донецк, 03–04 ноября 2021 года. – Донецк: Донецкая академия управления и государственной службы, 2021. – С. 277-280. – EDN JJJVJG.
7. Могущество самобытности / Кастельс Мануэль; Castells Manuel; автор предисловия В.Л. Иноземцев // Новая постиндустриальная волна на Западе. – Москва, 1999. – С. 292-308. – Печатается по: The Power of Identify. Malden (Ma.) - Oxford, Blackwell Publishers, 1997.
8. Питер Ф. Друкер; [пер. с англ. О.Л. Пелявского]. – Москва [и др.]: Вильямс, 2004. – 421 с.; 24 см.; ISBN 5-8459-0588-5: 5000
9. Пряжников, О.Н. Концепция социальных инноваций / О.Н. Пряжников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – 2019. – № 3. – С. 14-20. – EDN PWDQPK.
10. Сайфудинова, Н.З. Социальные инновации как фактор достижения устойчивого социально- экономического развития / Н.З. Сайфудинова, Ш.М. Газетдинов, Г.Р. Гарипова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 11, № 9(150). – С. 84-88. – DOI 10.36871/ek.ur.p.r.2024.09.11.011. – EDN WUKGJX.
11. Социология / Энтони Гидденс; Науч. ред. В.А. Ядов; Общ. ред. Л.С. Гурьевой и Л.Н. Иосилевича; [Пер. В. Малышенко и др.]. – Москва: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с. : табл.; 25 см.; ISBN 5-901006-82-8
12. Шумпетер Й.А. Теория Экономического Развития / Й.А. Шумпетер; [пер. с нем. В.С. Автономова]. – Москва: ДиректмедиаПабблишинг, 2008. – 400 с. – ISBN 978-5-699-19290-8. – Текст: непосредственный.
13. Экогуманитарный подход к образованию в интересах устойчивого развития / И.Ю. Азизова, С.В. Алексеев, Н.Д. Андреева [и др.]. – Санкт-Петербург: Скифия-Принт, 2025. – 202 с. – ISBN 978-5-00197-173-3. – EDN BDFSBK.

© Рябова Екатерина Юрьевна (ryabova.katerinka@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТЫ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ» В ФИЛОСОФИИ Н. БЕРДЯЕВА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

THE CONCEPTS OF "SPACE" AND "TIME" IN THE PHILOSOPHY OF N. BERDYAEV

V. Skopa

Summary: The philosophical legacy of Nikolai Berdyaev stands out against the background of both Russian and world intellectual traditions. Ideas about such concepts as «space» and «time» occupy a key position in his view of human existence, freedom and the spiritual world. Space as a category of philosophical knowledge is manifested in all his works. Berdyaev N. considered space not only as a physical phenomenon, but also as a deep philosophical concept associated with human freedom and self-awareness. The concept of time in Berdyaev's work also bears unique features. For Berdyaev, time is not just an object of study, but a deep problem that permeates his thoughts and experiences, becoming the main question of philosophy, especially within the framework of existentialism. He believes that the understanding of time acquires true meaning only in the context of its connection with eternity. Space and time in his concept are integral aspects of human existence, which mutually influence each other, creating a unique picture of human life filled with freedom and creativity.

Keywords: N. Berdyaev, space, time, philosophy, concept.

Аннотация: Философское наследие Николая Бердяева выделяется на фоне как русской, так и мировой интеллектуальной традиции. Идеи о таких концептах, как «пространство» и «время», занимают ключевое положение в его взгляде на человеческое бытие, свободу и духовный мир. Пространство как категория философского познания проявляется во всех его работах. Бердяев Н. рассматривал пространство не только как физическое явление, но и как глубокий философский концепт, связанный с человеческой свободой и самосознанием. Концепция времени в творчестве Бердяева также несет в себе уникальные черты. Для Бердяева время – это не просто объект изучения, а глубинная проблема, которая пронизывает его мысли и переживания, становясь основным вопросом философии, особенно в рамках экзистенциализма. Он считает, что осмысление времени приобретает подлинный смысл лишь в контексте его связи с вечностью. Пространство и время в его концепции – неотъемлемые аспекты человеческой экзистенции, которые взаимно влияют друг на друга, создавая уникальную картину человеческой жизни, наполненной свободой и творчеством.

Ключевые слова: Н. Бердяев, пространство, время, философия, концепт.

Среди фундаментальных понятий, используемых в философии, есть категории, осмысление которых продолжается с незапамятных времен и по сей день в самых различных философских направлениях и школах. К числу подобных категорий можно отнести «пространство» и «время». Проблема данных дефиниций занимает умы многих деятелей искусства, науки, философии. Тема «пространства» и «времени» широко представлена как в философской, так и в исторической литературе.

Философия Николая Бердяева занимает уникальное место в русской и мировой мысли. Его взгляды на философские концепты «пространство» и «время» играют ключевую роль в понимании человеческого существования, свободы и духовности.

Пространство как категория философского познания всегда занимала Бердяева. Эта тема, в той или иной степени, проявляется во всех его работах. Николай Бердяев рассматривал пространство не только как физическое явление, но и как глубокий философский концепт, связанный с человеческой свободой и самосознанием. Он утверждал, что пространственное измерение ограничивает человека, ставя его в рамках объективной реальности. Однако это ограничение не является абсолютным [3].

В 1918 году выходит его труд под названием «Судьба России», где отдельная глава называется «О власти пространств над русской душой». В этой работе философ отмечает: «Не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Восток-Запад, объединенное и организованное государственное целое... Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения своего государства русский народ истощал свои силы... И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека. Гений формы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы» [4, С. 115]. Отсюда отчет-

ливо видно, что пространство понимается Бердяевым как «географическое априори», которое дано русскому народу и оно же и обуславливает характер русской культуры в самом широком смысле этого слова. Русский народ или русский человек «подавлены» пространством, и, как следствие этого, можно предположить, что не являются субъектами истории. Бердяев использует такие формулировки, как: русский народ был «принужден», «великий Восток-Запад должен был образоваться». Интересно отметить, что другие философы иначе воспринимали взаимосвязь географического пространства и человеческого общества [8]. Так, Гуссерль выделяет несколько наслаивающихся друг на друга пространств, миров. «Есть «первоначальная окружающая среда», ближайшая к нам природа и «мир твоего дома», твоей семьи, расширяющийся в пространство «родины» [6, С. 88]. Этот мир, с одной стороны, имеет глубоко личностную окраску, а с другой стороны, предстает как «среда вещей» [1]. Причем, по Гуссерлю, географическое пространство – это априорная данность и не более того [7]. По мысли Бердяева географическое пространство тоже выступает в априорной роли, однако, бердяевское географическое пространство, выглядит как доминирующая – практически живая сущность [2]. Влияние этого пространства на каждого индивида настолько велико, что определяет буквально все то, сколько индивид смеется и то, как индивид относится к государству. Развивая эту мысль, Бердяев прибегает к сравнению русского народа с немецким народом. Философ пишет, что немецкий народ, напротив, зажат своими пространствами, поэтому вынужден быть активным, скрупулезным, организованным. «Возьмем немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы... Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет» [4, 43]. По мысли Бердяева, географическое пространство довлеет над любым народом и определяет его. Однако, в этой зависимости народа от пространства отдельную роль играет государство и государственная власть. Бердяев пишет, что именно из-за необъятности русской географии, жизнь русского общества всегда была подчинена централизованной русской власти. Русский человек не осознает личных свобод, так как они специально подавлялись на протяжении всей истории, ибо исключительно в централизации жизни виделся «рецепт» выживания на русских пространствах [2]. Эта насильственная централизация народной жизни была обусловлена еще и постоянной опасностью военного вторжения. Русский человек, как считает Бердяев, находит спасение в смирении и отказе от «исторического и культурного творчества», где отказ и требовался от

этого человека государством. Однако, вступив в союз с государством, народ может подчинить себе даже географическое пространство, которое определяется Бердяевым как абсолютное априори. «Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его. Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами, и разрабатывающей их русской энергией» [4, С. 45]. Исходя из выше отмеченного можно сделать вывод, что категория географического пространства для Бердяева является фактором внешнего и тотального влияния на социум и индивид. Однако, в работах Бердяева есть и другое понимание пространства – не измеряемое государственными границами. В его работах появляются понятия «Восток» и «Запад» [9].

Указывая на вековой спор славянофилов и западников, Бердяев занимает метапозицию, говоря о том, что все не так однозначно. Славянофилы, по мысли Бердяева, несмотря на свой «Русский» пафос, оказываются людьми западными по своей натуре. Западники именно своим слепым преклонением перед западом являют миру свою «азиатскую» суть [10]. «Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность» [4, С. 45-46]. Интересно отметить, что Бердяев к оппозиции Восток-Запад добавляет еще и третье понятие: «Азия». Азия, по Бердяеву, это не восток, хотя она находится на востоке. Азия и азиатский человек, по мысли философа – это, по своей сути, ребенок и детское состояние. Выражается оно в том, что азиат старается пародировать европейца, но пародия всегда получается неудачной. Как между Европой и Азией существует дистанция, так и между ребенком и взрослым существует дистанция, и дистанция эта непреодолима [5, 8].

Для Бердяева дистанция между Западом и Востоком куда меньше, чем между Азией и Западом. Объясняется это тем, что пространство Запада, пространство Востока и пространство Азии – это внутренние пространства человека. Характерная особенность пространства Запада выражается во внутренней свободе. Свобода эта выражается, в частности, в свободе действий. Западный человек ощущает себя творцом культуры, а не преклоняется перед ней как азиатский человек. Западный человек всегда устремлен в будущее. Даже если он рассуждает об историческом прошлом, то он рассуждает о том, как перенести это «прошлое» и показать его будущим поколениям [2].

Однако, пространство Запада, по Бердяеву, невозможно объяснить без пространства Востока, которое не является тождественным азиатскому пространству: «Так было у всех народов Европы. И еще не следует смешивать темного, дикого, хаотического азиатского Востока с древней культурой азиатского Востока, представляющего самобытный духовный тип, привлекающий внимание самых культурных европейцев. На Востоке - колыбель всех великих религий и культур. И на вершинах европейской культуры подлинно культурный европейский человек не может чувствовать презрения к своим древним истокам. Это презрение свойственно лишь варвару, человеку не культурному. Старинная культурная европейская душа не может идолопоклонствовать перед европейской культурой и не может презирать культуру Востока. Только темная ещё азиатская душа, не ощутившая в своей крови и в своем духе привок старой европейской культуры, может обоготворять дух европейской культуры как совершенный, единый и единственный. И она же не чувствует древних культур Востока» [4, С. 43-44]. Характерно, что сам Бердяев осмыслил себя скорее, как западного человека, но не европейца.

В целом можно отметить, что помимо априорных географических пространств, Николай Бердяев выделяет еще и внутренние публичные пространства: Запад, Восток, Россия и Азия. Эти пространства являются своеобразными пустотами, которые экспонируют человека и вполне способны создавать социум. Пространства эти, в полной мере, являются сформулированными, сконструированными, а не априорными. Таким образом, по Бердяеву, появляются западные люди на Востоке, например, в России, и азиатские люди на западе.

Отдельный интерес представляет «пространство свободы» в работах Бердяева. Пространство свободы и рассуждение над этой проблемой не просто является важным элементом философии Николая Бердяева, оно занимает центральную роль в его философии и проходит красной линией через все его труды. Свобода по Бердяеву имеет границы, однако границы не очевидные на первый взгляд. Именно разговор о «границах свободы», по Бердяеву, и является разговором о самой свободе. Кроме того, пространство свободы функционально благодаря творческому акту. По этой причине логичнее воспринимать этот философский концепт Бердяева в пространственных категориях.

«Пространство свободы», как и географическое пространство является априорным пространством. Разница заключается в том, что географическое пространство – это априори для человеческого общества, а пространство свободы – это априори даже для Бога. «В свободе скрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце. В сущности, я всю жизнь пишу философию свободы, стараясь ее усовершенствовать и дополнить. У меня есть

основное убеждение, что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу» [3]. Пространство свободы практически безгранично, по Бердяеву. Безграничность этого пространства выражается в том, сколько всего в эту «пустоту» помещает философ. Бердяев пишет, что его мысль и вся его философия «рождены» в свободе, и даже Бог ей подчинен.

Свобода как публичное пространство – это пустота, из которой рождается философия и мысль, пустота, из которой рождается личность и общество. Однако, свобода, хоть и дана человеку богом, а, значит, является априорным пространством, все равно нуждается в «активации». Именно ограниченность создает возможность для творчества. Границы пространства преобразуют силу в творческий акт, творческий акт, в свою очередь, является действием и ведет к развитию вперед. Именно развитие вперед для Бердяева является высшим благом. Бердяев наделяет пространство Запада взглядом, направленным вперед. Себя он тоже причисляет к людям, смотрящим вперед [2].

Концепция времени в творчестве Бердяева также несет в себе уникальные черты. Для Бердяева время – это не просто объект изучения, а глубинная проблема, которая пронизывает его мысли и переживания, становясь основным вопросом философии, особенно в рамках экзистенциализма. Он считает, что осмысление времени приобретает подлинный смысл лишь в контексте его связи с вечностью и исследует это понятие, придерживаясь субъективистского подхода.

Он выделял два основных аспекта времени: механическое и духовное. Механическое, линейное время, измеряемое часами и календарями, рассматривается Бердяевым как ограничение свободы. В этом понимании время становится врагом, сжимающим человеческую активность и творчество. В противопоставление механическому времени, метафизическое или духовное время является тем временем, в котором разворачивается жизнь души. Это время, в котором происходит взаимодействие между человеком и Богом, время внутреннего опыта и трансцендентного. Бердяев подчеркивал, что именно в духовном времени человек обретает свою сущность и может преодолеть ограничения механического времени [11].

По мнению Бердяева, время не следует рассматривать как координату или формат реальности, а как результат объективации внешней реальности самим человеком. Временной поток создаётся не физическим миром, а «трансцендирующим субъектом». Важным воздействием на его взгляды оказались идеи А. Бергсона и М. Хайдеггера, которые рассматривают время как способ взаимодействия человека с самим собой и с окружающей действительностью. Кроме того, концепция Н.А. Бердяева включает и понятие творчества, которое тесно переплетается с идеей творческого преодоления вре-

менной обусловленности существования.

Для характеристики подхода к времени Н. Бердяева используется темпоральная триада: время «космическое», время «историческое», время «экзистенциальное». Время рассматривается им в культурологическом ключе, как символ конечности существования, порождающий желание найти способы преодоления бренности бытия. Время противопоставляется вечности как вневременному совершению. Здесь возникает понятие «испорченного» времени, так автор называет время, потерявшее свою цельность.

В работе «Смысл истории» появляется еще один тип времени: «небесное», или «ноуменальное» время вселенского развития, лишенное деления на прошлое, настоящее и будущее: «целостная жизнь, которая совмещает прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве, поэтому действительность, отошедшая в прошлое, не есть умершая историческая действительность; не менее реальна она, чем та, которая свершается в данное мгновение или та, которая будет свершаться в будущем. Каждый может быть приобщен к истории постольку, поскольку он существует в этой зоне мировой действительности. Христианское учение открывает эту вечность» [3, С. 115].

Если время космическое является равномерным и измеримым метрически, то историческое время, хоть и включается в структуру космического, обладает векторной характеристикой, направлено в будущее. Оно раздроблено на прошлое, настоящее и будущее, разбито на множество моментов, которые образуют не вечностный, а временный план существования бытия, исторический. Экзистенциальное время, рассматриваемое им в субъективно-антропологическом ключе, невозможно измерить метрически, оно связано с чувственным миром человека длительностью его переживаний.

В своем труде «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» Николай Бердяев анализирует время, обозначая его как «болезнь к смерти». Осознание мимолетности всех событий создает у человека эту «болезненную» передачу времени. Страх перед смертью и законами существующей действительности исследуется им в рамках его персоналистского подхода, где время вступает в связь с понятием объективации, что делает человека зависимым от власти времени [11]. Темпоральная триада Бердяева основывается на его концепции трех реальностей: природы, истории и внутреннего мира личности. Каждая из этих реальностей имеет свое важное значение для человека, и он связан со всеми ими.

Одним из ключевых моментов в философии Бердяева является идея единства пространства и времени. Он утверждает, что, несмотря на различия в их природе, пространство и время не могут существовать изолированно друг от друга. Они взаимодополняют друг друга, образуя контекст, в котором разворачивается человеческая жизнь. Таким образом, человек может не просто существовать, а создавать свою собственную реальность.

Подводя итог можно отметить, что концепты «пространство» и «время» в философии Н. Бердяева являются не просто абстрактными категориями, а важными философскими инструментами для понимания человеческой свободы и духовной деятельности. Пространство и время в его концепции – неотъемлемые аспекты человеческой экзистенции, которые взаимно влияют друг на друга, создавая уникальную картину человеческой жизни, наполненной свободой и творчеством. Географическое или историческое пространство страны влияет на народ и детерминирует его поведение. Пространство свободы конструирует индивида в результате чего человек может приблизиться к богу и избежать греха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. – 185 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. – 268 с.
3. Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Философия свободного духа. М., 1994. – 191 с.
4. Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М: 1918. – 240 с.
5. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006. – 464 с.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. – 192 с.
7. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. (Феноменология внутреннего сознания времени). М. 1994. - 162 с.
8. Ерыгин А.Н. Историческое осмысление «Востока» и «Запада» в догматической, критической и символической парадигмах // Новое прошлое. 2018 (1). – С. 236-241.
9. История философии: Запад-Россия-Восток. М., 1999. – 448 с.
10. Королев М.А. Введение в идейную историю русской эмиграции (1917-1991). Калининград, 2024. – 416 с.
11. Малова О.В. Проблема времени в русской философии первой половины XX в. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4 (28). – С. 57-63.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Akhmetova S. – Senior Lecturer, Kazakh National Academy of Arts named after Temirbek Zhurgenov

Bayamonte A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University

Bogomolov A. – PhD Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

Bogrova K. – Candidate of Psychology, Associate Professor, Donbass Agrarian Academy

Braslavsky A. – graduate student, Lomonosov Moscow State University

Eshmeikina S. – Postgraduate student, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev

Fatkhullina D. – Candidate of Science degree in Political Science, Lomonosov Moscow State University

Gafarov A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University

Ivanova E. – Applicant, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva; deputy director, psychological rehabilitation center "Verba"

Konevtsev I. – postgraduate student, Saint Petersburg State University

Kostarev V. – Candidate of Psychological Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University of the Ministry of Education of the Russian Federation

Kovalchuk O. – applicant, Krasnodar State Institute of Culture

Kozhevnikova T. – Doctor of Medical Sciences, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva" of the Ministry of Education of the Russian Federation

Kravchenko S. – applicant, Novosibirsk State Pedagogical University

Kupriyanov R. – PhD in psychology, Docent, Kazan National Research Technological University

Markaryan K. – postgraduate student, FGAO HE "State University of Enlightenment" (Moscow)

Melnikov A. – candidate of psychological sciences, RANEPa

Mikhailova S. – Applicant, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Department of Philosophy and Cultural Studies

Nikiforova E. – Doctor, Psychologist, Graduate student, Autonomous Non-profit Organization of Higher Education "Slavic-Greek-Latin Academy"

Our authors

Piskarev P. – Pavel Piskarev Institute of Creativity Psychology, Saint Petersburg, Russian Federation

Ragulina M. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Pacific National University, Khabarovsk

Rodionova E. – PhD in Psychology, Saint Petersburg State University

Romanova I. – PhD, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

Runovskaya E. – Candidate of Psychological Sciences, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,

Ryabova E. – postgraduate student, Ogarev Mordow State University

Shamilova V. – Pacific National University, Khabarovsk

Shavkin I. – PhD student, Kazan National Research Technological University; R&D director at the LLC "CSS «PERSONNEL PROFY"

Shcheglova A. – Psychologist, Graduate student, Autonomous Non-profit Organization of Higher Education "Slavic-Greek-Latin Academy"

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Takhtarova M. – Donbass Agrarian Academy

Vedenichkin D. – postgraduate student I.A. Bunin Yelets State University

Velieva S. – PhD in Psychology, Associate Professor, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev

Veliyeva S. – Candidate of Psychological Sciences, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev

Vinto V. – Teacher, Novosibirsk Institute for the Study of Consciousness

Volobuev V. – Candidate of Medical Sciences, Donbass Agrarian Academy

Wang Yibin – Saint Petersburg State University

Yagudin D. – Doctor of Psychological Sciences, clinical psychologist, Chairman of the Board of the NGO "Unity"

Yang Xiaoyao – Saint Petersburg State University

Yekhtenkova A. – Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

Yumatova T. – Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

Yusipova A. – Doctoral student, International Institute of Psychology Smart

Zorina E. – postgraduate student, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ♦ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ♦ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ♦ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ♦ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ♦ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ♦ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ♦ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ♦ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ♦ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ♦ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ♦ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ♦ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ♦ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).